

Бахтур
Варлаамъ

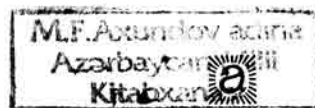
ИЗБРАННОЕ

1-689947

*Бахмир
Вагабде*
ИЗБРАННОЕ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Баку — 1977

Вагабзаде Б.

В12 Избранное. Б., Азернешр, 1977.

291 с., портр.

В книгу включены произведения, отражающие наиболее актуальные проблемы современности, волнующие всех прогрессивных людей нашей планеты.

Среди них поэма «Вторая жизнь» — своеобразный реквием о трагической смерти Героя Советского Союза генерала Д. Карбышева; «Мысль о мыслях» — раздумья о времени и пространстве; «Вьетнамская баллада» — о героическом подвиге вьетнамского народа.

Стихи «Смерть Пабло Неруды», «Черный ящик», «Дайнус Полинг», «Бой», «Я — крохотное сердце» посвящены международным событиям. В цикл «Человек и время», над которым поэт работает более 15 лет, вошли новые стихи: «Куда бежишь?», «Волшебное яблоко», «50 лет», «Спутница», «Поэт-воин» и др.

В 70403—24 124—77
М—651—77

С(Аз)2

Сечилимиш эсэрлери, 2 чилддә. Азернешр, Баку, 1974, 1975.

© Перевод на русский язык. Азернешр, 1977.

ПОДЕЛИТЬСЯ ДУШОЙ...

Есть книги-учителя, которых почтительно слушаешься.

Есть книги-трибуны. За ними идешь, подвластный их зову.

Есть книги-товарищи, книги-собеседники. Они не возвышаются над тобой, не отдают тебе приказов. Они доверчиво и ненавязчиво разговаривают с читателем, как равный с равным — о любви и грусти, жизни и смерти, недоверчивости и красоте.

Такова новая книга стихотворений Бахтияра Вагабзаде, одного из ведущих поэтов современной азербайджанской поэзии, в творчестве которого гармонично сочетаются талант, культура, лирическая сила и житейский опыт.

Азербайджанская поэзия, давшая миру таких блестящих мастеров, как Низами Гянджеви, Физули, Вагиф, Алекпер Сабир и другие, специфика азербайджанской жизни, с ее повышенной чувствительностью к музыке, стихам и качеству последних, где способность версифицировать — повсеместное,ординарное явление, предъявляют к каждому профессиональному поэту повышенные, как бы конкурсные требования.

Помню, как в далеком карабахском селе, в разговоре о поэзии, на традиционный вопрос о любимых, водитель колхозного вездехода Оманет Рагимов сказал мне: «Мой поэт — Бахтияр Вагабзаде!» И начал читать наизусть.

Я не знаю азербайджанского языка. Но я видел лицо, глаза моего собеседника, видел, как, замерев, внимают ему другие, кто был в комнате, слышал страстную, нервную, чуть тревожную мелодию стиха и... честное слово, все понимал.

Года два спустя, снова странствуя по Азербайджану, в Шуше, в гостиничном холле я обратил внимание на многочисленную группу сидящих и стоящих перед телевизором людей. Мне показалось, здесь собралась вся гостиница. Выступал Бахтияр.

Признание и любовь, какими пользуются его стихи в республике, уже сами по себе служат свидетельством их высокого поэтического качества.

И вот новая встреча.

Каждое стихотворение этой книги обращено к человеку. В каждой интонации, в каждом лирическом жесте поэт стремится частью своей души поделиться с собеседником, чтобы понять, насколько возможна связь людских сердец в нашем «прекрасном и яростном мире».

Мчат поезда —
протяжным стоном, песней,
веселым смехом, бременем забот...
Сойдет один на станции безвестной,
другой в огромном городе сойдет...

Никак покоя не могу найти!
Зевая, дремлют ночи на вокзалах.
О сколько жизней, и больших и малых,
ждут своего свершения в пути.

(Перевод Р. Казаковой).

Автор многих известных эпических полотен — поэмы о Ленине, поэм «Дороги и сыновья», «Вечер разлуки», «Оценка», «Мугам» и других — Бахтияр Вагабзаде в этой книге проявил все сильные лирические стороны своего дарования. Истинная лирика, как правило, человечна. Она потому и освежает человеческую душу, что поэт делится в лирическом стихотворении с миром самыми высокими и благородными свойствами души.

— Что печалит тебя?
— Ничего! — отвечаю.
Никогда не хожу я с открытой печалью.
Я ревную ко всем своим горести, грусти.
Пусть не видит никто! Я замру в захолустье.
Погаси эту лампу! Я склонен к тому,
что веселье мое — всем, тебе и ему.
А печали мои — только мне одному.

(Перевод Ю. Мориц).

Предваряя стихи Бахтияра Вагабзаде маленьким вступлением, хотелось бы изложить и такое соображение.

Удельный вес переводной поэзии, существующей на русском языке в наше время, в количественном соотношении очень велик. Половина всей поэтической продукции, выпускаемой нашими центральными издательствами, — книги переводные.

Между тем на русском языке, на мой взгляд, должна выходить не просто новая книга национального поэта, а всегда в какой-то степени его «избранное», итог нескольких книг, составившийся из стихотворений, уже прошедших испытание в стихии родной поэзии и родного языка.

К счастью, Бахтияр Вагабзаде принадлежит именно к таким поэтам. Он никогда не торопился издавать свои книги в скоропспелых переводах. Он, видимо, знает, что поэзия, прежде чем расцвести под общим для нас небом, должна сначала укрепить свои корни в родной почве.

В заключение хочу сказать, что Б. Вагабзаде — поэт в подлинном смысле этого слова. Притом диапазон творчества этого самобытного художника очень широк.

Станислав Куняев

СТИХИ

ИЗУМЛЕНИЕ

«Изумление, бог мой!» — когда-то поведал
О тебе всему миру

поэт Физули.

Не сумев изумиться, не станешь поэтом.
Изумишься — и строки в тетрадь потекли.
Говорят, равнодушие опутало землю:
Ни особенной радости,

ни печали навзрыд.

Говорят, наше время чудес не приемлет,
И душа не пылает, а только чадит.
Утверждению скептиков

удивляться не будем.

Но, пройдя полпути, я постиг, наконец:
Если бог изумленья не милостив к людям,
Виновато не время, а холод сердец.
Красота не покинула мир,

но, положим,

Ты не видишь ее.

Разве мир тут виной?

Лед сковал родники...

Так порой заморожен

Взгляд души человека, насквозь ледяной...

Облака нежно-перисты, небо бездонно,

В лабиринтах земля — от ущелий до скал.

В раннем детстве на мир я взирал изумленно

И свое любопытство, как коня, объезжал.

На лугу изумления

собирал я вопросы.

Знал:

ответы на них

расцветают уже...

Если б мир мне казался

бездушным и плоским,

Изумился бы, верно,
своей плоской душе.
Изумляюсь неистовому цветению
Из скорлупки проклюнувшихся лепестков,
Изумляюсь победному, полнозвучному пеню
Молчаливой природы —
поэта без слов.
Разве все чудеса на земле перечислю?
Разве всем овладею,
что лежит в тайнике?
Изумляюсь своей неоформленной мысли,
К месту сказанной фразе,
крылатой строке.
Изумлен сострадающим,
созидающим сердцем,
Разжигающим чистый огонь без золы.
Изумлен семенами,
что в землю мы сеем,
И цветком, возникающим
вдруг
из земли.
Соловьиная трель —
изумления возглас,
Изумления возглас —
воркованье ручья.
Изумленья исполнен струящийся воздух,
Изумленьем певучие ветры звучат.
Вижу камень,
могучей скалой изумленный,
Вижу ветвь,
изумленную пышной листвой,
Вижу сушь,
изумленную влагой соленой, —
Сам собой изумлен
этот мир неживой.
Так не будь, человек, равнодушным и скучным!
Изумляясь, живи!
Изумляясь, умри!
Одари меня светом, теплом и радушьем
И взамен мою душу без остатка бери!
Вряд ли чей-то костер
твое сердце согреет,
Если искру любви обронил ты в пути.

В мир взглядысь,
охвати его весь,
чтоб скорее
Изумление в сердце своем обрести...
И когда я умру,
не смежайте мне веки,
Загляните в глаза, —
попрошу я родных, —
Не тупое страданье
в них застынет навеки, —
Вечный луч изумленья
прорежется в них.

АНТЕННА

На крышах домов,
над обрывами стен,
стальные прутья антенн.
Стволы,
пустившие в мир побеги,
рожки,
трубящие о победе
разума,
о его торжестве.
Колючки венчика
на голове
дня,
века,
прогресса,
звуковые мосты
из железа,
гигантские крылья,
объяввшие мир...
Человеку угодно
каждый час,
каждый миг
из сокровищ, именуемых
всеобщим счастьем и бедою,
получать свою долю...
В клетках мозга
возник вопрос «можно»?
Люди долго решения искали...
И, наконец,
как скальпель,
проткнувший коробку здания,
вырвалась наружу
антенна, —
овеществленное знание.
Порой антенна,

как голое дерево,
трепещет.
Но не от ветра!
Ее сотрясает
то, что нами содеяно.
Антенна — нерв века!

Ах, дерево без веток!
Геометрическая фигура!
Все части света
К нашим домам подтянула...
Желанья передаются по нервам,
как ток по электрическим проводам.
Все услышать хочу
первым,
дать работу своим мозгам...
Та часть света далеко,
но рядом, над крышей,
наше металлическое око,
стальные уши,
которыми слышим.

И все же... все же...
что-то меня тревожит.
Скажем, разговор со своей душой —
разве он внятен мне?
Тысяча помех!
Хорошо еще,
если мы на одной волне...
А что на душе у соседа,
перенесшего те же беды,
живущего в том же здании, —
не знаю.
Винюсь заранее...

Кто за это в ответе?
Я?
Он?
Кто-то третий?..
Ум наш
все хватает охотно.
Нам кажется, он глубок.
Но если душа мелководна,

Какой же в познание прок?
Давайте чувствовать
проникновенно,
давайте над сердцем
поднимем антенну!
С далью
мыслью
слились, —
сердцем
охватим
близь!

ДНЕВНИК

Я веду дневник с самых юных лет.
По листочку сложились книги.
Забываешь подчас столько зим и лет,
Помня лишь о каком-то миге.

Я веду дневник.

Что такое дневник?
На страницах его полустертых
Нет, не похороны
дней былых моих,
А скорей воскрешенье из мертвых.

Годы траура и часы утех
Обретают свой прежний голос:
То медово звучит отзвучавший смех,
То рыдает минувшая горечь.

Без труда поймешь по значкам простым,
Что за чувства владели мною.
Обращаются мои страхи в дым,
Рассыпается страсть золою.

Я веду дневник...

Даже то, чем мог
Поделиться отнюдь не с каждым,
Возникает в строках или между строк.
То робки они, то отважны.

Глаза истины портятся от сурьмы,
Правде

хна ни к чему, как видно.
И от близких скрываем всю правду мы.
Но себя обманывать — стыдно.

День вчерашний ушел навсегда — что с того?
Может, нынешний будет мудрее?
Все пишу без утайки, себя самого
Выставляя на обозрение.

Возвратится ко мне дней ушедших рой, —
Затрепещет душа, как когда-то.
Что терзало меня на странице второй,
Иногда веселит на десятой.

Разгоняю сомнения задним числом,
Над самим собой насмехаясь.
Я сравнил бы дневник с дорогим сундуком,
Чьи богатства рождают зависть.

Как единая, полновесная горсть —
Мои беды, мои восторги;
Золотые пощечины, что себе я нанес, —
Наиболее ценные строки.

Вот стремленья мои попадают в тупик...
Вот надежды становятся явью...
Год на год налегает, и я напрямик
По ступеням к вершине шагаю.

Я веду дневник...
И добро, и зло

Обнажаю.
Зная, что смертен,
Я хочу, чтоб грядущее путь свой нашло
По следам и зарубкам этим.

Жизнь — крутая дорога,
но мы не глядим
Выше глаз, —
не хватает отваги.
Чтоб запомнить уступы, есть только один
Способ: путь свой предать бумаге.

Я простой человек, но бумажный листок
Превращает меня в прокурора.

Пусть порой я сжимаюсь от собственных строк,
Слов никчемных стыжусь, как позора.

Но иные слова возвышают меня...

Жить

с условием

хочу

непременным:

Чтобы прожитый день для грядущего дня
Не помехою был, а примером.

1-6889-17

ВЕСНА

В детстве, в долгие зимние месяцы,
Я с тоской ждал прихода ровесницы —
Светлой, резвой, веселой Весны.
Вот

шаги ее стали слышны...

Я хочу

ей навстречу броситься...

Почему же она не торопится,
Замирает на каждом шагу?
Будем вместе играть на лугу,
Будем бегать там, где не велено.
Мы же оба

юны и зелены,

Мы ровесники и друзья.

Без Весны

мне никак нельзя...

Годы мимо прошли и растаяли,
Годы сладкую грусть оставили.
Вспоминают луга и холмы,
Как с Весною дружили мы.
И Весна желает,

чтоб я

Слушал вновь воркотню ручья.
Но я стал равнодушен к ручью,
Ароматов вдыхать не хочу,
Не люблюсь, как прежде, лавандою.
Не шалю,
От восторга не падаю.
Что Весна мне!
Придет и уйдет.
Я спешу.
У меня — сто забот.
И Весна,
Бросив взгляд укоризны,

От моей отстраняется жизни...
Снова холод и снова ветра.
Нет, — себе говорю я, — пора
Подружиться с Весной, как бывало,
Как бы жизнь не одолевала.
Чтоб хоть краем меня вы коснулись,
Обновление, свежесть и юность.
Нет, уж этой весной,

будь что будь,

А к Весне

я расчищу путь...

Я бодрюсь.

Я готовлюсь жить наново.

А Весна-то, как в воду канула:

Не заметил, как пришла,

Не заметил, когда ушла.

Закружили меня дела...

Нет, теперь не Весна меня радует,

За труды

не Весна наградою,

А предчувствие близкой Весны,

Предвкушение новизны.

А Весна на меня все сердится.

Расчищаю к ней путь

в своем сердце,

Путь извилистый и крутой

В сердце, полном такой тоской...

Но тоска ожидания весны

Мне дороже самой Весны.

ПОД ОКНАМИ МОИМИ

Под окнами моими
каждый вечер
Транзитные проходят поезда.
И в каждом расставания и встречи,
Тепло и холод, радость и беда.
На свадьбу приглашенные,
Тризной удрученные,
На отдых спешащие,
Отпуск отгулявшие, —
Все одного состава пассажиры,
Одним маршрутом следуют по жизни.

Творящий мир и рушащий,
Пугающий и струсивший, —
Мы все одной планеты пассажиры,
Одним маршрутом следуем по жизни.

В моей душе — стальные параллели.
По ним который уже год подряд
Непримиримые мечты и цели
В двух разных направлениях скользят.
И противостоят друг другу вечно,
И не пересекутся никогда!..
Под окнами моими

каждый вечер
Транзитные проходят поезда.

КРАСОТА

Над Каспием, в тот предзакатный час,
Когда полнеба заревом залито,
Разнообразие красок тешит нас,
Пленяет их певучая палитра.

По случаю какого торжества
К земле сегодня небо в гости звано?
Отпав от облаков, осенняя листва
Еще летит, еще горит багряно.

Мы знаем семь цветов, семь музыкальных нот.
Но тысяча оттенков у заката.
На тысячу ладов морской прибой поет.
Богато небо и земля богата.

Вздывается и падает волна,
Расцветкой отвечая небосводу.
Природа-мать, лишь только ты одна
Такие краски подбираешь сходу.

Пока сияет неба глубина,
Пока лучи не вспыхнут на прощанье,
Меняются картины и тона,
Слух радуя и зренье насыщая.

Гармония, поэзия, мечта,
И стих, и музыка, —
все-все сплелось тут разом.
И возвышает сердце красота
И очищает утомленный разум.

Давайте вдохновляться красотой,
Большого или малого мы роста,

А суеты, никчемной и пустой,
Стесняться, как ужасного уродства.

И людям душу отдавать сполна,
И никогда не мелочиться.
Ведь в каждого заронена
Всемирной красоты частица.

КАК ВСЕ-ТАКИ КРАСИВЫ ОБЛАКА...

Моему другу, профессору Худу Мамедову.

Лачуга пряталась в лесной тиши.
Дед каждый день
встречал восход над кручей.
Нет, не дрова, —
он на плечах тащил
Груз жизни, многотрудной и тягучей.

Дед прожил ровно восемьдесят лет.
Он сеял семена — всходило лихо.
Он пил заботы так, как пьют шербет,
Тяжелым плугом
зло
взрезая лихо.

Он не сдавался,
духом став сильней,
Тоску и скорбь развеял постепенно.
И терпеливо поднял сыновей,
Как поднимают каменщики стены.

Быть честным
наказал всем семерым,
Жить смело, умирать еще смелее.
Не ждал подачки, жил трудом своим,
Жалея всех, себя лишь не жалея.

Однажды он пришел домой и слег.
Вся жизнь неслышно проходила мимо.
Ни разу не болел. И занемог
Лишь для того, чтобы уйти из мира.

Хворал. Два месяца лежал молчком.
О чем-то думал. И сгорал в молчанье.
Когда зазеленело все кругом,
Прислушался к весеннему журчанью.

Сказал: — Подняться не хватает сил.
Душа кипит, но нет уж прежней прыти.
Проклятый рок к постели пригвоздил.
На сочный луг меня перенесите...

Перенесли его на сочный луг.
Цветы толпились, чашечки склоняя.
Уже садилось солнце, и вокруг
Пылало все от края и до края.

И плыли облака издалека,
И уплывали, пламенем объаты.
— Как все-таки красивы облака!
Я и не знал, — сказал он виновато.

В его душе свет мира не погас.
Но почему же в жизни этой длинной
Он только раз, всего один лишь раз
Взглянул на небеса — перед кончиной?

ТЫ В СУТЬ ВГЛЯДИСЬ

Открой глаза,
получше в мир взглядишь:
Вот мята, вот гвоздика, вот нарцисс.
Ты обнимаешь взором поля ширь.
Но разгадаешь ли узор души?
Как ты узришь,
что я в себе таю:
Любовь мою и ненависть мою?
Мой страх, мои надежды и восторги
Глаза не видят, как ни дальнорозки...
Но если вдруг проникнешь
в дебри эти,
Увидишь все в ином,
в ярчайшем свете.
Меня, себя, ширь поля, —
все вокруг
Преобразованными ты увидишь вдруг.
Поверхностное зренье, друг мой, ложно,
А глубину вещей измерить сложно.
На то,
что лишь глазами можно зреть,
Не стоит
слишком пристально смотреть.
Сам разгляди и дай увидеть мне,
Как семя пробуждается в земле!

КТО Я?

Неважно, как меня зовут.
Здесь имя загодя дают.
Те, что его
 младенцу дали,
Потом поймут,
 что маху дали,
Назвав Арифом* простака
Или Логманом** дурака.
Вдвойне неважен возраст мой:
Он не всегда
 в ладу с душой,
И с пониманьем,
 и с умением.
Ведь мы с годами не умнеем.
Порой дитя
 куда мудрей
Глупца, что справил юбилей.
Ты хочешь знать,
 кто я, что я?
Я — это мысль и страсть моя,
Моя любовь, мои страданья,
Моя мечта, мои деянья.

* Ариф — ученый.
** Логман — мудрец.

О СЧАСТЬЕ

Что значит «счастье»?
 Был безус, —
Смеялся: счастье — эхо диво!
Студентом думал: кончить курс —
И означает жить счастливо.

Почтя за счастье всякий труд,
Работал, занимался делом.
Прочел: поэты признают
Любовь
 счастливейшим делом.

Влюбился!
Таял, как свеча.
Где счастье? Где?
Одни тревоги...
Но от любовного бича
Остались сладкие ожоги.

Женился, чтобы не страдать,
Не ждать кого-то и чего-то.
Но кончилась и благодать.
На смену ей пришла забота.

Я понял: счастье — оком,
Который не окинуть оком.
Чем дольше мы к нему идем,
Тем нам яснее,
 как далек он.

Я вижу близь и вижу даль,
Частицы света, тьмы частицы.
Увидеть хочешь гору, — дай
Ей отделиться, отдалиться...

Женился, чтобы не страдать,
Не ждать, не изнывать в надежде.
Но кончилась и благодать.
Так где же счастье? Где же? Где же?

А может, счастье только в том,
Чтоб призывать его всечасно,
Искать его, мечтать о нем
И жить надеждою на счастье?..

Я весь свой опыт, весь свой пыл
Отдал стиху.

И в ту минуту
Я, несчастливый, счастлив был
Лишь тем,
что нужен он кому-то.

РАЗГОВОР С ВРАЧОМ

Только начинает покалывать сердце,
знакомый мой врач
откровенно сердится,
за пульс берется:
— Восемьдесят... девяносто...
И говорит:
— Приятель!
Как ты к себе халатен!
Кожа и кости, ей-богу.
Нельзя работать так много.
Дай голове покой...
Садится. Выписывает рецепты.
— Пей перед едой.
Диету, смотри, не нарушь.
По утрам — теплый душ.
После обеда вздремни.
А курить — ни-ни...
И еще, и еще советы...
Слушать их мочи нету.
Столбиком ртутным
командовать трудно,
ртуть
от погоды зависима.
А человека
в узкие рамки
вести —
просто немыслимо...
Если светильник я,
мысли мои —
свет.
Так или нет?
Как же отбросить их?
Как отказаться от верных друзей,
от лучших друзей своих?

Думаю думу —
в небе парю,
пленному духу
крылья дарю.
Мысль позволяет
вглубь заглянуть,
сквозь оболочку
увидеть суть...
Врач, дорогой,
по твоим словам
я
от благ этих
должен отречься сам.
Но как же отречься?
Не мыслить
как?
Я счастлив,
когда я творю,
чуждак!
Я отдыхаю,
поверь мне, друг,
работая
не покладая рук.

ОКУРКИ

Кольцами над ними дымки душевные,
Словно шары воздушные.
Лежат в пепельнице у самого края,
О чувствах былых напоминая,
Оживляя мечты, что в душе истлели...
Стрелы, пролетевшие мимо цели,
Вылущенного замысла пустые шкурки —
Окурки.
Были победы,
Были скорби, —
В пепельнице — побеги,
В сердце — корни...
Люди придумали верное средство,
Чтобы выкурить боль из сердца,
Чтобы дать разгореться ярче
Огоньку ожидания удачи...
Людам разрядка необходима.
Кольцами над ними клубы дыма,
Каждое кольцо, белое, синее, —
Это желанье, смелое, сильное.
Люди любят курить в одиночку,
Устремив глаза в одну точку,
И никакая на свете преграда
Не устоит

перед скальпелем

этого взгляда...

У человеческой мысли сотни отрогов.
Но сам человек,

многомерную мысль исторгнув,

Послав ее на огромные расстоянья,
Остается недвижим, как изваянье.

Я бы повесил таблички на каждое:
Одно изваянье назвал бы Жаждою,

Второе — Поиском,
 третье — Любовью,
Четвертое — Мужеством,
 пятое — Скорбью...
Курильщики видят внутренним взглядом
Тех, кого нет почему-то рядом,
Тех, кого видеть особенно хочется.
И от собранного
 взгляда
 людей
Рушится одиночество.

«ЭМКА» — «ВОЛГА»

Вспоминаю я, какие были
До войны машины...
 Век таков,
Что и модные автомобили
Разделяют участь стариков.

Вот сегодня мимо промелькнула
«Эмка», — знаменитый «М-один».
Я оглох от грохота и гула,
Я старушку взглядом проводил.

Было у нее когда-то имя.
Говорили: «Эмка — это да!»
А теперь моделями другими
Вытеснена прочно, навсегда.

Сердце!

Если быть смешным не хочешь,
Не грусти о прежнем, о былом.
Как бы обходились мы без новшеств?
Примирились бы с любым старьем!

«Эмку» вытеснила «Волга».

«Волгу»

Вытеснит машина поновей.

Я

за сердце

чувствую тревогу.

Не сдавайся, сердце, не старей!

Балахон вчерашней славы сдернув,
Постарайся жить текущим днем.
Странно выглядит музейный жернов
Рядом с современнейшим станком.

Время
каждый час и миг в работе,
Время — наш судья и господин.
Жаль мне тех, кто одряхлел и плотью,
И душою, словно «М-один».

От тридцатых до шестидесятых
Много было пройдено путей.
Старость —
не такой уж недостаток.
Дух изношенный
куда страшней.

ЧУЖОЕ ТЕПЛО

Он прятался под мышкой у кого-то.
Себя собою признавал едва.
Тот голос, что ему дала природа,
Чужие выговаривал слова.

Всегда напяливал чужие лица.
Всю жизнь менял личины без числа.
Хоть дрябнущая кожа обновиться
Под каждой новой маской не могла.

Умело улыбался по заказу.
Перед женою чванился потом.
Причем ни разу в жизни, да, ни разу
Не пораскинул собственным умом.

В грозу над ним
раскрылся зонтик пышный,
Чтоб на льстеца ни капли не стекло.
Как градусник, задохшийся под мышкой,
Чужое он использовал тепло.

ОСТОРОЖНОСТЬ

Безумству храбрых поем мы песню...

М. Горький

«Осторожность» — не в ладу я с этим словом.
Словно враг, в друзья напрашивалось мне.
Если дар боязнью тайной скован,
Не парит он, а влачится по земле.

Если я пишу с оглядкой, — зря надеюсь,
Что к сердцам пробьется вялый стих.
Если ж мне слова диктует дерзость,
Даже трус откликнется на них.

Для поэзии, для истины открыты
Почему-то

даже робкие сердца.
А слова, что осторожностью отлиты, —
Мимо труса, мимо храбреца.

Вы, ходившие окольными путями,
Запрудившие живую мысль свою,
Сколько б вы по жизни ни петляли,
По пустым рукам вас узнаю.

Вы, что каждый свой шаг предусмотрели,
Почему вы попадаете впросак?
Только смелый достигает цели
Или гибнет, отменяя страх.

Смелость — подлинная жизнь, большая,
Если и отмерена в обрез.
Осмотрительность — не точка, запятая.
Осторожность — отблеск, а не блеск.

Знаю, осмотрительность-рабыня
Не дарила миру отродясь
Ни единого борца.

И ныне
Кто боится смелых больше,
чем боязнь?

Нелегко дается людям дерзость.
Осторожность — проще, без потерь.
Но, сто раз отмерив, чтоб отрезать,
Если я и жил, то в слепоте.

Осторожность — страшная растрата
Жизни.

Кто ее восполнит мне?
Я страшусь не смелости, а страха.
Страх — опора рабства на земле.

ВОСПОМИНАНИЯ О БАБУШКЕ

Влюбился я в сказки,
поверил я в сказки.
Они рассыпались
на горы, на скалы,
в чарыках железных
стояли над бездной,
манили в пещеры,
манили в ущелья.
Мир
сказочным был,
на глазах хорошея.
«Козлятушки, ребяташки,
Отворитесь, отопритесь», —
клянчил хитрый волк —
и зубами щелк.
Верил я в хитреца,
верил я в кузнеца,
и в козу,
и в козлят —
тех, что в брюхе волка
тихонько пищат.
И стремился я к ним
за высокие горы,
становилось моим
постороннее горе.
Я хотел, чтоб козлята
не верили волку,
я не знал,
что в желаньях благих
мало толку,
что святая наивность
не имеет конца,
что наивные верят
речам хитреца.

Мне казалось тогда,
что под каждой травинкой
скрывается сказка,
что каждой тропинкой
пробирается сказка.
Что кусты зачарованы,
что пути заколдованы,
что, подстать чудесам,
сказкой

стану

я сам:

«Отворитесь, отопритесь!

Ваша мать пришла,
молока принесла»...

Умолял я,
чтоб бабушка
сказку прервала
перед тем,
как наестся
хитрец
до отвала.

И она уступала
после краткого спора,
не давала
козлятам
впустить живодера.

В детсаду
воспитательница молодая
ту же сказку прочла нам,
ничего не скрывая.
И, увидев,
что мы
разрешиться готовы,
— Сказки — ложь, —
заявила, —
от слова до слова.
Кто же плачет
над сказкой,
кроме глупых ребят?
Ни козы нет,
ни волка,
ни бедных козлят...

Доживал дни чужие
или свои,
Торопясь уложиться в срок?
И чего он желал и о чем говорил,
Отдавая последний миг?
Я хотел бы понять,
как свой тайный мир
Он чужою душой постиг.

Как он выдержал все восемнадцать дней?
Как осмыслил свой краткий век?
Осознал ли, что сердце бывает верней
Человеку, чем сам человек?

Врач, прошу тебя: торжествовать погоди,
Дай сказать мне одно лишь слово.
В этом мире разумном

и так
пруд пруди
Живущих за счет другого.

Сердце в чужое тело вросло.
Но это еще не победа.
Боюсь, что будет расти число
Живущих кровью соседа.
Я одного не могу понять,
Остерегая вас, люди:
Как же смог разум сердце познать,
Себя не познав по сути.

КТО УМНЕЕ?

Мне сейчас и шелохнуться трудно.
Тянется ко лбу моя рука.
Сильно ль поднялась температура?
Ниже

или
выше сорока?
И хочу понять, да не умею.
Вот бы градусник ее засек.
Неужели градусник умнее,
Чем его создатель — человек?
Факт, что я соображаю меньше
Градусника!

Ведь в конце концов
Нашей волей созданные вещи
Превосходят нас,
своих творцов!

★

Свет есть свет, он — путь огня
в бездне мрака, в слове, взгляде...
Он горит внутри меня, —
поклонения ли ради?

И светильник надо мной,
уподобленный награде
за негладкий путь земной, —
поклонения ли ради?

Свет есть свет. Кинжал из тьмы.
Пусть им жизнь и увенчалась,
самой ревностной хвалы
не приемлет величавость.

Свет взрывается во мгле,
спины разогнув, колени,
ради блага на земле,
а не ради поклоненья!

СУТЬ СУЩНОСТИ

Гор в простор небес влечение,
вод упрямое течение,
вызревших садов свечение
суть их сущности и есть.

Старика реченье веское,
юноши отвага дерзкая,
девушки невинность детская
суть их сущности и есть.

Веры гордое молчание,
лжи бессильное рычание
и сомнения качание
суть их сущности и есть.

Сердца искренность счастливая,
чувства сила не кичливая,
слова жизнь не суетливая
суть их сущности и есть.

Стихотворца боль сердечная,
честь работы безупречная,
нежность матери извечная
суть их сущности и есть.

ТРАМВАЙ

Как ликовали юные умы, —
ты никогда об этом не забудь! —
когда в Баку прокладывали мы
трамвайный путь,
трамвайный первый путь!
И пели мы про красный наш трамвай...
Об этом тоже ты не забывай!

Но годы шли.

И сам уже я сед.
И радости у нас совсем не те.
И радуемся мы тому, что нет
трамвая больше в городской черте...

Две радости,
скрестившись на бегу,
слепили облик
нового Баку.

УПОРСТВО

Летящее время
дерзнул я упрямо пленить,
на стрелки часов
накинув мечты моей нить.
Сегодняшним я не жил,
я в завтрашнее спешил,
а это непросто.
Был ветер мне —
вместо коня,
хватило у сердца огня,
и новое имя теперь у меня:
Упорство!
Упорство!..

ДВА СЛЕПЦА

Я знаю одного слепца,
который все же зрит, как зрячий,
и умный свет его лица
прозреньями души означен.
Он видит сердцем,
и его
считать слепым мы б не посмели...
Еще я знаю одного,
того,
кто слеп на самом деле.
Виновника чужих скорбей
он никогда бы не обидел,
при нем товарища убей —
пожмет плечами: мол, не видел.
Он душу запер на засов
и нараспашку к вам не выйдет.
Он видит циферблат часов,
а бега времени не видит.
Не выбежит на чей-то плач,
ни за кого не похлопочет...

Нет, слеп и вправду тот,
кто зряч,
но видеть ничего не хочет!

★

Уходят годы, словно в руслах—воды.
Во мне ты, как дыхание природы.
И рушатся внезапно неба своды,
которые я памятью зову
о той, что не увижу наяву.

Ушла, но голос мне остался твой,
и взгляд в моих глазах остался твой,
и след во всех садах остался твой,
и память, то ликуя, то рыдая,
твердит мне, что с тобою навсегда я.

До затаенных уголков души
друг другу раскрывались мы в тиши.
Не все те дни светлы и хороши,
но, как ты, память сердца, ни горька,
все сладостно душе издалека!

ПОЕЗДКА В НОЧИ

Скитальцев, одиноких и усталых,
напоминают ночи на вокзалах
глухой, необъяснимою тоской,
бессонной бесприютностью людской.
Здесь жизнь как будто замирает вдруг,
и если город нами морем признан
домов и судеб,
то вокзалы — пристань,
где замкнут круг
или разомкнут круг.
Здесь город начинается —

и здесь
печально гаснет шум его и говор
для каждого, кто покидает город,
но в новизне пути еще не весь.
Таинственным свистком, далекий поезд
загадочную начинает повесть...
Кого, куда везете, поезда?
Иной спешит в край возвратиться отчий,
где некогда взошла его звезда
и где глаза закрыть навек он хочет.
К последней остановке поезд мчит...
Но где она?

Кто нам об этом скажет?
Залепит стекла дым.
Спать спутник ляжет,
Безмолвна ночь.
И человек молчит.
А где-нибудь на полустанке сонном,
прижав ладонь измученно ко лбу,
ждет кто-то скорый поезд,
как судьбу
в ее крутом движении неуклонном.
А мы?

Летят незримые года.
Несутся нашей жизни поезда!
И нет уже начала и конца,
за светом красным, яростным, запретным,
за разрешающим зеленым светом
следят с наивной верою сердца.
И если даже цель тебе ясна
и понимаешь,

для чего в пути ты,
спокойный, свежий,
или злой, небритый,
застыв у запыленного окна,
весь устремлен к тому, что далеко,
что позвало, собой все в жизни знача, —
ты осознаешь,

насколько нелегко
дается долгожданная удача!
Мчат поезда —
протяжным стоном, песней,
веселым смехом, бременем забот...
Сойдет один на станции безвестной,
другой в огромном городе сойдет...
Никак покоя не могу найти!
Зевая, дремлют ночи на вокзалах.
О, сколько жизней, и больших, и малых,
ждут своего свершения в пути.
Дорогой жизни, скорый поезд, мчи!
Людские судьбы —
Поезда в ночи.

Чего мы хотим,

ты и я,

мы не знаем уже,

и, как две звезды, мы в тумане с тобой заблудились.
Чего же хотим мы? Душа не ответит душе.
Не знаем...

И вот оттого-то в ничто превратились.
День светом сияет — и светится ночь темнотой.
Ни света в нас нет и ни тьмы озаряющей той.
Летит сердце к сердцу, звезда же летит от звезды...
А мы и не там, и не тут — на распутье беды.

Я пьян ароматом цветка, что я встретил в пути.
Сорвать его — подло, не тронуть — нет муки больней...
Цветок мой, идем мы с тобой для того, чтоб идти.
Нет цели у наших текущих безудержно дней.

Конечно, кто знает, что сбудется завтра, потом?
О завтра подумаем завтра, а нынче — о том,
что в мире бывает такая святая вина,
которая больше, чем благо,
во благо дана.

Не надо печали! Пусть горы поглотят твой стон,
и ты позабудешь его, как безрадостный сон,
ведь, губы твои опалив беспощадным огнем,
он мглы не рассеет, и ночь он не сделает днем.

И все ж согласись: даже маленький самый листок
колеблется только от ветра, пусть он и жесток.
И так же без дрожи листка, с веткой всей заодно,
о ветре, большом или малом, нам знать не дано...

Чего мы хотим,

ты и я,

мы не знаем уже.

Желания наши рассеяло звезд решето.

Чего мы хотим друг от друга?

Темно на душе.

Не знаем...

И вот оттого превратились в ничто.

★

Весною живем ожиданьем зимы,
 Зимою живем ожиданьем весны.
 От малого — вечно к большому спешим.
 Мечтаем о малом, владея большим.
 Мы в детстве

во взрослых спешим превратиться,
 А взрослыми —

в детство хотим возвратиться.

Одно ли желание?

Пять или десять?

Не счесть и не взвесить!

Не счесть и не взвесить!

Века ожидания

того и сего...

Тоска ожидания —

сильнее всего.

И рвемся на части,

И ждем свое счастье,

Имея, имея, имея его...

★

— Что печалит тебя?

— Ничего! — отвечаю.

Никогда не хожу я с открытой печалью.

Я ревную ко всем свои горести, грусти.

Пусть не видит никто! Я замру в захолустье.

Погаси эту лампу!

Я склонен к тому,

Что веселье мое — всем, тебе и ему,

А печали мои — только мне одному.

★

Так хочется сказки, когда за окном
Закатится солнце за горные маски...
Так тесно фантазии в мире земном, —
Поэтому, видно, так хочется сказки!

Так хочется сказки, она бы спасла
От боли, тоски, одиночества — разом!
Диковинам разума нету числа,
Но к лунам летает за сказками разум...

Так хочется сказки, ведь крылья не те
Без воздуха этой волшебной закваски.
Так хочется сказки, чтоб жить в простоте.
Так хочется сказки, так трудно без сказки

ПАДАЕТ СНЕГ

Видишь, как снег этот белый
тяжёл?
В белое
город по горло ушел.
Если б не черных
воробушков стая,
как же тоскливо бы
в городе стало!

КОРНИ

Деревья
в глубь земли вросли корнями,
и корни
возвышают их над нами,
и корни
кормят ствол и крепнут сами.

Все, что живет у нас перед глазами,
имеет корни, чахнет без корней.
Имеет корни, чахнет без корней
и мякоть нив, и твердь родных камней...
А наши корни —
где всего просторней, —
ведь мы их держим в памяти своей.

ВОСПОМИНАНИЯ

Крылатых бабочек отпустим в воздух, в даль —
На пальцах тлеет их пыльца-печаль,
Искристая зола воспоминаний...
Осенний день.
Следы в листве сухой
Теряются, как в памяти глухой,
Но возникают, вновь и вдруг, сверх ожиданий,
Из лиственных, густых напластований, —
Так возникает и мотив воспоминаний.

И в зеркале раздумий вековых —
То вспышками сияний световых,
То стертостью в расплывчатом тумане
Виднеются черты воспоминаний.
То горше смерти, горше всех изгнаний,
То слаще жизни, слаще всех свиданий —
Таков обычно вкус воспоминаний...

Исчезнет солнце за вершиной горной,
Но греет нас так долго, так упорно
Небесное тепло его дыханья.
Уходит молодость, но долго и упорно
Еще нас греет жар воспоминанья...

Мотив забытой песни без названия,
Из этой грустной песни пара строчек...
То гаснувший, то жгучий уголек...
На них похожи все воспоминанья.
Похожи на просторную равнину,
Чьи тропки тянутся на горную вершину.
На глаз, подернутый тоской неузнаванья,
Похожа пелена воспоминанья.

★

Ты пел веками, соловей,
В садах поэзии моей.
Теперь, содрав с тебя корону,
Как если б дал ты петуха,
Тебя из нашего стиха
Прогнали камнем, как ворону.
Вдали скитаешься в долинах,
Но кто богаче стал отныне —
Стихи без песен соловьиных
Иль куст, где ты поёшь в долине?

ЦВЕТОК СРЕДИ ХЛЕБОВ

Красив цветок в саду,
На клумбе и в пруду.
И белый цвет прелестен,
И черный цвет прелестен,
Если он уместен.
Но там, где зреет хлеб,
Цветок всегда нелеп.
Сорняк и дармоед,
Он там наносит вред!
Такое существо
Не тронет никого,
Не восхитит никак!
А разглядят его —
И вырвут, как сорняк.

Я ГОВОРЮ — ТЫ ГОВОРИШЬ

★

Не зная многого, но много знать спеша,
Наш мозг усердствует. И чувствует душа.
Своим научным знанием в силах кто-то
Твое незнание выправить в два счета!
Но то, чего не чувствуешь ты сам,
То не под силу всем научным чудесам.

Покрылась ветка свежеею листвою,
Цветы росой усыпаны живой.
Я говорю:

— Прекрасна ветка эта!

Ты говоришь:

— Фруктовым будет лето!

Ягнята, словно камешки, белеют
В лугах, в долинах, овцы сладко блеют.
Я говорю:

— Пушок на них атласный!

Ты говоришь:

— Кебаб из них прекрасный!

Витают пчелы, собирая соки,
Цветы целуют в розовые щеки.
Я говорю:

— Как плавно пчелы реют!

Ты говоришь:

— От меда здоровеют!

Мы оба — люди, но различен наш язык:
Ты знаешь все, а я все чувствовать привык!

Поэт, душа твоя — вся жизнь твоя,
Ей ведомы небесные края.
Все могут знать все то, что знаешь ты. Зато, —
Никто, как ты, не может чувствовать. Никто.

На этом берегу Аракса —
Отчизна кровная моя.
И противоположный берег —
Азербайджанская земля.
Ну что за родина такая?!
На склоне жизни я стою,
Но целой не видал пока я
Отчизну — родину свою.
Ужель вовек не смогут братья,
Разъединённые рекой,
Приплыть и распахнуть объятия,
И крикнуть: «Здравствуй, дорогой!»
Печаль растёт горой огромной.
Я стал волной твоей, Аракс...
Так Физули, с тоской бездомной,
Смотрел на родину не раз,
Смотрел на родину с чужбины...
А я — с одной земли родной
Смотрю на горы и равнины
Земли, такой же мне родной.

★

Спускайся на землю, скорей!
Ключи от небесных дверей
Находят всегда на земле.
Скрытая в облачной мгле,
Небесная тайна видна
Порою с подземного дна —
Уже не один астроном
В колодце сидел ледяном!
Спускайся на землю скорей!

★

С рёвами вонючими
Взмыла эскадрилья —
Смертью сверхнавьючены
Могучие усилия.
Скорости — сверхновые,
Ёмкости — сверхновые,
Снаружи — всё сверхновое,
Оружие — сверхновое.
А дела — сверхстарые,
А вина — сверхстарая,
А цель одна — сверхстарая...

ДОЛГ

Сошлись, как принято в былом,
Уселись чинно за столом,
Попили чаю, чашку-две,
И, соболезнуя вдове,
Как заводные, вышли.
Смолк
Их скрип сухой.
Ужели долг
Живых перед покойным другом
Хоть как-то связан с этим кругом?
Я эту мысль прогнал с испугом.

★

Искорка любви вдруг наугад
В сердце мне из глаз твоих вошла.
Берегу ее я, словно клад,
Словно светоч, что во мне зажгла.

Если надо, жизнь свою я рад
Сжечь на этом пламени дотла.
И, твоею нежностью богат,
Я хочу, чтоб ты меня ждала.

Без тебя мне тесно на земле,
Горечью душа опалена.
И померкнут, кажется, во мгле
Без тебя и солнце и луна.

Жизнь свою, к твоей любви, к огню,
Как огнепоклонник, преклоню.

★

Тяжелое, как будто шар земной,
И ныне сердце образ твой хранит.
То песнею полно, то тишиной,
И грудь ему — всегда надежный щит.

Наполненное силою взрывной,
Похоже сердце и на динамит,
Ты береги его в жару и в зной,
Когда ты в славе иль когда забыт.

Еще похоже сердце на гранат,
Пусть крепок он, но кровью брызнет все ж,
Когда руками крепкими он сжат,
Когда его в своей руке сожмешь.

А если враг придет с войной опять —
То снова бомбой может сердце стать.

МЕРА ВРЕМЕНИ

Полумесяц — бровь, родной,
Нет подобной ни одной,
Год иной и дня не стоит,
Стоит века день иной.

(Из народных баяты)

Пусть десять жизней мне дадут в наследство,
Я не сменю их
На свою одну.
Покуда время не прошло сквозь сердце,
Как оценю я жизни глубину?

В себя бывшее время не вместило
Всей тяжести разлук моих,
Всего.
Ведь если время — времени мерило,
То нет конца и края у него.

Кто говорит: исток его — минута?
Кто говорит: неделя — дней венец?
Кто говорит: проснувшееся утро —
Всего лишь ночи точка и конец?

Заглядывает ночью в окна время,
Где два жилья под крышею одной.
В одном из них, надеждам давним веря,
Ждет сына мать в глухой тиши ночной.

Боль ожидания сердце ей тревожит,
По всем дорогам думы растеклись,
Раздастся звук, она:
«Сынок, быть может?»
И молит мать: «Сынок мой, отзовись!»

Былое в боль и горечь облекая,
Сама с собою тихо говорит:
«Быть может, с ним стряслась беда какая!
Не зря ведь сердце вечно болит!»
А думы
То спускаются в низины,
То горестно витают в облаках.
Догадки... Мысли... Слезы без причины...
И взор ее как будто на часах...

Как будто ночь
Жизнь дня ее сожгла,
И свет и тьму в одно соединила.
Мать упрекала ночь,
Мать ночь кляла.
Хотелось ей, чтоб утро наступило.

— Приди скорей! Чтоб солнечная нить
Пронзила мрак безмолвный и угрюмый.
Никак не рассветает,
Чтобы смыть
Навек из сердца пасмурные думы.

А рядом, за стеной, — уносят в даль
Наивные мечтанья двух влюбленных.
Теряются сомненья и печаль
В единстве двух сердец соединенных.

Признанья... Шепот...
Рук прикосновенье
Грудь тишины недвижной рассекли.
Вбирает ночь в себя сердцебиенье
Возлюбленных,
Как запахи земли.

А девушка, увидев, как светило
К ее окну раскрытому пришло,
Вздыхнула:
— Вот и утро наступило.
Расстаться нам пора — уже светло!

В одной квартире, в чудо сердцем веря:
— Скорей, скорей, туда, где мой сынок! —

Торопит мать, подхлестывает время.
В другой — замкнули время на замок.

Есть мера
И начала, и исхода
Желаний наших,
Нашего огня,
Есть день, чья протяженность больше года.
Есть год, что был для нас короче дня.

РУЧЕЙ, БЕГУЩИЙ
ПРЕД МОИМ ОКНОМ

Он улаждает тихий сон ночей
И сны мои,
Мечта земли — ручей...
Беги, ручей, звени, сады поя,
И освежай
Прохладой поля!
И огненную грудь моей земли
Ты охлади
И жажду утоли.
Озвучив сердце звоном вешних вод,
Ручей мне колыбельную поет.
Звенит, звенит водою ключевой
И память будит,
Песнопевный мой.
Он говорит со мною языком
Своей волны,
Что с детских лет знаком.
Звени, вода,

меня разговори

И эту ночь, что тихо ждет зари.
Есть у всего начало

и исход,

Вода моя, высокий небосвод
И облака —

родители твои,

Трава, что свежесть пьет твоей струи,
Она — твое дитя, вода моя,
Бегущая в далекие моря.
Кто ищет чистоты —
Я знаю, тот
В звучании твоём её найдет.
Ты сердце унеси мое в залог
С собою,
Быстроходный ручеек,

Неси его в далекие края...
Зачем седея бабушка моя
Когда-то бегу зыбкому волны
Со страхом поверяла свои сны?
И говорила бабушка ручью:
— Ты страх мой унеси
И грусть мою!
Так лейтесь,

Спешите, струи, в тишине,
Спешите, ручей, спешите, волна к волне.
Спешите, ручей, среди трав и среди ветвей,
Чтоб расцвели сады мечты моей.
Ты райских яблок для меня припас,
Ты — сказочный мой сон,
Отрада глаз...

КОНЬ СМЕШАННОЙ ПОРОДЫ

А. Назарли

Рыжие,
буланные,
воронные кони,
Грива к гриве тянется, словно крона к кроне.
Имя есть у каждого
и своя есть ископыть,
Стати знаменитые, золотые искони.
Этот — из Казаха,
Тот — из Карабаха,
Кони не пугливые,
не косят от страха,
Кони тонконогие, кони тонкокожие,
Кони, друг на друга мастью
непохожие.
— Что это за стати? Что это за диво?
Конь-мяляз, звезда — на лбу,
словно пламя, грива.
Белых пятен по бокам и спине разводы,
Не похожий на других,
смешанной породы.
С виду крепок, величав,
и красив, и статен,
Хоть не по сердцу тебе,
но глазам приятен.
Не норовист,
Не горяч
и тяжелый в беге,
Этот конь не принесет всадника к победе.
Если шаг какой возьмет —
не нарушит сроду,
Ни галопом, ни в карьер не пойдет он с ходу.
Хоть на нем бушуй огнем,
не прибавит шагу.

Хорошо таких коней
запрягать в телегу.
И машине не догнать на дороге ровной,
Ежели — не помесь конь,
если — чистокровный,
Если первым скакунам в беге он не равен.
Ведь свое лицо иметь должен
даже камень.
Иль булыжник — камень тот,
или он — кресало,
Искру высечешь — и вот
пламя запылало.
Ты по искорке поймешь,
стар он или молод,
И узнаешь, от какой
он скалы отколот.

ЕСЛИ БЫ...

Мои заботы встали, как редут.
Мои заботы
Мне сожгли ресницы.
Глаза наполнить сном мне не дают
И снам моим с раздумьями сдружиться.

В огне забот горю я все сильнее,
Вздыхаю и ворочаюсь все время.
Прошу дороги в утро у ночей
И в сторону зари
Жду направленья.

Скрип половиц
И всплеск листвы тугой
Меня пугают позднею порою,
И я наполнил комнату зарей,
И небом наполняю,
И землею.

Я слышу краски,
Вижу голоса,
Ворочаясь в постели с бока на бок.
Мне тесно ложе. Как сомкнуть глаза?
И сон не в сон мне,
И покой не сладок.

В окно ложится свет —
И даль светла.
Струятся думы тихо к изголовью.
Я думаю:
О, если б жизнь была,
Была во всем уравнена с любовью!..

ОТВЕТ НА ОДНО ПИСЬМО

Говоришь, что чуда ждешь всегда?
Разве кто-нибудь его чурался?
Как и ты, мой друг,
Я все года
Чуда в нетерпенье дожидался.

Ждал его, но не пришло оно...
Не увидишь чуда тонкой шали,
Если только шерсти волокно
Не расчешут зубья умной стали.
Наше сердце — в чудо включено.

Гору тщетно звал мудрец к себе.
Как тут быть?
Мудрец к ней сам явился,
Сам пришел он, — и никто в судьбе,
В славе мудреца не усомнился.

Конь мой быстролетный — хворостинка,
Руки-крылья рвутся к высоте.
Гладкие дороги и тропинки,
Первые мечтанья,
где вы, где?

Дни мои без лжи,
Где все — впервые,
Дни мои, как всплески на воде,
Мир в свеченье,
Праздники былые,
Ясные сомненья,
где вы, где?

Памятью я вижу, благодарный,
Хлеб—чурек тендирный,
Теплый,
Наш.
Чай, пропахший дымом, самоварный,
Трубочкою свернутый лаваш!

Разговор сердечный, добрый, скромный,
Все в нем —
Нараспашку, не тая!
Где же я,
Всем этим наделенный,
Где же нежность давняя моя?..

Скончался он. В слезе закрытых глаз
Весь мир угас,
И жизни свет угас.
Еще жило тепло его слезы,
И жили
На руке его часы...

ВОВРЕМЯ...

— Будет жизнь твоя спокойной, будет долгой! —
Мне сказали.
Все же в этот мир пришедший — из него уйдет во тьму.
Если прожил жизнь напрасно,
То она нужна едва ли
Всем, кто жил с тобою рядом,
Так же, как и самому.

Если в жизни нужен людям —
Ничего, что путь твой труден, —
Пролетят в мгновенье ока
Годы —
Ливнями в моря.
Если все, к чему стремился, поверял всегда ты людям,
Значит, словно бесконечность, будет длиться
жизнь твоя.

Чем усталостью томиться, чем пустой томиться
скукой,
Лучше сразу без остатка в жарком пламени сгореть.
Тот, кто людям не был нужен,
Жизнь того сравню лишь с мукой,
Лучше уж под тяжкой ношей надорвавшись умереть!

Ни в любви своей, ни в дружбе не умею я скупиться,
Не был я рабом мгновенья,
Как и сердца своего.
Кто, скажите откровенно, кто же смерти не страшится?
Жизни срок, лишенный цели, для меня страшней всего.

Для меня желание жизни неумейной — как награда,
Если только вижу пользу я от дел своих опять.

И завидую не даром
Кокону я шелкопряда
И его предназначенью — жизнь другому передать.
Если будут сто столетий — до последнего предела,
Чем, скажи мне, ты заполнишь
Пустоту тех многих лет!
Нужно вовремя, достойно
жизни всей закончить дело,
Чтоб оставить в чьем-то сердце
Свой, неизгладимый след.

ВООБРАЖЕНИЯ КРЫЛЬЯ МОИ

Есть крылья у меня—
 мои мечты,
 стремительные,
 сладостно-живые.
Мир очень мал для взятия высоты —
Вселенная, ты вся — моя стихия!

Когда в мечтаний давних мирозданье
Вторгался человеческий ум—
Тогда
Рождались

 сказки,
 песни
 и сказанья,

В сердцах запечатлевшись навсегда.

Лечу, лечу,
 то вниз, то вновь взлетаю,
Равнин и гор не видя средь высот.
И дней не знаю и ночей не знаю —
Сквозь сердце вечность,
Мигом став, течет.

Лечу,
 лечу —

 пряят душа и тело,
От блеска звезд не отвожу лица,
Нет для воображения предела,
И небу нет начала и конца.

Свободны крылья разума,
Вольны!
И нет для них преград.

Устремлены
Они в пространства. Человечий разум
Недвижными пространствами не связан.

Порой и небеса ему тесны.
Вдаль,
 в запредельность неба от земли
Летят они,
Подобно метеору.
Чтоб эти крылья воспарить могли,
Найти им нужно в небесах опору.

Что за печаль!
Чтоб я тебя постиг,
В мои глаза смотри с укором,
Строго.
Ведь знаю я — меня сильнее премного
Святая устремленность дум моих.
Весь жар души
Собрав в один порыв,
Почувствую в себе освобождение.
Я — птица,
 я лечу —

 и значит жив.
Я обречен на вечное движение.

И этому пути предела нет.
Измерены пространствами усилия,
Впечатан в небо —
 мой бегущий след.
Есть у меня воображенья крылья.

ОБЕЛИСКИ

В этот мир приходили и мечты воплощали в дела,
Покидали его...

Но земля наша вечно жила.
Но не жить ей, а сгинуть —
и в веках не воскреснуть опять,
Если жизнь за нее не готовы мы будем отдать.

Только эта любовь славословий не терпит и фраз.
Жизнь дает нам отчизна,
порождает для подвигов нас.
Мы, как будто ракеты,
в работе сгораем дотла,
Мы приходим, уходим,
чтоб Родина наша жила.

Славен тот, славен тот,
кто, слышав отечества зов,
Всей душой отозваться,
всем мужеством сердца готов.
И надежно живет
и сейчас, и вчера, и вовек
Та земля, за которую
жизнь свою отдал Бабек.*

О, могилы за Родину павших...
О, могилы, где воины спят...
На груди у земли
на часах обелиски стоят.
Обелиски стоят —
подтверждение жизни моей,
Обелиски впечатались в сердце
и гор и степей.

* Бабек — вождем народного восстания в Азербайджане,
погиб в 837 г.

О, могилы погибших —
в печальных созвездьях венков,
Протянулись, как руки, —
из глубин прошумевших веков.
Мрак нашествий,
сраженья и боль от войны до войны.
Это жизнь,
это летопись милой навеки страны.

О, могилы погибших!..
И меня,
и тебя,
и страну

Устремляют они
на святую дорогу одну.
Мысли многих столетий,
преданья седой старины
Влили в наши сердца,
в наше пламя и думы они.

Вы, за Родину павшие,
озаряете наши дела.
Ваша смерть горделива,
Ваша память навеки светла.
Нам, живущим в грядущем,
передали свое вы тепло
И дыханье свое,
И горение — смерти назло.

Ожив в памяти нашей,
В битвах павшие
песни поют.
И во имя отчизны
к деяниям добрым зовут.
Песни прошлых времен —
в них живет негасимая страсть —
Над страну огней —
над страну моею кружась.

К веку век — пласт к пласту —
наслоенье ушедших времен.
Смотрят павшие в мир,
в тот, который был ими спасен.

Если смерть — то в бою,
если жизнь — до конца для других, —
Учат павшие прадеды правнуков гордых своих.

Тот, кто Родину любит, —
горделиво любовь бережет...
Ведь и Родина тоже, как и мы,
как и все мы, умрет,
Если только не будет,
не будет у Родины тех,
Кто во имя ее будет падать с гранатой на снег.

Ничего, когда слепого обзовет слепец слепцом,
Если зрячего безглазым обзовет слепой — беда!
Кто бревна не замечает сослепу в глазу своим,
Тот в чужом глазу увидит и соломинку всегда!

Потому всегда невежда норовит
Всех выше стать.
На язык его попался — то пощады не проси.
Кто весь мир своею грязью, злобствуя, готов обдать,
Сам барахтаться, наверно, будет в собственной грязи.

Человек я! Тысячи желаний, тысячи мечтаний у меня,
Но одна лишь вера —
убеждений самая надежная броня.
Компас мой — она, незаменимый. У нее на острие живом
Стрелки —
Цель моя, моя дорога, мой еще не выстроенный дом.

Все пути разветвлены, и все же без сомнений
Только нет у веры ответвлений — утверждаю я:
Следуя за верой убежденной, мы идем проверенным
И недостижимого достигнем, вера не кончается моя!
И непостижимое поймем, путем.

Скажи, как с тобой нам расстаться,
совсем не печалься, без мук?
Давно позади мы оставили вершины последних разлук.
И думы твои и мечтанья вошли беспокойно в меня,
И мы породнились сердцами —
теперь мы навеки родня.
Скажи, как с тобой нам расстаться,
совсем не печалься, без мук?

ВОЮЕМ МЫ

С тех пор, как познали наш мир мы,
Веками
Сражаемся
 с морем,
 с ветрами,
 с песками,
Проводим дороги
И зданья возводим,
Цветы на вчерашних руинах находим,
 где змеи гнездились вчера
 и дули сухие ветра.
Гранитные скалы
 упорно взрываем
И дали
Вплотную к себе приближаем.
Воюем
 с природой
 и временем мы,
Воюем
 с неправдой
 и с силами тьмы.
Сражаемся с небом,
Воюем с землею,
Воюем
 с наветами,
 с лестью,
 с собою.
Волнуемся мы,
Наступаем,
Рисуем,
С тех пор, как пришли в этот мир,
 мы воюем!
Мы знаем, с неправдой сражаться умея,
Что даль распахнула нам наша идея!

СМЕРТЬ, ЧЕЛОВЕКА ДОСТОЙНАЯ

Памяти друга, академика Гошкара

Пока на свете нам дышать и петь,
Считаем, что далек тот день суровый,
Когда умрем,
И верим в то, что смерть
Началом будет нашей жизни новой.

Так думаем...
А смерть? Года летят...
И утешает голос сердца: «Рано!».
Но годы приближают наугад
К последнему пределу нас упрямо.

С мгновеньем каждым тверже взгляд и шаг
Детей... За это старость — наша плата.
Отчетливо мы видим в их годах
Свои, что растеряли мы когда-то.

Мы видим, как вчерашние юнцы
Проходят нами пройденной стезею.
Мужают дети. Только мы, отцы,
Стареем, словно горы под грозью.

Мой друг,
Ты знал, что смерти жизнь сильнее —
Так звезд не погасить на небосводе.
Не дрогнул, не склонился перед ней,
Не сдался ей ты и на смертном одре.

Проходит жизнь — и нет ее милей,
Хоть знаем, что наступит смерть однажды.
И в апогее гибели своей
Прекрасной жизнь свою считает каждый.

Хотя не раз разил обид кинжал,
Ты жил, от жизни требуя ответа.
Ты смерти не искал,
Но смерть познал
Достойную призвания человека.

УЛЫБКА МЛАДЕНЦА

Маленькому Исламу

Во сне улыбнулся младенец,
Кто скажет — чему улыбнулся?
И свет этой детской улыбки
Отцовского сердца коснулся.

От ясной, от чистой улыбки
Не зря на земле рассветало.
В ней свет
Восходящего утра,
Зари негасимой начало.

Пускай мудрецы растолкуют,
Зачем улыбнулся ребенок,
Земле

или ясному небу —
Чему улыбнулся спросонок?..

ПО ТУ СТОРОНУ МЕНЯ

Давно молчу,
Безмолвен я давно,
И сердце мое, в ссадинах, ослабло.
Разлукой все во мне опалено.
Ты — моя жажда
И моя услада.

Угрозы... Страхи...
Растерялся, сник.
Неужто нежность кончилась вначале,
И я в свой страх завертывать привык
И грусть очей,
И все свои печали?

Растратили мы годы наугад,
Сменился грустью смех.
Пришла расплата.
И наступил для нас в любви закат.
Кто видел **день**, не знающий заката?

Я — мельница, лишенная воды.
Былые дни жгут память мне угрюмо.
И заросли травой мои следы,
И ни гостей приехавших,
Ни шума.

И этой раны мне не исцелить,
Хотя ее уж столько лет лечу я.
Того, что было, не переменить.
А что теперь? Чего теперь хочу я?

Хотел прожить я тыщи дней легко
И не боялся ни огня, ни жажды.
Сто тысяч дней

На день один всего
Я променял — я потерял однажды.

На все печали мира, все, сполна,
Настроен я — и вот не сплю ночами,
И боль остра,
И сердце — как струна,
Так трогайте мне сердце вы смычками, —
Пускай заговорит моя тоска...
Вершина — ты,
А я — твое подножье.
Не докричусь я до тебя, пока
Беззвездье без тебя и бездорожье.

Сквозь шум и гомон гаснущего дня
Я слышал, как печаль в меня входила.
И понял:
По ту сторону меня
Другое «я», незнаемое, было...

ТРОЕ

Люди сообща и железо сломят.
(Народная пословица)

Когда за острый меч берется время,
Когда острее желания в крови,
Народ из самых ясных побуждений
Творит всегда предания свои.

У радости лишь связанные руки,
На воле ходят горе и печаль.
И мысль молчит, безмолвствуют науки,
Отрезаны пути,
Закрылась даль.

Мечтали о спасенье, как о чуде,
Печаль на воле обретает мощь.
— Скажи, когда, —
Судьбу спросили люди, —
Сумеешь нашей участи помочь?

Ответила судьба нам без загадок,
Открыв дорогу новым временам:
— Чтoб навести на всей земле порядок,
Придет Сахибзаман-заступник к вам.

— Когда придет? —
Опять ее спросили.
— Когда придет?.. —
Ответила, смеясь. —
Издать хлопок одна рука не в силе,
Порою и беды бессильна власть.

Когда же совпадут трех человек
И чаянья, и помыслы навек,

Тогда придет к вам — только очень ждите —
Сахибзаман — великий избавитель.

И юноша, влекомый мудрой силой,
В лад с этой мыслью обо всем судил.
Ему порою снилось, что мессия
По пятницам к Логману¹ приходил.

И в этот сон поверя, юный отрок
Явился к врачевателю тайком:
Пред ним старик — взгляд и глубок, и кроток, —
Гость рассказал ему о сне своем.

— Твой сон правдив! — Логман ответил ясно. —
По пятницам является пророк.
Хоть мысль моя во всем с его согласна,
Мы третьего искали, но не впрок.

Тут юноша вскочил: — Я этот третий!
Поэтому к тебе спешил прийти.
Пусть избавитель явится быстрее,
Чтoб на земле порядок навести.

Вот в дом вошел, сжимая четки строго,
Согбенный старец, очи поднял ввысь.
У юноши в душе страх и тревога.
Учтиво все пред старцем поднялись.

Благоговейно перед старцем стоя,
Тут юноша сказал: — Едины мы!
Ты, и Логман, и я — теперь нас трое.
Явись народу — он живет средь тьмы!

Старик отбросил четки:
— Я согласен!
И сразу — пламя в небе вкривь и вкось.
Гром загредел тяжелым многогласьем,
Казалось — сдвинул он земную ось.

Огонь на них шел в грозном беспорядке.
Логман и старец бросились в пожар.

¹ Логман — мифический исцелитель.

А отрок, испугавшись, без оглядки,
Забыв про все, к себе домой сбежал.

А утром врачевателя случайно
Он повстречал — и вскрикнул, страх гоня:
— Все это для меня — большая тайна!
Неужто вовсе не было огня?!

Логман сказал ему:
— Ты испытанья
Не выдержал по робости души.
Единомышленник — так почему за нами
Ты в тот огонь не бросился, скажи?

А МНЕ КАКОЕ ДЕЛО?

«Как бы ты посмотрел на эти
наши холодные крови, всевыш-
ний?»

САБИР

— А мне какое дело? — ты сказал,
Не чувствуя в своей душе тревоги.
В конце концов понять ты должен сам:
Сливаются и разные дороги.

Не сторонись, душой своей остыв:
Скорбь и к тебе нагрянуть может скоро!
Когда повалит гору вдруг разлив,
Соседняя качнется от напора.

Когда ущемят чьи-нибудь права,
То завтра и твое ущемят право.
Кровь у змеи, как стылый лед, мертва.
Ты — человек и должен мыслить здраво!

Так где же кровь участия в тебе?
Как можешь быть таким спокойным, право?
И почему безмолвствуешь теперь,
Когда попрасть хотят чужое право?

Когда придет бесправье, свет губя,
Неужто будешь робким и бессильным?
Так кто же ты?
Ведь Родина тебя
Не назовет за это больше сыном!

Люби людей, когда ты человек,
Не говори — тот друг, а этот недруг.

А говори:
— Народу я вовек
Принадлежу, как корни — теплым недрам.

Не радуйся, что камень наповал
Свалил, тебя минуя, ныне брата.
Ведь боль того, кто замертво упал
На том конце земли, боль эта свята.
В душе твоей откликнется когда-то!

У океана берег, как оплот.
Тот самый, что прибой встречает смело...
Пусть край велик, и все же страшен тот,
Кто говорит: «А мне какое дело?»

Деревья вереницею живой
Разбросаны, верста — от кроны к кроне!
Друг к другу не дотянутся листвою,
Зато в одной, родной земле
Их корни!

МОИМ СТУДЕНТАМ

Летите, летите, летите, студенты мои вы!
И впредь
Спешите, спешите вершины в сознание своем одолеть!
Пред вами просторы такие, такие пути
и моря.
Сегодня я — ваша опора,
вы завтра — опора моя.
Сегодня вы все — предо мною.
А завтра вот, на ноги встав,
Вы слово мое понесете,
как жизни надежный устав.
Мои вы рассветные звезды,
и праздник, и радость, и грусть.
Вы учитесь быть человеком,
Я этому тоже учусь!
Мчит время... Меняются люди...
Нас всех окружит карнавал...
Всем знания свои отдавая,
Все больше я мир познавал,
Мечтательной юности вашей мир светлый,
и ваша беда,
Беспечная радость — чужими
Я их не считал никогда.
Заботами вашими жил я —
и не было выше забот.
Бурливое море студентов
меняет состав каждый год.
В поток вашей юности ясной
я сердце влюбленное влил.
А годы летели...
И все же я вашим ровесником был.
Ведь двери, что вы открывали
и вновь закрывали пять лет,

Уже тридцать лет открываю,
заботою доброй согрет.
Вам, юным и верящим в поиск,
спешить, удивляться, лететь!
Но все, что прошли вы когда-то,
но все проходить мне и впредь.
Я — сверстник, я — всем вам товарищ,
вручивший на поиск права.
В народ отпустил с вами вместе
я мысли свои и слова.
Свет знаний несите народу —
несите в сердца малышей,
Ведь разве пожнешь, не посеяв, —
бесплодны поля без дождей.
Не жду я от вас поклоненья —
хочу, чтоб учились вы впрок.
Хочу, чтоб вы помнили сердцем
сегодняшний этот урок.
Ведь нет в поколеньи движенья,
горенья высокого нет,
Застойно оно, неподвижно,
когда предо мной ты, студент,
Беспомощно вдруг замираешь,
конспектов листы тербя.
И кажется мне почему-то,
что нет ни меня, ни тебя.
Играть мою старую песню
ты должен на струнах иных?
А сам я?..
Нет, ты продолженье и дум, и мечтаний моих...
Пусть силы на вас я истратил,
но все же доволен судьбой,
Коль все, что я отдал когда-то,
вы взяли в дорогу с собой.
Я с вами везде, дорогие,
и радость приму и беду.
Я верю, я верю, что с вами
в грядущее тоже войду.
Был Пушкин началом уроков
моих —
и Вургун, и Сабир.
А что было целью моею —
познания, неведомый мир?

Где рухнули зданья, опорой
пусть станут они побыстрей.
Не просто людьми быть,
сынами великой Отчизны своей!

Стяг грез,
что взмыли к солнечной мечте.
Его мы водрузим
перед ООН,
Пред разноцветным реяньем знамен.
Пускай всех стягов
стягом станет он!

ВЫМПЕЛ В КОСМОСЕ

Космонавту В. Кубасову посвящаю.

Поднялся вымпел в космос.
Он — не мой,
Не твой.
И никакой страны другой.
Туда, за облака, за небосклон
По воле человека поднят он.
И во вселенной он за пядью пядь
Стремится все загадки разгадать.
Поднялся вымпел,
словно луч зари,
Поднялся ввысь от имени земли.
Слились в нем на пределе высоты
Народов всех
и думы,
и мечты!
Соединились в нем
все времена,
Величье чувств
и мыслей глубина,
Продолжив мыслей бег, он ввысь взлетел —
Несет он вдаль
Планеты всей предел,
Несет он швы границ,
швы рубежей
Планеты нашей
на груди своей.
Он — стяг народов. Он среди высот
Земли моей зеленой свет несет.
Стяг мысли,
что открыла в космос путь,
В себя вобравший всех мечтаний суть.
Стяг разума земного в высоте,

НОВОГОДНИЕ РАЗДУМЬЯ

Да, праздники наши разнообразны,
Как разнообразна погода.
И лист календарный,

последний, прекрасный,
Рвет с кроной минувшего года.

И музыка льется в торжественном русле,
От сердца отринув печали,
И светлая радость сливается с грустью —
Все в прошлом,

все в самом начале.

Как будто бы жизнь не имеет предела,
В ней разом —

и юность, и зрелость...

Смотрите, друзья, темнота поредела,
И первое утро зарделось.

Смотрите!..

Но что изменилось?

Все та же

Метель за окном куролесит,
И кружат снежинки, как белая сажа,
Над трубами в поднебесье.

Взбивается снег под окном, словно пена.
Погода все та же.

И все же

В душе человека идет перемена
Погоды, он время итожит.

Предчувствия тайные мучают душу
И трудной дороги виденье...

Но я перед этой дорогой не трушу,
Я слушаю ночи мгновенье.

И время, которое катит потоком,
Мне дарит мгновение это,
Как напоминанье о сроке жестоком
Всей жизни, любви всей и света.

А годы, как птицы, уходят навеки
В полночное небо Вселенной,
Чтоб вслед им не листьев тянулись побеги,
А памяти нашей нетленной.

Кончается год.

Был и горек и сладок

Наш хлеб,

но своими руками

Мы строили жизнь, удлинив ее на год,
И камень воздвигли на камень.

И тот, кому труд был единственным богом,
Весь год этот в полночь итожа,
Пусть скажет, гордясь не собой, но итогом:
«А я ведь стал на год моложе».

Что искренность моя тебе отныне?
Ты принимаешь правду, словно ложь,
Тоски твоей угрюмые твердыни
Меня томят, а ты средь них живешь.
Но до сих пор твой голос и дыханье
Душе слышны, как роще — соловьи.
Быть может, за пределом мирозданья
Ты вспоминаешь все слова мои?

О, как хочу, чтоб кто-нибудь похитил
Тебя оттуда, где мы заодно —
Из долгих снов моих, чтоб я в зените
Достал рукой и свел звезду на дно.
Хочу, хочу... Напрасны упования
Сон робкий сделать явью в наши дни!
Остались мне одни воспоминанья.
Но что они? Да сгинут все они!

Я деревом был. Ярче карусели
Вокруг меня кружился белый свет.
Ушла ты — тотчас листья облетели,
И под корнями почвы больше нет.
Бесцветным стало небо голубое,
Как будто страсть сожгла его дотла.
Я был собой, лишь будучи с тобою.
Я потерял себя, как ты ушла.

ПОТОК

Врываясь в сон мой средь глубокой ночи,
Мчишь до рассвета, горная река.
Так, в сердце изливаясь, кровь клокочет.
Ты будишь сердце, горная река.

О, если б знать — о встрече, о разлуке —
О чем твой говор в тишине ночной?
Твой чистый голос

днем чужие звуки
Бесстрастно заслонят глухой стеной.

Влечет тебя от кручи до равнины.
Ты тянешься сквозь дали и века, —
Чтоб море тронуть, — грозовой вершины
Сверкающая, гибкая рука.

И днем и ночью,
каждое мгновенье
Течешь ты, помогая мне понять:
Все в этом мире — вечное течение,
Которое не обратится вспять.

Текут потоки с гор,
текут мгновенья,
Текут дела,
и мысль течет вокруг,
Текут за поколеньем поколение,
И кровь течет, течет за кругом круг.

И в этом нестареющем потоке
В небытие судьба моя течет.
Но судьбы есть, чьи бесконечны сроки.
Есть, есть...

Хотя они наперечет.

★

Сегодня я не тот, что был вчера.
Любимая, ты из души моей
Возникла во плоти — светла, добра,
Мечты обыкновенней и милей.

Волшебница, как мне назвать тот миг,
Когда поверить я впервые смог,
Что ты моя? Но не вполне постиг,
Хотя и создал я тебя, как бог.

Что значат эта жажда и порыв,
Что значат радость пополам с тоской?
Тебя воображеньем сотворив,
Создатель твой

трепещет пред тобой.

ДИАЛОГ

— Мой друг, душа к тебе спешила,
Ты ж недоступен, как вершина!

— Неужто мой высокий пост
Помеха? Я, как прежде, прост.

— Все так. Да путь к тебе все круче.
Трудней дышать, хоть видно лучше.

ШКОЛЬНАЯ ДОСКА

Вот окончил я школу, и сердце в тоске,
Весел путь этот был и тяжел.
Белым мелом писал я на черной доске.
Сколько мягкого мела извел!

О доска в моем классе, не черна — а светла!
Что писал, все навеки отдам —
Все знакомые цифры, все родные слова.
Был коряв прежде почерк, стал прям.

О доска в моем классе, ты блестяшь, как слюда,
Ты чиста и других к себе ждешь.
Я здесь много писал — не осталось следа,
Смыл все времени звонкого дождь.

Все слова дорогие, все цифры подряд,
Все исчезли, все сгинули с глаз...
Но держу я в руках выпускной аттестат
И читаю его в первый раз.

То, что белым по черному из года в год
Я чертил и писал как-нибудь,
Вдруг открылось, как в звездах ночной небосвод,
Освещающий дальний мой путь.

ВЯЗЫ

Я никому еще не рассказывал,
Как я недавно на резвом коне
Медленно-медленно ехал под вязами,
Ветви сухие тянулись ко мне.

Что за напасть, средь ликующей зелени
Вдруг над душой зашумит, как гроза,
Дерево, сникшее не ко времени,
Иглы сухие уколут глаза.

В чем же причина беды? Все заметнее
Вязы кручинятся весь этот год,
Никнут огромные кроны столетние.
Что? Исчезает с земли этот род?

Эта тревога моя не напрасная.
Тленью любовь свою не отдам.
Необходимо, я верю, прекрасное
Нашему времени, завтрашним дням!..

Весел был конь и не чуял, что в горе я,
Ржал он — и эхо неслось под горой,
Пряталось,
как вековая история
Гордых деревьев под прочной корой.

Кружат над сердцем моим думы черные
С часа рассветного до темноты.
Что же так медленно, люди ученые,
Ищете в мире причину беды?

★

Любовь моя

землю стать готова,
Где ты идешь, незрима никому.
Какая пропасть разделяет слово
Мое с душой твоей — я не пойму.

Еще надеюсь я,

ПОМИМО ВОЛИ,

Пытаюсь верить сердцу, не уму.

Любила б — я не знал сердечной боли.
Но любишь ли меня — я не пойму.

О, тропы дальние,

ТОСКУ МОЮ ИЗМЕРЬТЕ!

То свет приносit ветер с гор, то тъму.
Без страха

Без страха жизнь готов отдать я смерти,
Кому отдать любовь.

Кому отдать любовь — я не пойму.

ЧАСТИЦА — МИР

Стенанья, долгий плач над кровлею соседей.
Там умер кто-то.

Жил он средь мирских забот.
Вслед свадебной зурне, из темноты столетий
Пришел он в этот мир,
ушел—и мир не тот.

Когда он в первый раз небесный свет увидел,
Не в силах был постичь

НИ СМЕХА ОН, НИ СЛЕЗ,

Частицей малой он среди больших событий
Возник...

Когда ушел — огромный мир унес.

Да, каждый человек — дитя родной природы.
Из материнских грез выходит к свету он.
Его растят дела, и горе, и заботы.
У каждого свой мир в душе живой рожден.

Сердца людей полны радушия и хмури.
Таится в них страстей бездонный океан,
То в них царит покой, то вдруг бушуют бури,
То нежит ласка их, то боль пронзает ран.

Сверкает солнца путь на небесах с восхода,
Сверкает в тыщу глаз и рукописных строк.
Ступая по земле, знай, как щедра природа:
Вселенная лежит в пыли твоих дорог.

Спят, равно под землей

и радости и муки,

Надежды ранний час,

раздумий поздний миг.

И громкий стон любви,
и тихий стон разлуки,
И тысячи страниц незавершенных книг.

Да, целый мир в душе способен уместиться.
Не ведает душа, где сил ее предел.
Вот умер человек.

Он солнца был частицей.
Ушел — и белый свет поблек и оскудел.

СТИХИ — МОЯ ВЕРА

«Я хочу такую веру, чтоб
можно было голову сложить
за нее».

БЕХЧЕТ КЕМАЛЬ ЧАГЛАР

Ты ищешь веры? Я не верю в это.
По свету в поисках напрасно бродишь ты.
Без веры нет ни песен, ни поэта,
И небеса бездушны и пусты.
В душе поэта обретают краски
И жизнь и смерть,
и осень и весна,
Цветок чудес цветет там без опаски,
И мудрой мысли зреют семена.
И если над строною час ненастный,
И ты скорбишь, и жребий твой жесток, —
То даже в горечи твоей ужасной
Есть вера, что ненастью минет срок.
Сталь холодна, о кремь ударяя, —
Огонь горяч, живуч, непобедим.
Земля и небеса родного края
Поэту служат, он же служит им.
Поэт принадлежит себе навеки,
Пока он Родине принадлежит.
И время Родины течет, как реки,
В стихах его — не в берегах чужих.
Страна мечты твоей со дня рожденья —
Твоя земля, поэт.

И голос твой
Из родника любви и убежденья
Взял чистоты и свежести с лихвой...

Тело что-то устало.
Поисчерпались резервы.
Сделаны не из металла
Сердце,
 глаза
 и нервы.

Резким рывком, ударом
Время вершит маневры.
Нервы шалют не даром,
Ослабевают нервы.

Сделать время сумело
Все расстоянья короче,
Сумело, но — вот в чем дело —
Нас бережет не очень.

То среди звезд веселых
Помыслы наши кружит,
То в сапогах тяжелых
Топают прямо по душам.

ПОТЕРЯЛ НА УЛИЦЕ

«Я устала. Я долго терпела!» —
И кивнула,
Тоскуя, любя.
И в автобус случившийся села.
Я остался один.
Без тебя.
Я стоял.
Пустота окружила.
Время ль остановилось со мной?
Или время в автобус вскочило
И умчалось навеки
С тобой?
Что со мной?
Что с моими глазами? —
Под собою земли не видал,
Словно почву терял под ногами
И рассудок меня покидал...
Словно медленно, тихо и ровно
Вспять
Вращаются
Стрелки часов.
«Потерял ли? На улице ль?» —
Словно
Время шепчет слова мне
Без слов.
О, душа моя!
Ветер поднялся.
Он свистит над моей головой.
Не с тобой,
А с собой я расстался
И не знаю, что будет со мной.
Ветер!
Дует, свистит, завывает —
Неподвластен душе и уму.

В бездну
Улицу
Он превращает,
Простирается бездна
Во тьму.
Потерял я. —
Душа моя, где ты?
Я не вижу
Звезды и огня.
Я зову.
Я не слышу ответа.
Слезы, плач
Оглушили меня.
Потерял —
И стою неподвижно...
Здесь,
На улице, —
Муку терпя...
Что же будет со мной,
Если в жизни
Потеряю навеки тебя?!

СПУСК — ПОДЪЕМ

Ты высоко живешь...
Прекрасно!
Кричишь мне,
Услыхав шаги:
«Не поднимайся вверх!»
Опасно —
Больное сердце береги!»
Нет!
Через пять ступенек —
Вихрем! —
Взлетаю вверх!
А вот потом
Спускаюсь вниз
Угрюмо, тихо...
Спускаюсь медленно, с трудом...
Спускаюсь?
Нет, я поднимаюсь,
Как если бы подъем беру.
С тобой на лестнице
Прощаюсь,
Не вижу света —
Вижу мглу.
Спускаюсь...
Не могу спуститься...
Шатаюсь.
Плечи давит мгла.
И не могу
С тобой проститься
И мне рубашка
Тяжела.
Как если бы
Мой дух томится
Среди небесных этажей —
Так среди туч

Устанет птица
И негде
Приземлится ей.
Куда идти?
Куда мне деться?
Мне тяжела моя рука.
И грудь тесна.
И давит сердце.
И спотыкается нога.
Спускаюсь...
В небе меркнет солнце.
Тень за собою волочу.
С тобою радость
Остается —
По радости моей грущу!
Судьба моя!
Не дай расстаться!
На лестнице твоей светло —
О, как легко по ней взбираться,
О, как спускаться тяжело!
Дышать мне трудно.
Спотыкаюсь.
Мне долог лестничный пролет.
Нет, не спускаюсь —
Поднимаюсь:
Все у любви наоборот!

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Вот яблоко незрелое упало —
Так я упал, щекой к земле припав.
Я видел — размышление дремало
Среди густых, среди зеленых трав.

Я наблюдал, припав к земле щекою,
Задумчивость и шорох красоты —
И травы шелестели надо мною,
И бабочки садились на цветы.

Я слышал суть в неизреченном слове,
Дорогу, камень, бездну видел я,
И гор сурово сдвинутые брови,
И скалы, погруженные в себя.

О, все на свете, все соединилось,
Чтоб стать самим собою там, вдали, —
Осознанной была необходимость
Земли и неба, неба и земли!

МАТЬ И ДЕТИ

Дети корят свою мать:
—Время иное настало.
Мать, ну, зачем объяснять?
Нас не поймешь ты, пожалуй.

Вот что ответила мать:
—Быстро вы умными стали.
Я ведь могла понимать
То, что вы мне лепетали.

В маленьком сердце испуг
Видела и защищала.
Лишь по движению губ
Как же я вас понимала?

ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ

Луна и солнце,
И звезда ночная,
И звук, что вместе
С тишиной возник,
И ширь, и даль, и высь,
И твердь земная —
Фундамент мироздания
Велик!
Он — основанье,
Он из тьмы и света,
Он — продолжение
Глины и травы,
Он — выдох, вдох.
Дыханье человека
Раздвинуло
Пределы синевы!
И человек касается руками
Луны и солнца,
И ночной звезды.
И человек гордится
Небесами,
И человеком
Небеса горды!

НАУКА — НРАВСТВЕННОСТЬ

«Не будем хвастать нашими
победами над природой. За каждую
такую победу природа мстит нам».

Ф. ЭНГЕЛЬС

Чредой прошли столетья и эпохи —
По-разному назвал их человек.
Сегодня ввысь устремлены дороги —
Наш век — открытый век,
Науки век!

Века спала наука в колыбели —
Ей наши дни
Мерещились во мгле...
Сейчас она
Все открывает двери,
Шагает в небе, ходит по земле!

Уже нам горных пастбищ
Не хватает,
Садов —
Мы дали химии простор:
Синтетика овчину заменяет,
А на шелках искусственный узор.

Тревожусь я!
Иль сила исчезает
Родной земли?
Иль глохнет летний сад?
Все мнится мне,
Что яблоко теряет
Свой изначальный вкус и аромат.

Что? Нам даров природы не хватает?
Нет, не пуста природа, а полна —
Она нам служит, верит, доверяет,
Но не служанка бедная она.

Все человеку отдает природа!
Преступно —
Покушаться на нее.
С природой состязаются заводы,
Являя ей могущество свое.

Наука всюду властвует сегодня —
Среди стерильных
Следствий и причин,
Младенцев дарит женщинам бесплодным
От сильных,
Неизвестных им мужчин.

О, не гордись сама собой, наука!
Умна, мудра... —
Не нашим ли умом?
Нельзя нам удаляться друг от друга!
Мы — ум и мудрость,
Если мы — вдвоем.

Тревожусь я.
Ведь у того ребенка —
Искусственного —
Есть отец и мать.
А кто отец? — Он звук пустой и только. —
Не знает мать.
И сыну не узнать.

«Отец — беглец...
Забудь его!..» —
Забудет.
А в чем отцов «искусственных» беда?
Да, матери родным ребенок будет —
Отцу родным не будет никогда.

А если дочь родится? —
День вчерашний
Преступным будет

Для грядущих дней:
Отец, ребенка своего не знавший,
Не женится ль на дочери своей?!

Ученый! Все — напрасно,
Если только
Ты глух —
Не слышишь совести своей.
Высокой будет ли душа ребенка,
Когда не знает он своих корней?

Не знающий корней —
Себя не знает.
Ученый! Замысел опасен твой!
Душа замкнется, личность измельчает,
И станет чуждым сад
Земле родной.

Иль я отстал?
Но разумом и духом,
Ученый,
Я всегда ведь был с тобой!
Но если топчет
Нравственность
Наука,
Я — против!
Я протест подъямлю свой!

В природе вечным будет обновление —
От этой новизны не отвернусь.
Наука или нравственность
Сильнее?
Кто прав из них —
Я сам судить берусь!

Вот свежий ветер веет с небосвода,
Есть много чистой силы у травы.
Ученый!
Ты уходишь от природы —
Искусственны деяния твои.

В подделке правды нет —
Подложно дело.

Да будет
Светлой синева реки!
Искусственным
Не будет наше тело,
Кровь будет чистой,
Корни глубоки!

Природа — мать.
В ней чистота и вера.
В ней вечно и всеильно естество:
Наука — нравственность,
Единство слов и дела,
Ума и сердца кровное родство!

ВЕСНА И Я

Годы проходят,
Как воды, как вешние воды,
Только весна как весна —
Неизменна опять.
Вечна весна,
Неизменно ликует природа.
Я изменился.
Мне прежним уже не бывать.

Радостен мир,
Неизменны любовь и надежда,
Только вот я изменился.
Мне прежним не быть.
Снова на мне — по сезону —
Сменилась одежда, —
Так я меняюсь.
И этого не отвратить.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК ЛЮБВИ

А полюбил —
Истаешь до конца!
Пылают щеки —
То огонь в крови.
Смешаются дни, ночи, месяца, —
Когда летишь
Дорогою любви!

О, никого
На помощь не зови!
О правилах дорожных позабудь,
Крутые повороты
У любви —
Преодолей
Опасный этот путь!

Себя забудь!
А что там, впереди?
Мелькают дни —
То месяца твои!
Случаются аварии в пути,
Дорожных знаков
Нету у любви.

СТАРИКИ

Подбородок — на руке,
Посох — в жестком кулаке.
Старики сидят привычно,
Дума-думушка — в глазах.

Все ровесники — ушли
В даль небес и в глубь земли...
Старики сидят привычно
На подворье, на углах.

Одинокое сиденье —
Их последнее усердье.
И последняя дорога
В одиночество ведет.

Сколько дней
Им жить осталось?
Что там, молодость иль старость
Пред глазами их встает?

Кончик посоха сверлит
Землю — выемка уже...
Перед ними жизнь стоит
На последнем рубеже.

Что они у жизни взяли?
Что они отдали ей?
Старики сидят часами
С думой-думушкой своей.

Я гляжу на них —
В раздумье
Неподвижны старики:

Изваянья ли разлуки?
Монументы ли тоски?

Что им посох? Или посох —
Продолжение руки?
То пергамент или кожа? —
С книгой схожи старики.

Нет, не праздно восседают!
Долго, вдумчиво сидят —
Старики себя читают,
В глубину свою глядят.

ЭТОТ ДРЕВНИЙ МИР

О, благо, что ты есть —
Благодарю за это!
Звезда приносит весть,
Что стало больше света.

Прекрасен этот миг
Своею вечной вестью —
И ты, и я, и мир, —
Мы существуем вместе!

Лишь ты глаза открыл —
Мир стал широк и ясен.
Ты украшаешь мир —
Иначе чем он красен?

О, благо, что родней,
Милее мир и краше,
Что сблизилась тесней
Сердца и души наши.

Что ты себя явил,
Родился под звездой,
Что этот древний мир
Моложе стал с тобою!

ПОЭТЫ

Смотри! Вот памятник поэту!
В граните он покой обрел,
Но до гранитной славы этой
Он грудью упирался в стол.

Прохожий, славе не завидуй!
Ты весел был — поэт страдал,
Ты ведал свет — он сумрак видел
И за тебя в огне сгорал.

Осилишь сумрак — выйдешь к свету
И свет научишься ценить.
Смотри! Вот памятник поэту! —
Он после жизни начал жить.

Поэты! Вы творили слово
И жизнью собственной клялись,
Смотрели нежно и сурово,
Как слово обретало высь!

В глазах ночные звезды гасли,
Глаза светлели на заре —
Из тысячи был каждый счастлив
Своим страданьем на земле.

Вы шли вперед без остановок,
Вперед — куда вела звезда.
Вас мог бы обмануть ребенок,
Но вы не лгали никогда!

Бывают разными дороги,
Вы шли дорогою своей —
Один ваш трудный день короткий
Равнялся чьей-то жизни всей.

Когда другие ели-пили,
Вы познавали мир теней
И нищету превозносили
Превыше роскоши царей.

Вас в тюрьмах,
Под землей гноили —
Вы солнце видели во мгле
И слово ясное творили
Во имя жизни на земле!

Дорога ваша продолжалась,
Веков тянулся караван...
Еще у вас имелась
Странность —
Душа полна и пуст карман.

Во все века вы странно жили —
Сдирали кожу с вас порой,
А вы сурово говорили:
«Не с вами правда, а со мной».

И ложь бледнела.
Не случайно
Вы пережили все века!
Вас убивали — тайно, явно —
Рукой — то ль друга, то ль врага.

Вы поверяли душу птицам,
Ликуя с ними и скорбя.
Кончали жизнь самоубийством,
До боли эту жизнь любя.

В горах и на равнинах жили,
Живыми были до конца —
Раздвинув тьму, глаза светили,
Пылали умные сердца.

Вы горе превращали в радость —
Верны ей были каждый раз.
Враги, унижить вас пытались,
Все больше возвышали вас.

Прохожий!
Я на свете этом
Живу, ликуя и скорбя,
Но, видишь ли, к таким поэтам
Не причисляю я себя.

Поэт — пророк и глас народа,
Поэт — вселенной гражданин,
Поэт — язык немой природы,
Поэт — земли и неба сын.

Поэт — любовь и совесть века,
Поэт — нетленной боли свет,
Поэт — свобода человека
И правды зеркало — поэт!

Всем нациям и всем народам
Поэт внимает всей душой.
Границ не ведает природа —
Он любит землю — край родной!

Меджнун поэтом был!
Прохожий!
Есть пламя некое в крови —
С меджнунами поэты схожи
И в ненависти, и в любви.

Мне жалок тот, кто не пылает —
Труслива холодная душа.
Не ненависть врага пугает,
А друга холодность страшна.

Поэты падали, вставали
И, презирая звук пустой,
На помощь никого не звали,
Встречая день последний свой.

Поэты!
Вы имели право,
Когда в любви земле клялись —
И становилась твердью слава,
И слово обретало высь!

СТИХИ НА КАМНЕ

Португальский город Каембро гордится университетом, основанным в XIII веке. Каждый год выпускники университета по традиции высекают на каменных плитах стихи. Вот содержание одного из этих стихотворений: «Если бы камень, на котором начертаны эти стихи, мог ощутить, какие мечты и грезы у нас на душе, он бы расхохотался. Если бы мог почувствовать горечь и боль нашу, он бы зарыдал».

Смеялся ты.
Смеялся горько, долго,
Когда на камне душу начертал.
И смеху смехом отвечали доли.
Смеялся ты. В груди огонь пылал.

Как не смеяться?
Ты окинул взглядом
Сад и ограду в розовых шипах.
Ты встал на ноги, потянулся к саду —
Идти не можешь. Цепи на ногах.

Как не смеяться?
Что на свет родился,
Писал — на камне след запечатлел.
Вам не смешно? Ты горько веселился,
Чтоб камень хоть с тобой повеселел.

Витают люди в облаках, откуда
Земля им мнится мягкой, голубой —
Над бездной меж реальностью и чудом
Их созерцает камень вековой.

Глядит с улыбкой каменной своею —
Над бездной нет мостов. И как во сне,
Как птица, реет человек над нею —
Упав, в себя приходит лишь на дне.

Когда ты реешь, ты — небесный пламень,
Ты весь — мечта, ты светом озарен.
Когда найдет коса мечты на камень —
О, как он горек, этот сладкий сон!

Ты пробудился. Ты взмахнул рукою,
Но тело телом стало — не летит.
И только бездна, камень пред тобою,
И этот камень на тебя глядит.

Ты высек слово, ты взыскуешь честно,
Ты написал. Так снова напиши:
Увидеть бездну до падения в бездну —
Есть утешенье все же для души!

Как пыль, мечты и грезы, и виденья,
Как пыль и прах, как мимолетный дым.
Но стих рождается от столкновенья
Души ранимой с камнем вековым!

ЖАЖДА

Любовь моя!
Явись хотя б во сне!
Я лицезреть опять тебя желаю.
О, что, скажи,
О, что исполнить мне,
Чтоб ты явилась?
Я в огне пылаю!

Вот говорят:
Когда пылает кровь,
Во сне
Мечта исполнится любая,
Но надо соли на ночь съесть.
Любовь!
Я соли съем!
Я свидетеля желаю!

Не как тот юноша,
Который соль глотал
И сладко спал,
Который был, к тому же,
Спокоен.
Он проснулся и сказал,
Воды журчаньем
На заре разбужен:
— Был сладок сон.
Я увидал ручьи.
Я воду пил.
Любовь мне не явилась.
— О, если б сердце
Жаждало любви,
Тебе она б,
А не вода приснилась!

ЖИЗНЬ СТИХА И ЖИЗНЬ МОЯ

Взгляд холодный человека
Сердце ранит мне внезапно —
Словно меньше стало света,
Доживу ли я до завтра?

«Сын мой, сын мой, — мать тоскует, —
Не за все же ты в ответе!
Если сердце все волнует,
Много ль проживешь на свете?»

Мама, ты права, конечно.
Легче все переживает
Тот, кто в жизни быстротечной
Дни свои продлить желает.

Не умею! Не желаю!
На закат смотрю невольно,
Гаснет солнце, догорая, —
Ранит сердце. Сердцу больно.

Вот ручей умолк весенний,
Вот сухой земля осталась,
Луч вечерний, лист осенний...
Разве жизнь — одна лишь радость?

Потому за все в ответе!
Полной грудью стих мой дышит.
Жизнь бедна на этом свете
Тех, кто только радость ищет.

От стенаний мгла родится,
Соучастье стих рождает:
Крикнет раненая птица —
Сердце сердцу сострадает.

Кто не любит, тот отвергнут —
Нету участи опасней.
Если в сердце боль померкнет,
Стих в сердцах людей погаснет.

Мама, ты права, конечно!
Дольше жизнь моя продлится —
Только стих мой быстротечный
Сгинет раньше, чем родится.

Свою боль из сердца вынуть
Не желаю! Не умею!
Лучше этот мир покинуть
Самому, не сожалея.

Если сердце бьется, дышит,
В каждый дом всегда стучится
И людей волненья слышит —
Значит, сердца жизнь продлится.

В час вечерний о продленье
Дней моих
Я забываю:
Чувства жизнь, стихотворенье —
Вот что я продлить желаю.

ЗАМОК

— Довольно! Ты опять ревнуешь,
Живешь сама с собой в борьбе.
Я — твой! Когда по мне тоскуешь,
Пойми, тоскуешь по себе!

И я устал, и ты устала —
Не мучай нас тоской своей!
Как замок, высеченный в скалах,
Твердыня ревности твоей.

— К чему слова? И так их много.
Люблю! Об этом только речь.
А ревности моей тревога —
Порыв любви себя сберечь.

Горит, меня сжигает верность,
Огонь ни разу не погас!
А замок — мера, соразмерность
Им охраняемых богатств.

РАССВЕТ — ЗАКАТ

Светает... Сумрак...
Ночь ли, утро —
Не разберешь. Едва видна
Звезда небес.
Ни звука — будто
Вдруг онемела тишина.

Закат... Вечерний сумрак...
Трудно
Он различаем каждый раз —
То сумрак вечера
Иль утра?
Тиха природа в этот час.

Два раза в сутки
День и вечер
Встречаются в белесой мгле:
Один раз —
На закате встреча,
Другой раз —
Утром, на заре.

Ни звука...
Тихо в небе этом...
Земля молчанием полна...
Закат встречается
С рассветом,
А между ними —
Тишина.

Один —
Глаза закрыл с печалью,
Другой — открыл.
Скажите мне,

В чем сущность
Этого молчанья?
Что скрыто
В этой тишине?

А в этот тихий час —
Кто знает! —
Любя, быть может,
И скорбя,
Вновь уходящий
Поверяет
Вновь приходящему
Себя.

Кто знает,
Может,
Лист летящий
Сейчас грустит
С природой всей?
А может быть,
Вновь уходящий
Скорбит
Над участью своей?

И тишиной
Объяты травы,
А тот,
Что вновь открыл глаза,
По уходящему
Свой траур
Сейчас подымлет
В небеса.

Закат встречается
С рассветом
Два раза в день.
В который раз
Здесь тьма мешается
Со светом —
Грустит природа
В этот час.

Не потому,
Что им встречаться
Нельзя —
Их встреча им нужна! —
А что должны
Они расстаться —
Вот почему грустит она.

★

Давай-ка, с дружбою покончим, друг,
Вкривь толковать слова мои не надо.
Ты сладко лжешь и мой терзаешь слух,
В двуличии твоём — исток разлада.

Счастливый друг моих счастливых дней,
Сбежал в мой чёрный день. А где же смелость?
Скажи, что стало с честностью твоей?
Где искренность? Где мужество? Где верность?

Недобрый друг моих недобрых дней,
Прощай, мой друг. Мне ухищренья чужды.
Да, счастье привлечет к тебе друзей.
Беда — вот пробный камень дружбы!

КАРАБАХСКИЙ КОНЬ

В 1956 году английской королеве подарен карабахский конь по кличке Заман*.

Джидыр-дюзю,**
Арена конных скачек,
Где вознесется
Иль падет джигит...
Джидыр-дюзю,
Ты скреплено печатью
Кующих гром и молнии копыт!

Конь карабахский!
Лишь услышу ржанье —
Как слух и зрение тут же возвратят
Раскаты битв, стальных мечей сверканье,
И копий звон, усиленный стократ!

Гнедые Карабаха —
шеи — струны,
опора
Кер-оглы
и Баяндура!

Когда они закусят удила,
Их не держи и не спеши с погоней, —
Верны себе породистые кони,
Их ржание возносит, что крыла!

Прошли года.
Гырат, Дюрат*** прошли...

* Заман — буквально — Время.

** Джидыр-дюзю — высокогорное плато в г. Шуше, место старинных конных состязаний.

*** Легендарные кони героя народного эпоса Кер-оглы.

Настало время быстрого Замана —
И прошлое возникло из тумана
И с ним влетело в новый день земли!
Зачем тебя в гремящий век авто
Заманом нарекли неосторожно?
Ведь в прошлое вернуться невозможно,
Не стать стрелой ракете ни за что!
Что имена теперь: Гырат, Дюрат?
Экзотика, забытый экспонат.

Что королева и король сейчас?
Лишь звук пустой — былое их величие.
Не мы одни — к ним Время безразлично,
Они теперь — экзотика для нас.

А королева Англии? Она —
Носительница титула пустого.
И тщетно прячет оболочка слова
Ту «власть» ее, которая смешна.
Она еще витает в облаках,
И, отводя в воспоминаньях душу,
Живет себе во времени минувшем,
А в нашем веке — будто бы в гостях.

Машины не прельстят ее очей
И самолеты, быстрые, как ветер, —
Все бешеные скорости столетья,
Живущей в прошлом, безразличны ей.

Она глядит на замерших коней,
В карете на прогулку выезжает,
Она не труп вчерашний пеленает,
А мнит себе — младенца наших дней,
И потому стремлений не скрывает
И думает: свой век опережает.

Ей конюхов не по душе возня!
И вдруг пред нею, не изведав страха,
Предстал невозмутимый взгляд коня, —
Ей по душе гнедой из Карабаха!
И повелела оседлать коня.
Но головой повел Заман сердито,
И ржанием, как бы столбом огня,
Отсек себя от конюхов и свиты.

И, королевский сдерживая гнев,
Глядела на него Елизавета.
И отошли жокеи, не сумев
Смирить коня — за ним была победа!
А королева — быть или не быть! —
На царственном лице сошлись морщины:
— Неужто нет в Британии мужчины,
Чтоб этого строптивца усмирить?!

И вновь впивались гневные глаза
В глаза коня, в косулий стан Замана.
Он бил копытом — и земля стонала,
И ржанье сотрясало небеса.

И понимал, как человек, Заман,
Что он пленил красой своей призеров,
Жокеев-рекордсменов, для которых
Важнее бега — стать его и стан.

Он словно бы не видел никого
И все глядел, как разгоралось солнце.
Стремительная поступь иноходца —
Вот древнее достоинство его!

Он хочет чутя землю под собой,
Ту самую, которая взрастила,
Которая ему давала силы,
Чтобы джигит на нем умчался в бой!

Нет, не жокею быть в его седле,
Каким бы ни был всадник знаменитым, —
Клич Кер-оглы он слышит боевитый,
Гырата бег он слышит по земле.

Нет, принесенный королеве в дар,
Он не дойдет, Заман, до униженья.
Он хочет видеть смелую Хаджар*
И уносить, бесстрашную, в сраженья.

Он родиною грезил наяву...
Так месяцы и годы проходили,
Его изюмом по зиме кормили,
Весной давали сочную траву.

А по утрам, когда редел туман,
Его вели на росный луг заречный.
Но ничего не ел, не пил Заман,
И провисали в золоте уздечки...

Был горек хлеб ему чужой земли.
В Британии слабел он с каждым шагом.
Не мог он жить вдали от Шахбулага,
От Даш-алты прозрачного вдали.

И он погиб, невольник гордый, вскоре...
И потому не будет он забыт,
Что доказал: кто родиною вскормлен,
Тот лишь себе и ей принадлежит!

* Народная героиня.

— Любимый мой, желаю сказки я! —
Ты говоришь, который год любима.
Но ты сама в любви неповторима.
Ты — сказка вечно юная моя.

Да, ты из сказки в жизнь мою вошла,
Но я над чудищем не одержал победы, —
Бессилен я... Где мощь Меликмамеда* —
Сразить врага, чтоб ты моей была?

Любовью становилось зло у тех,
Кто лицеизрел очей твоих сиянье.
Я детских сказок чувствую дыханье,
Когда услышу твой знакомый смех.

И время вспять хочу я повернуть,
Чтоб юностью твоей тебя украсить
И мир забот твоих перечеркнуть,
В мир сказок унести тебя прекрасный.

Но что мечта? Мир сказок не для нас.
Я говорю и верю без опаски:
Любимая, пришел наш звездный час —
Живая жизнь, что краше всякой сказки!

* Персонаж народных сказок.

Ты не вчера ль (Сабира сквер был тих),
Любимая, пошла навстречу смело
И в платье белом, бабочкою белой
Впорхнула в дом родителей моих.

Мы четверть века прожили в любви.
Стареем мы. И подрастают дети.
И поседали волосы твои.
Но мы еще чего-то ждем на свете.

Еще так много нежности в словах,
Но дети говорят: «Испита чаша...»
Сын думает о свадьбе. Свадьба ж наша
Еще звучит у нас с тобой в ушах.

Что наша жизнь? Не время выбирать,
Путь — с локоток, не время, в самом деле.
Мы вдоволь за столом не посидели,
А скатерть уж торопятся убрать.

Нас тяготит загадка бытия:
Когда и как нас мир приветил этот,
Когда и как уйдем с тобой со света, —
Не знаешь ты, и не узнаю я.

Как много лет тропа у нас одна.
Ты в постоянстве разною бывала.
Моя душа не раз пересыхала,
Твоей души — бездонна глубина.

Ты в чувстве не теряла берегов,
Не изменяла гордого полета.
Как постоянна у тебя любовь,
Так падал я в любви водовороты.

И я опять срывался с высоты...
Но ты за все меня простила скоро.
Пусть мук моих не разделила ты —
Ты в жизни оставалась мне опорой.

Когда в наш дом вползла беда змеей,
Над головою — молнии раздоров, —
Я не слышал из уст твоих укоров,
Заботы-дни текли одной рекой.

Ты молнии рукою отвела,
И дни опять текли под ясным небом.
Коль был мой труд для нас с тобою хлебом,
Его душой всегда лишь ты была.

Меня мечта на небо вознесла —
С небес на землю ты меня спустила.
Опять я в доме, неизменно милом,
Рабочим был, ты ж матерью была.

Слепая мгла пришла к моим глазам —
Светильник мой, ты путь мне освещала.
И радостью твоей душа дышала,
А горе мы делили пополам.

Ты в сердце неизменчивом своем
Огонь невзгод поэта остужала,
И песни той, что на тебя роптала,
Хозяином был я, а ты — рабом.

Я в зеркале — в твоём лице родном —
Себя увидел, изможденный песней.
Я, милая, двойник твой вечный, если
Свои морщины нахожу на нем.

Овраги, горы мысль моя прошла —
Ты этому не придавала значенья.
Ты вызвала меня на откровенье
И только песню вызвать не смогла.

Без срывов ты сумела жизнь прожить.
Я срывы знал...
Ты сверху вниз смотрела.

Но песнею души ты не посмела
Души моей страданья облегчить.

Ты не вчера ль (Сабира сквер был тих),
Любимая, пошла навстречу смело
И в платье белом, бабочкою белой
Впорхнула в дом родителей моих.

За четверть века в наших волосах
Дни расселились мягкой сединою.
Огонь надежды не угас в сердцах,
Не погасило время остальное.

Теперь мечта устала. В сердце боль...
Так, быстро выпив молодости чашу,
Заботимся с тобой о детях наших,
Но несозвучна песнь у нас с тобой.

Две птицы с разных, не родных, ветвей
На древе жизни мы родными стали.
Под ношею одною прошагали...
Теперь идти чем дальше, тем трудней.

Не иссякала нашей жизни ветвь,
Ее теплом души ты согревала.
Любви весенней изменился цвет.
И ягода на вкус иною стала.

Не говори, что мы стары. Поверь,
Тобою восхищаться не устал я.
О, мать моих детей! Открылась тайна:
И мне ты стала матерью теперь.

Я у себя порой могу спросить:
 — Ну сколько лет хотел бы ты прожить?
 — Сто лет, — я говорю. И тут же: — Нет,
 Пятьсот,
 Сто тысяч,
 Миллионы лет!
 Но вновь раздумий складка
 На челе:
 Когда б я мог
 Жить вечно на земле!..

КАК ГОРНЫЙ ВОДОПАД

Нет, не один я цвет люблю, а тысячу цветов,
 Все краски неба я люблю, с их множеством тонов.
 Нет, не на холм — на высь горы взойти мечтаю я,
 Мечтаю жизнь прожить свою всей сутью бытия.

Рассвет на небе и закат — прекрасны в синей мгле,
 И радость жизни и печаль прекрасны на земле.
 Но жизнь — борьба, нам этот путь самой судьбою дан,
 Не вспыхнуть жемчугу, когда незыблем океан.

Но жаль, что много есть таких, кто легкий ищет путь,
 Чтобы себя не утруждать, покоем не рискнуть.
 Как может радость бытия познать на свете тот,
 Кто не познал, хотя бы раз, страданий и невзгод?

Сопутствует веселью — грусть, а счастью — беда,
 Лишь тот, кто с истинной душой, всем чувствам рад
 всегда.

А без страстей сердца пусты и жалок их покой,
 Ведь счастье ищущий, всегда столкнется и с бедой.

Кто льстиво холм зовет горой, с тем другом мне
 не быть,
 Или твердит, что как-нибудь нам надо жизнь прожить.
 Я б это слово «как-нибудь» изъял из словаря,
 Не как-нибудь, а жить — так жить, взлетая и горя!

Я враг всем «мертвым душам», враг бесстрастью
 их речей,
 Тем, кто спешит укрыться в тень от солнечных лучей.
 Нагреть им руки у огня чужого невтерпеж,
 Таким и честь свою продать не совестно за грош.

ЗА СТОЛОМ

Брожу я по шумному городу днем,
А ночью, когда возвращаюсь домой,
Часами за письменным сидя столом,
Я мысленно мир облетаю земной.

Берясь за перо, я войска своих слов
Шлю в бой против мрака и грозных теней.
Земля предо мною в дымах облаков,
Но родину ясно я вижу на ней.

Я в доме своем проникаю в края,
В любуе, которые в дальней дали.
Не чудо ль, что мысль постигает моя
В мгновение ока простор всей земли!

И с бьющимся сердцем, навстречу ветрам
По странам я мчусь, беспокойством влеком,
И бомбы, что сбрасывают на Вьетнам,
Мерещится мне — попадают в мой дом.

Победным себя коронуя венцом,
Кичась своей мощью, бесчинствует зло,
И строки, как пули — горячим свинцом,
Из сердца направлены против него.

Жар солнца нещадно палит с высоты,
Как пламя, что где-то вздымают бои.
Арабский солдат, если крикнет: «Воды!»,
То жажда растрескает губы мои.

Как факел — во мне вдохновения пыл,
Когда я сижу за столом до утра.
И, слитая с каплями черных чернил,
Боль мира, как кровь, стекает с пера.

Когда вдохновлен я, как искры кремнем,
Душа высекает жар строчек моих.
Когда ж я спокоен, то в сердце моем,
Подобно струне, обрывается стих.

В такие часы, за рабочим столом,
Я словно дыхание ветра в тиши,
Барометр чуткий я в мире земном —
Тепла человечности, взлета души.

И нету мечтам моим светлым конца,
И вся мне земля, как родная, мила,
И тянется путь мой от сердца — к сердцам,
От письменного начинаясь стола.

Когда ж устаю я сидеть за столом,
И мысли скудеют, что сердце мне жгли,
То мир весь, который вмещал я в свой дом,
Затянутый мглой, исчезает вдали.

А сидя с собою один на один,
Забыв за столом своим сон и покой,
Я мира великого был гражданин,
А встал — и опять семьянин я простой.

Не в каждой строке, в каждом слове моем
Прочтете боль сердца, и радость, и гнев.
Тогда Человек я, когда за столом,
Светясь, вдохновенье приходит ко мне.

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

Нет, не велит им вместе быть
Обычай непреклонный,
Навек грозит он разлучить
Двух юных, двух влюбленных.

Всю жизнь страдания терпеть,
В разлуке жить до гроба?!
Смириться с этим?
Лучше смерть! —
Решили твердо оба.

Неспешны были их шаги
К скале.

На выси этой
Они стояли, далеки
От суетного света.

Обиды, радость, боль беды,
Все там — внизу осталось.
И жизнь людская с высоты
Ничтожной им казалась.

И мнилось юным в той дали,
Им, с горькою судьбой их,
Вершиной будет их любви
Не жизнь, а смерть обоих.

— Будь вечным, наш союз сердец! —
И со скалы отвесной
Бесстрашно бросился юнец
В чернеющую бездну.

Отважный сердцем, он не стал
Жить без любви на свете.
Упал он вниз?

Нет, не упал,
Поднялся до бессмертья!

Теперь пришел ее черед.
Боясь пошевелиться,
Она глядит туда — вперед,
Куда слетел он птицей.

О как сильна она была,
О как неколебима,
Когда стояла, как скала,
На той скале с любимым.

Но ужасом оглушена,
Она к скале припала.
Нет, не возвысилась она,
Букашкой жалкой стала.

Рвануться вниз, себя убить?!
А мир вокруг так светел!..
Хоть без любви, но только б жить,
Сбежать,
сбежать от смерти!

Когда бежала с высоты
Она оторопело,
— Куда же ты? Куда же ты? —
Ей вслед скала гудела.

Когда ступила, чуть жива,
На луг, где солнца блики,
Пожухла росная трава,
Цветы, завянув, сникли.

И ветер выл на все лады,
И, синь за тучи пряча,
— Куда же ты? Куда же ты? —
Шептало небо, плача.

Молчи, скала. Хоть ты права,
Не трать напрасно силы:
Не тронут ведь твои слова
То сердце, что застыло.

Ты, небо, горьких слез не лей,
Затихни, ветра трепет,
Ведь голосу души своей
И то она не внимлет.

Другого став женой, она,
Боясь в себя взглядеться,
Жила бесстрастно, холодна,
С окаменевшим сердцем.

И неотступно все года
Ей каждый миг казалось,
Что умерла она тогда,
Когда в живых осталась.

А он — юнец тот — не хотел
Жить без любви на свете...
Проклятьем стал ее удел,
Его удел — бессмертье.

И все ж она жила... Но вдруг,
Явясь по воле рока,
Сломил неверную недуг
В расцвете лет, до срока.

В тот час, когда ей умереть,
Вокруг ни слез, ни стонов:
Без сердца жизнь была, и смерть
Пришла, сердец не тронув.

Что ж, смерть есть смерть, и бытие
Немыслимо без тризны.
Бывает смерть, что за нее
Отдашь и сотни жизней!

Но есть другая смерть, что я
Презрев, зову бескрылой.
За ту и жизни муравья
Отдать бы жалко было.

...А он — юнец тот — не хотел
Жить без любви на свете.
Проклятьем стал ее удел,
Его удел — бессмертье.

ОБСЕРВАТОРИЯ В ПИРКУЛИ

Обсерватория!..
Невзрачный домик
С куполом железным
У врат небесных,
На краю у бездны,
Что в телескопах бликами дрожит.
Он небу и земле принадлежит.
Забыв тревоги и дела земные,
На мир гляжу я
Сквозь миры иные,
Что родились,
Иль канули давно.
Здесь, на краю проселочной дороги,
Стоишь ты,
У вселенной на пороге,
Заглядываешь
В звездное окно.

Посол полночный
Разума планеты,
Встречаешь ты бессонные рассветы.
Твой день тогда,
Когда звезда горит.
И там,
Среди галактик невесомых,
Ты познаешь в ночах своих бессонных
Мерцающих созвездий
Алфавит.

Ты ловишь голоса в небесном хоре,
И тьму сменяют
Пепельные зори,
И сквозь бездонного
Пространства ширь

Бредут, минуя звездные туманы,
Ночных светил усталых
Караваны,
И здесь гостят,
В ночной твоей тиши.

И только после,
Перед самым утром,
Ты возвращаешься с рассветом мудрым
В сегодняшних забот круговорот.
Но телескопа бронзовое тело
Устремлено туда,
К иным пределам,
В грядущее,
Которое нас ждет.
И весь твой силуэт,
В рассвете — черный,
Как будто монумент на гребне горном,
Как обелиск из будущих миров,
Куда доселе не проникли взоры...
Ты открываешь звездные просторы
И слышишь ты
Пространства дальний зов.

ТЕЛЕСКОП

Тайны земли,
Тайны неба,
Тайны Вселенной —
Космические метели,
Звездной пыли
Мерцающие облака...
К самым границам галактики
Ты нацелен.
В неизведанное,
В непознанное пока.

Рук человеческих дерзость —
Твое начало,
Разум, надежда, знание —
Паруса.
Первый корабль
От космического причала,
Первый шаг из привычного
В небеса.

Ты связной
В мироздания странном круженье,
Ты на грани
Вселенной и бытия,
Тьмы и света,
Чувств и воображенья,
В звездной пыли лежит дорога твоя.

Пересечет она путь
Загадочный, Млечный,
Мысли полет тревожен,
Запутан, крут...
Самая близкая цель твоя —
Бесконечность.
Дали непостижимые — твой маршрут.

АСТРОНОМ — ПОЭТ

Ты — астроном. Я тоже астроном.
Занятие наше, словно мир, старо.
Вот телескоп. Вот хрупкое перо.
Все ищем,
Ищем,
Ищем мы в ночах
Ты — звезды новые,
Я — новые слова.
Покуда ищем мы, — душа жива.

Удачи, неудачи — череда.
Но впереди мерцает слабый свет:
Путь новый,
Слово новое.
Звезда...
Когда и где, и через сколько лет
Увидим их воочию с тобой?
Но отдыха в ночных исканьях нет,
И в тайны проникает человек,
И длится бой.

Манит
Светил таинственный полет,
И так тропа небесная крута...
Мы начинаем
С единицы счет,
А дальше — глубина и высота.
И ты летишь — туда, где звездный ряд.

Где вероятности переплелись
И в вакууме вечности парят.

И мчишься ты, смиряя в сердце дрожь,
И, круговертью звездною кружим,

Ты сам становишься непостижим.
Ты в этот час поэзией живешь.

Выходит, знаем мы, куда нам плыть.
И ночь для нас —
Один бескрайний дом,
И мы равны — поэт и астроном,
Когда стремимся тайное открыть.

Как труден в океан вселенский
Путь,
Там звезды слабо светятся на дне.
Но, брат мой, если суждено тонуть, —
Уж лучше утонуть на глубине,
На глубине, далеко от земли...
Не знаю хуже участи, чем страх,
Бессилье тех, кто тонет на мели,
О них забудут в тот же день и час...
Но, пусть заплатим дорогой ценой, —
Да будет путь измерен глубиной,
Где истина,
Скрытая от глаз.

КАРТА НЕБА

На листе уместились небесные сферы,
Спрессовались масштабы, созвездья, орбиты.
Это Марс.

Вот Медведица.

Это — Венера,

Объясняют мне буднично и деловито.

В этом хаосе точек, кругов и пунктиров
Я блуждаю рассеянно и неумело,
Я стою перед картой огромного мира, —
Слава богу, что нету на карте пределов,

Непреступных границ, разделительных линий,
И, цветами различных держав не раскрашен, —
Он един, этот мир серебристый и синий,
Как едина от века Вселенная наша.

Нет на глянцевой карте чужих территорий,
Словно в небо гляжу — все знакомо и ново...
Я в рабочей бессоннице обсерваторий
Вижу ясное завтра единства земного.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Что — бесконечность?
Как постичь ее —
Воистину трудна работа, брат.
Таинственно вселенной бытие,
Ты рядом с ним —
Ты счастлив и богат.

Прости мне зависть добрую,
Прости.
Ты там, где осязаемое — ложь.
И вновь аркан раскрученный свистит
Над дичью, что арканом не возьмешь!

Безбрежность, распростершая крыла,
Бескрайность, — не сдержать ее в руках...
Вселенная мудра и велика,
А человеческая жизнь мала.

Дано ли нам оставить в мире след?
С цветов слетает звездная пыльца,
Дорога мчится, передышки нет,
И цель недостижима до конца.

Наверное, вот так и стоит жить —
Разумное оставив за спиной.
Пусть ответ бесконечности лежит
В душе твоей,
В судьбе твоей земной.

ГОЛОСА В ЭФИРЕ

Давным-давно бывало так:
На схватку вызывался враг,
Грудь в грудь стояли — не ударишь
В спину.
Разящий меч в руках блистал,
И высекала искры сталь,
В бою решали, кто сильнее,
Мужчины.

Прошли неспешные века,
И пуля бьет издалика.
«Есть ружья нынче, —
Храбрецов не стало»...
О, легендарный Кер-оглы!
Столетия ненависти, мглы —
Земля от крови и вражды
Устала.

Мать - революция! С тобой
Шли бедняки в последний бой,
И троны рушились, и в прах —
Кумиры.
И обескровленный народ
Осилил голод, войны, гнет.
Так мужество ковало мир
Для мира.

1.

А вражда живуча.
Бывает так:
Не имеет она особых примет.

И цветы протянет с улыбкой враг,
И при этом смущенно
Тронет берет.
Для тебя не жалеет он
Добрых слов,
Только ты поверь ему —
А тогда...
Как она красиво одета, вражда!
Только это ветхий покров.

Затаит до поры
И зависть, и злость,
Соловьем заливаётся,
Серебром...
Пусть ты в доме его
Был принят, как гость, —
Он и это не вспомнит тебе добром,
Пусть в тяжелый час ты ему помог.
Очернит —
Как только ты за порог.
«Он — подлец!» —
За спиной у тебя кричит,
А в глаза посмотришь —
Он первый друг.
Днем и ночью доносы —
Строчит, строчит.
Только это не сходит с рук.
Черным знаком мечена
Эта прыть,
Клевету и наветы
С пера не смыть.

2.

Приемник. Ночь. В эфире голоса.
Треск. Музыка. Известия звучат.
Через земли бессонной полюса
Радиоволны, сталкиваясь, мчат.

Я слышу дома неумолчный мир,
Но в эти полуночные часы
Ты столько пены выплеснешь, эфир:

Вот Вашингтон,
«Европа»,
«Би-би-си»...

Что в нашем доме — радость ли, беда —
Все наизнанку вывернут за грош.
По давнему рецепту клевета.
Умело приготовленная ложь.

О, сколько этих голосов чужих!
Растут, как сорняки...

Болит душа.
Динамик в напряжении дрожит, —
И сотни вариантов прежней лжи
В эфир летят, толкаясь и спеша.

О совы! Как бы глотки вам заткнуть,
Куда девать вас с вашей тоской?
Когда душа не может отдохнуть,
Пусть отдохнет хотя бы слух людской.

Есть голос правды, выстрадан и строг,
Он говорит со мной как друг и брат,
И мутный не зальет его поток,
И ваши голоса не заглушат.

Он знает, чем земля моя жива,
И заглушит он ваш истошный крик...
Оружием становятся слова.
Не затихает схватка ни на миг.

Пусть «голосов» наветы и елей
Эфир разносит — чести вопреки.
От них не станет черное белей,
И не сойдут за искренность — плевки.

Вы, режиссеры лжи! В конце концов
Припомните историю свою,
Героев древних схваток, праотцов, —
Они бывали честными в бою.

ВЫСОТА

В горах, на высоте, ведущей в небо,
Стою один — и думаю о том,
Что этот странный мир лучей и снега
Я знал давно, как позабытый дом;

Что, если в горы попадают люди,
Они часами могут вдаль глядеть
И так вбирают воздух полной грудью,
Как будто порываются взлететь.

О чистый воздух высоты орлиной!
Любой орлом почувствует себя,
Взглянув на мир с заснеженной вершины
И о высоком мысля и скорбя.

Что знает человек и что он помнит?
Я думаю, поднявшись в эту высь,
О том, что люди в клетках теплых комнат
По недоразумению заперлись.

И сердце рвется на простор вселенной,
Оно само себя не узнает,
И бредит вечным человек мгновенный,
Как будто порывается в полет.

Куда ни погляжу с горы, везде
Сверкает полотно Бахлузаде.
И с уст слова срываются невольно:
«Как ты прекрасна, как ты хороша,
О родина моя, мой край раздольный,
Отечество мое, моя душа!»

Как хороши, когда глядишь отсюда,
Селенья, города и городки!
Над ними облаков сияют груды,
И все они сейчас недалеки.

Даль приближает, близость отдаляет.
Обычное пленяет с высоты.
Она предметным смыслом наделяет
И самые воздушные мечты.

Да, правда! Если стал бы я пониже,
Я не узнал бы столько мест родных:
Три города и семь селений вижу,
Единый взор охватывает их.
Гянджа, Ханлар и Ших, а вот Таглы,
Азад, Моруд, а там — Карадаглы.

Они передо мной как на ладони
И видятся во всей своей красе,
И ни одно в тумане не потонет:
Все ясно вижу! И прекрасны все!

Увы, на высоте большого дела
Так мелки наши чувства иногда...
О если б мы с вершины снежно-белой
Могли смотреть на жизнь и на года!

Когда на сердце у меня легко,
Мне зимний вечер летним днем покажется.
Когда живу от друга далеко,
Мне жизнь моя далеким сном покажется.

Душа моя, не сетуй и не плачь,
Мы по себе земное дело выберем:
Пусть темен путь поэта, ты не плачь,
Мы темный путь с тобою вместе выбелим.

Ночь или утро, тишь или гроза,
Пик или пропасть, смех или слеза, —
Самим собой не остается сущее:
На мир глядят пристрастные глаза,
Свое добро и зло в него несущие.

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Остывает небосклон.
Солнце скрылось за горами.
За распахнутым окном
луч последний догорает.

Я несу какой-то груз,
как носильщик, за плечами.
Груз не груз, скорее — грусть,
то, что днем не замечаю.

То, что днем в меня вошло,
ночью давит мне на плечи:
жизнь и смерть, добро и зло...
Над горами — мрак и вечность.

Ночью и на рассвете,
преодолев свой вес,
одна за одной ракеты
вонзаются в толщу небес.

Они уходят — как вызов
космической пустоте,
взлетают все выше и выше.
И меркнут в высоте.

Лицом к лицу со вселенной
мы встали во весь рост.
Усилиями поколений
строится в вечность мост.

Ночью и на рассвете,
вот уже много лет,
в небо уходят ракеты —
вестники наших побед.

ЗАПОВЕДНИК

Охота. Стволы изрыгают огонь.
В кустах закипела работа.
Бьют — в лет, торопливо шлют пули—вдогон.
Штурмуют леса и болота.

С проклятьями тащат, как первый итог,
тяжелую тушу джейрана.
Воткнулся в траву окровавленный рог,
окрасилась кровью поляна.

Все — в общую кучу, где крылья фазан
раскинул в смертельной истоме,
где легкая серна и горный баран
прикрыты травой и листвою.

Трофеи охоты — в котел и в казан,
в костер — совершенство природы.
И вот уже поднят тяжелый стакан
во славу удачной охоты...

И я испытал эту жгучую страсть —
бежал, задыхаясь, по следу.
И сердце когда-то натешилось всласть
погоней и ветром победы.

Но истина вскоре открылась одна:
для жизни Земля существует.
И птиц, и зверей породила она,
и всякую травку живую.

Земля — заповедник. Не надо топтать
ее родники и посевы.
Не надо врываться в природу, как тать.
Пожнешь только то, что посеешь.

Пусть страха не знает пугливый марал,
к ручью выходящий из чащи.
Хочу сохранить красоту этих скал
и птиц, в поднебесье летящих.

Хочу защитить от охотничьих пуль,
от злого огня и навета
пятнистых оленей и стройных косуль,
бегущих стремительней ветра.

Хочу уберечь от разрухи и войн
все, созданное человеком.
Под солнцем единым, единой луной
пусть мир воцарится навеки.

Живое — едино. И если напалм
дымится над рисовым полем,
я чувствую — летчик мне в сердце попал,
и вздрогнуло сердце от боли.

Взгляните на Север, взгляните на Юг —
сквозь судьбы, пространство и годы —
почувствуйте общность натруженных рук,
почувствуйте общность природы.

Земля — заповедник. Не надо топтать
ее родники и посевы.
Не надо врываться в природу, как тать.
Пожнешь только то, что посеешь.

НЕ ГАСИ

Не надо, не гаси огня.
Сегодня тихо прожил я
свой самый лучший в жизни день.
Пускай не наподзает тень
на утро будущего дня.
Не надо, не гаси огня,
продли его, любовь моя,
на долгие другие дни
сиянье радости продли.
Подольше не гаси огня!

Нет на небе зеленых платанов,
только синий сверкающий свет.
Нет аулов, вершин, водопадов.
И поэтому скорости нет...

В пустоте и следа не осталось.
Облака пронырнули. И вот
замелькала земля... Мне казалось,
что быстрее летит самолет.

Мысль моя не однажды бродила
в беспредельной заоблачной мгле.
И весомость, и скорость, и сила —
на земле, на земле, на земле!

КНИГА ИСТОРИИ

(сказка в стихах)

Родной язык страны, историю народа
Не торопись познать,
коль память коротка...
Пьет вол из родника живительную воду,
Не зная, где исток живого родника.

Седой мудрец в древнейшие года
Оставил мир, где свары и тщета.

В обители укромной, где его
Стремлениям никто не помешает,
Историю народа своего
Вне суеты он изучить решает.

В безмолвии предстали перед ним
Тысячелетий пыльные скрижали,
Узор на камне, временем храним,
Доспехи, сохи, надпись на кинжале.

И все они, на разные лады,
Нашептывают множество преданий,
Являя слуху тайные следы
Былых времен, исчезнувших страданий.

Уже понятны мудрецу узлы
Забытых дат, событий неслучайных...
Находок — тьма, но все они малы
В сравнении с неразрешимой тайной.

В ней, словно в точке, сходятся лучи
Вопросов безответных... В раздраженьи
Он вновь и вновь склоняется в ночи
Над древностями до изнеможенья.

О, тайна тайн! Легко сойти с ума
Не только мудрецу иль чародею,
Когда уже история сама,
Как девочка, беспомощна пред нею.

Но вот случайно крохотный листок
Он извлекает из седого тлена,
Впивает текст, как воздуха глоток,
В волнении дрожат его колена.

Нашелся ключ к сокровищнице той,
К таинственной, неразрешимой точке:
Предстала вдруг со страшной простотой
История ее в коротких строчках.

В ней, в этой точке, чужеземный шах
Сказал, презрев историю народа:
«Я на земле — единственный аллах!»
И вмиг исчезло солнце с небосвода.

Сгорев дотла, обуглилась мечта
Души народа, гордой и прекрасной.
В годину бедствий даже красота
Казалась узурпатору напрасной.

И на ее истерзанной груди
Он огороды городил глумливо...
Отчизна милая! Кровавые дожди
Секут твои истоптанные нивы.

Дух несогбенный, прелесть языка,
Народные обычаи — на плаху...
Казалось, кровью пахнет от листка,
Что мудрым старцем вызволен из праха.

Опять не то... Безмолвны письма,
Явивши тайны только миг единый...
История народа, где ж она?
Где сущности великие глубины?

Зря обращаться к дальним небесам
С немym вопросом: «Где ж она хранится?»
Мудрец подносит к старческим глазам
Находки оборотную страницу.

И узнает, что некий аксакал —
Великий летописец кровью сердца
Подробно записал, как изнывал
Его народ под игом самодержца.

И чтоб ее не затерять в бою
Иль уберечь от вражеского глаза,
Он летопись правдивую свою
Запратал на вершине Гушгонмаза*.

Да, тайну ту не выдала гора,
Хотя с тех пор прошло четыре века...
И в мудреце откликнулось:

«Пора!» —

Воспрянувшее сердце человека.

Презрев душой немую тишину,
Покинул он угрюмую берлогу,
В которой жил у древностей в плену,
А никакого в сущности итога.

Но все равно он счастлив, — пусть не раз
Терзали сердце всякие сомненья...
К вершине величавой — Гушгонмаз —
Спешит мудрец сквозь беды и лишения.

Пять бурных весен, пять суровых зим
Своей киркой орудует усердно...
Буран ему погибелью грозит,
И солнце жжет его немилосердно.

Нет, он не бросит тяжкого труда, —
Из сил последних, но достигнет цели...
Но уходила от него вода,
Шатались зубы, волосы редели.

Бьет ежедневно, еженощно бьет,
Почти бездумно и неосторожно.
Пусть мучит жажда — после он попьет...
Увы! Проникнуть в недра невозможно.

* Гушгонмаз (букв.) — недоступный птице.

Он трудится, как некогда Фархад
Крушил киркою скалы и утесы.
Ничто ему — усталость, камнепад,
Рассветов обжигающие росы.

Утешен он величием любви
Своей души, восторженной и чистой...
Не пожалей и не останови
Ты старца на тропинке каменистой.

Любовь! Тобой возвышены сердца,
Озябнувшие души — отогреты.
Перед тобой раскрыты до конца
Все тайны мира, все его секреты.

Где силы взять, когда бы не она?
Не будь любви — мы клятв бы не сдержали...
Мудрец дойдет, дойдет до кувшина,
Коль в нем лежат священные скрижали.

Не сетует, не ропщет он, а бьет.
«На полдороге я труда не брошу»...
Кирка устала, камень устает
Хранить в себе таинственную ношу.

Вот наконец-то с милой простотой
К нему на помощь люди зашли:
Они глубокомысленно решили,
Что тянется он к жиле золотой.

Когда б не золото, зачем же сокрушать
С таким упорством каменные скалы?
Мудрец не стал догадки разрушать —
Ни мальчиков, ни древних аксакалов.

«Здесь золото!» — он отвечает им.
И юноши спешат со всей округи...
У золота — пленительные звуки,—
Ужель злой зов и здесь неумолим?

«Он ищет злато!» — правду он сказал,—
Его богатство в кувшине тайлось,
Из-за него он мерз и голодал,—
Оно не сдается всякому на милость.

Постичь его — не каждому дано...
Он не солгал: пусть люди ищут злато,—
Ведь и они очнутся все равно,
Чтоб чистой правдой задыхаться когда-то.

Шло десять лет сражение с горой,
Пока кирка счастливчика однажды
В кувшин уперлась...
Сумасшедший зной
В виски ударил нестерпимой жаждой.

Тьма дум в уме мгновенно пронеслась,
Пот по челу катился холодным градом:
А вдруг и здесь та книга не нашлась —
Всей жизни драгоценная награда.

Или мученье тяжкое его,
Всех одиноких дней существования...
И воцарилось вмиг вокруг него
Народа суеверное молчанье.

Но почему на лице мудреца
Гримаса боли и недоумения?
Еще не вскрыв находки до конца,
Уже он видит золото, камня.

Так значит зря орудовал киркой!
Страданий годы пущены на ветер!
Он не солгал народу, но такой,
Такой ли правды жаждал он на свете?!

Кто щедр душой и совестью богат,
Зачем тому сокровища земные?
Нужны богатства, но совсем иные,
Что золота дороже во сто крат.

«Он не узнает правды, мой народ,—
Как без истока отыскать им устье?»
Рыданьем горьким искривился рот,
И старцу горы отвечают грустью.

Такою тяжелой кажется беда,
Что он кричит и мечется в смятении,

И видит предков горестные тени,
Исчезнувших без всякого следа.

Вот замолчал на миг и еще раз
Безумным взором он в находку впился
И вдруг ужасным хохотом залился,
А слезы — градом из безумных глаз.

Он запоздал, звенящий вскрик: «Постой!»
Все замерли, от страха неживые:
Вниз головою со скалы крутой
Упал мудрец на камни роковые.

Что в почестях шумливых похорон,
Когда не умалят они печали?
Но тризна справлена, и люди заскучили,
И стали забывать, откуда он.

Лишь камни продолжали горевать
Да мать-земля, что мудрецу постелью...
Чтобы богатству зря не пропадать,
Народ собрался жадною артелью.

Почетный старец, аксакал села,
Единодушно избран казначеем...
Не зря, видать, добыча тяжела —
Работы хватит любопытным шеям.

Уже кувшин опущен горлом вниз.
Вот выпали монеты...самоцветы,
Сияют связки золотых монист,
И снова — драгоценные монеты.

Поражены... Но смотрит аксакал
В кувшин злосчастный и глазам не верит,
Вмиг осознав величину потери:
«Так вот то золото, что мудрец искал!»

Лишь старость мудрая грустить не устает,—
Дождался аксакал святого мига,
И руку протянув, он достает
Со дна сосуда кожаную книгу.

И веет ветром от ее страниц,—
Так вот она, история народа!
Его любовь, страдания, свобода
В рассеянном мерцании зарниц.

...Вздыхнув глубоко, плакал аксакал,
Потом умолк и снова простонал:
«Вот что покойный долго так искал!»

Я ПОНЯЛ...

Мой край, моя Отчизна, слава, клятва,
Я сердцем выносил мою любовь к тебе,
Как хлебороб вынашивает жатву.
И солнце занялось в моей судьбе!
Я крылья ощутил, как в небесах орел.
Я отыскал свой угол зренья,
Свое лицо, — как бы стихотворенье,
И радость, и печаль свою обрел.
Я сын твой, Родина, один из сыновей,
Земля и я — мы родственных кровей.
И многое с тех пор мне стало ясно.
Я понял тех, кто умер за тебя,
Кто умирал любя, тот умер не напрасно!
Величие твое и простота
Замешаны на верности и долге,
Я тверд в презрении к недругам твоим,
Тверд непоколебимо, навсегда,
Мне за тебя не страшно умереть,
Страшней — от старости иль хвори,
Мой щит надежный в бедствии и горе,
Я счастлив и не тороплю года.
Но трижды счастье —
Быть твоей любовью
 отмеченным в народе навсегда!
Да, я люблю тебя и сам любим,
Великую любовь я заслужил,
Наверно, тем, что разумом своим,
Своей душой, всем существом
Я с каждым днем люблю тебя сильнее
И беззаветней с каждым днем!

ПОЭМЫ

РАЗГОВОР С ЛЕНИНЫМ

1. РЕВОЛЮЦИЯ

Ильич. Я фразу каждую твою
Твердил, как клятву,
Что дают в бою.
Я все слова, что в сердце сберегал,
С твоими, прозорливыми,
сверял,

Лелеял в сердце,
Мир спешил объять...
За шагом — новый шаг,
За пядью — пядь
Я проследил пути твоей судьбы,
Исполненные веры и борьбы.
Нет, не слепа любовь сыновья, нет.
Пленен тобой я с самых ранних лет.
Ведь я сквозь сердце пропускал не раз
Дыханье слов твоих,
Звучанье фраз.
И жизнь твою,
Как высший идеал,
Всем сердцем я, всей жизнью постигал.
Я заново родился,
Я постиг
И мудрость дел твоих, и мудрость книг.
Нас осеняет жизнь своим крылом.
Во имя жизни
Тяготы несем.
Ведь жизнь одна,
Бесценна жизни кладь,
Нам ад и рай дано в ней испытать.
А не постигший трепетной душой
Границу меж зимою и весной —
Тот с поля боя убежит, тому,

Не зная гроз, остаться одному.
Не ведает — живет он для чего,
И не тревожит грусть его чело...
На высоту «жизнь-смерть» поднялся ты
Во имя человеческой правоты.
Так ты мужал,
Так набирался сил,
Ты сердце закалил, преобразил
Пред тем, как в бой вести рабочий класс.
Мечтой ты стал

и знаменем

для нас.

Из бед отчизны нашей,

горьких бед

Ради нее ты родился на свет.

Гнев клочкотал в тебе, на бой стремя,

И родина увидела себя,

Как в зеркале, в прямых твоих словах

И поняла — сильна,

хоть и в цепях.

Увидела она в твоих очах

Грядущих дней

пылающий очаг.

Отчизна опиралась на тебя,

Ты — на нее...

Грядущее любя,

Сперва в своей душе ты воссоздал

Грядущий день,

что в дымке увидал,

И все сошлось, срослось

в душе твоей...

И боль,

и столкновение идей,

И споры,

и мятежный пыл страстей

Взрастили, возвели на пьедестал

Души твоей —

великий идеал,

Перед которым потерпели крах

И смерть, и ссылка,

и за близких страх.

Из мятежа разбуженной души

Вновь всходы

революции взошли.

2. НАРОД, НАРОД!

«В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает».

В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 112, изд. 5.

«Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества».

В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 61.

Тот, кто живет с народом — сам народ.

Кто черпает в нем силу — сильным вскоре

Становится.

Ведь волн круговорот

Речь обретает, выбежав из моря.

Просторней, глубже далее

и небес

Могущество,

величие народа.

Кто мыслит с ним —

в том мудрости замес,

В том явственна грядущего порода.

А тот, кто за народ стоит стеной,

Тому народ — надежная опора.

Кто повернется вдруг к нему спиной,

Окажется сам на лопатках скоро.

Кто мнил порой, страстям своим в угоду,

Что он — народ, тот — сир навек и гол.

Но тот,

Кто жил дыханием народа,

Возвысился и силы в нем обрел.

Вот так взмывает в небо самолет,

Без тяги вверх пусты его усилья.

Земля ему энергию дает,

А без нее — он не поднимет крылья.

Твои труды я перечел опять.
И понял я одно — народ, как море.
Я — капля в нем, и в радости и в горе,
Лишь в море можем мы существовать.

В бореньях бурных века, как титан,
Ты возвышался, все отдав народу,
В себя вместив познания океан,
Предвидел ты грядущую свободу.

Грядущий день вставал в огне багряном,
Ты воплощением будущего стал,
И пред простым народом — океаном,
Хотя себя в нем каплею считал.

Кто скажет —
Кровь, что в битвах пролилась,
Истает в небесах, — исчезнет скоро.
Кто за народ готов в бою упасть —
Народ тому
Был точкою опоры.

Ты помощи не ждал со стороны,
С народом слит в стремлении едином,
И, верный сын своей родной страны,
Большого мира стал ты гражданином.

Великую я истину постиг —
Любовь проходит сквозь любое пламя.
А если не живешь ты для других,
Не жди любви народной и признания.

3. ОТКРЫТЫЙ РАЗГОВОР

«Прямая политика — самая
лучшая политика. Принципиаль-
ная политика — самая практиче-
ская политика».

В. И. Ленин. ПСС, т. 14, стр. 300.

Не раз сквозь струны сердца пропускал
Я каждую строку свою и слово.
Взледев в сердце ясный идеал,

Твой идеал,
Что жизни всей — основа,
Самим собою наконец я стал.
Я селем был —

кипел, бурлил, играл.
Но отстоялся, полный жизни снова.
Теперь с самим собою обо всем
Я вправе говорить — долой молчанье —
Лицом к лицу с бессонными ночами
Речь завести прямую о былом,
Поговорить о нынешнем своем.

Кто я теперь? И дан какой мне дар?
В чем суть моя?
Что значит мое имя?
Кем был еще вчера и кто я ныне?
В чем нов надеждой?
В чем душою стар?

Откуда вышел я?
Каких забот
Наследником являюсь и слугою?
Все это моей совести отчет
Перед страной моею
И тобою.

Я — дерево ветвистое, чьи корни
В родную землю
Навсегда вросли,
Мое призванье — вечно в непокое
Земле моей
Петь звонко песнь земли.

Я знаю — у начала есть предел.
И я не вечен. И не вечен разум.
И все, чем в этой жизни овладел,
Что у земли я взял —
Вернуть обязан
Опять земле, покамест с ней я связан.

Все впитывает сердце из сердец
И рвется из земного притяженья.
Мои труды —
Моей души венец.

Мои заботы —
Жизни отраженье.

Биеенье сердца —
Каждый слог стиха.
Моя Отчизна, —
Мой надежный кров,
Отчизна, что навеки дорога, —
Начало и конец несметных слов.

О, вождь мой, о, наставник лучший мой,
Ведь мы всегда,
Как ты, любить должны
Свой край,
Преданья гордой старины
И предков кров.
Свет очага родной
И песнь свою,
И речь родной страны...
И мысль твоя,
Что брошена векам,
На этот мир глаза раскрыла нам,
Ты нас самих открыл
Для нас самих.
Я суть свою через тебя постиг.
Глаза закрывший нам источник тьмы,
Свободой завершался навсегда.
По революции

 учились мы,
На что способна правда до конца...
Умеем мы судить не по изъянам,
Не по густым, искусственным румянам
О красоте лица.
Пусть правда не всеильна, пусть хрупка, —
Не склонится она перед бедой.
Мы знаем, мощь народа, как река,
Когда народ ее постигнет всей душой —
Становится, как тысячи — один,
И в схватке правды с ложью
Побеждает
Людская правда, правда-исполн.
Кто побежден — сомнений тот не знает.
О, как слабы безверные умы,

По революции

 постигли мы:
Непобедим вовек народ единый,
Едины мы, и значит мы сильны.
День ото дня восходим на вершины,
Великой революции сыны.
Истории пути мы напрямик
Прошли,
Вместивши годы — в краткий миг.
Мы время не часами — мощью мерим.
Из мрака к свету прорубаем путь.
Мы время сокращаем,
Мы умеем
Дышать ветрами во всю грудь,
От мига к мигу,
И от мига — к дню
Проводим путь мы к звездному огню.
Забрасываем к звездам дальним сети.
Живем, творим,
Творим, живем на свете.
Учитель мой,
Есть на пути пока
Отравленные иглы сорняка,
И тина,
И прилипчивая грязь,
Есть негодяи,
Правду попирающие,
И есть глазами выгоды
 взирающие

На мир,
 к обогащению стремясь.
И, истину всем существом любя,
Учитель, я учился у тебя
Уроку: что любить, что отвергать —
Любить бойца
 и ненавидеть нытика,
Я знаю, что открытая политика —
Правдивая и верная политика.
Нет, низкой лжи нельзя затушевать,
Я ненависти не таил
 своей
К тем лживым, к тем дельцам змееголовым,
Что прячут кривду за красивым словом.
Вот почему без страха, без затей

С эпохою я говорить привык
Начистоту,
от сердца,

напрямик.

Я смело обличал, я бичевал
Того, кто, словно маску, надевал
Пустые фразы: «справедливость, верность».
Я смело бичевал неоткровенность
Тех,

кто, как ртуть, то вниз вдруг опускался,
То, от тепла, —

вновь кверху поднимался.
О, если б стих мой,

взяв из сердца злость,

Сумел пронзить,
Сумел пронзить насквозь
Щиты и «кротких лиц»,

и сладких слов.

Я обличал чиновных подлецов,
Того, кто предавал за ложь и спесь
Достоинство свое

и честь

Ради того,

чтоб благосклонный взгляд

Начальства заслужить,

Кто ждет наград.

Я бичевал тех, кто строчил наветы,

В чьем сердце ржа предательства —

навек.

Кто вкривь и вкось

сто истин толковал.

Я обличал того, я бичевал,

Кто лстивые улыбки расточал,

Кто источал отраву сладкоустых

Тысячеликих прихвостней,

Безусых

Юнцов, что потеряли идеал,

Что обеляют

черные дела,

Тех, у кого дорога пролегла

Меж языком и сердцем в сотни лет.

Учением твоим, Ильич, согрет,

Я бичевал.

Я буду бичевать.

4. ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

«Владимира Ильича можно было легко рассердить расплывчатой характеристикой какого-нибудь человека в качестве вообще «хорошего» человека. «При чем тут «хороший», — аргументировал он. — Лучше скажите — какова политическая линия его поведения...»

Г. М. Кржижановский, «Насильник и революционер», М., 1969, стр. 25.

Прекрасно сказано!

Вот — точность!

Прекрасна точность без прикрас:

Бьют аргументы прямо в точку,

Слова разят не в бровь, а в глаз.

Сказал.

Увидел корень сути.

Он в душу мне взглянул навек!

Слова те значат:

Кто мы, люди?

Кто ты, отдельный человек?

Хороший человек!

Не надо

Достоинств мне перечислять!

В чем идеал его? В чем правда? —

Я главное желаю знать!

Что толку —

Холоден иль вспылчив?

Он с твердой, мягкой ли душой?

Доверчив, гибок, не уживчив?

Хороший он или плохой?

Мне ярлыки претят!

Кому-то

Один — хорош, кому-то — плох.

Но время зрит ежеминутно,

Где откровенье,

Где подвох.

Добро и зло —
Друг с другом вместе
Перед лицом судьбы стоят.
Идея — пробный камень чести,
Поймешь, кто прав, кто виноват.

В ней — человеческая ценность,
Она — единственная твердь.
Двусмысленность пути и цели
Туманом застилает свет.

Один внушал мне:
— Стой горою,
Когда светло. В ненастный день
Стелись туманом над землею
И в щель под камень
Втисни тень.

Слова — прикрытые сердца. Ими
Суть затушевана.
В ответ:
— В устах открытых тайна зрима, —
Я возразил.
Он крикнул: — Нет!

Не зная сам,
Открыл он сердце:
Я трусости увидел дрожь,
К добру презренье отщепенца,
Наветы, клевету и ложь.

Там нечисть издавала звуки,
Змеей ужаленный стонал,
А рядом, вскидывая руки,
Барахтались, кто в сеть попал.

Он мне шептал:
— Я не обязан
Всплывать из глубины на свет, —
За что я должен быть наказан?
— Бедняга, — я сказал в ответ.

Не можешь от себя отречься,
В борьбе с собой

Понять сумеи:
Ты в бездне весь —
От губ до сердца.
Что зришь
Из пропасти своей?

Взойди, взгляни с вершины сердца!
Сумеи себя и мир понять,
Услышать речь,
Родную с детства —
Добру тебя учила мать!

Чтоб доли
След твой не забыли —
Свои черты лица имей!
Имей свою идею в мире,
Чтоб стать открыто
В строй людей!

Добро и зло —
Друг с другом вместе
Перед лицом судьбы стоят.
Идея — пробный камень чести,
Поймешь, кто прав, кто виноват.

Жизнь — перстень,
Солнца луч — в оправе!
Как перстня каждого цена —
В оправе,
Так — в идее, в правде
Людская суть заключена.

Идея — камень драгоценный!
Идеей человек богат:
Себе и жизни
Знает цену,
В пути не повернет назад!

Есть идеал —
Он с новой силой
Прокладывает борозду,
Нет идеала — гнется ивой
То в эту сторону, то в ту.

Есть идеал — стоит скалою,
Он тверд, высокой думы полн.
Нет идеала — пуст душою,
Угодлив он, ничтожен он.

Есть идеал —
В нем все открыто:
Любовь и ненависть, добро.
Нет идеала — шито-крыто,
Неведомо его нутро.

Он и себе, и миру в тягость —
Так, съев свой хвост, змея ползет.
В нем хищна и труслива радость —
Он слабость коршуном клюет.

Есть идеал — душа ликует,
В нем боль кричит, грохочет век,
В нем правда жизни торжествует:
Он — человек. Он — человек!

...Хороший человек!
Не надо
Достоинств мне перечислять!
В чем идеал его? В чем правда? —
Я главное желаю знать!

5. ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

«...Владимир Ильич Ленин так хорошо знал историю прошлого, что мог и умел смотреть на настоящее из будущего... Он вообще, как никто до него, умел предвидеть то, что должно быть. Он умел и мог делать это — мне кажется — потому, что половиною великой души своей жил в будущем».

В. И. Ленин и А. М. Горький.
Письма, воспоминания, документы.
Изд. «Наука», М., 1969, стр. 351.

Когда минувшее оглядывал,
Грядущее он прозревал,
Заветное в сердцах угадывал,
Мечтой мечту опережал.
В цветке, на ветке зацветающем,
Он ясно прозревал плоды,
Грядущим, зримо наступающим,
Он окрылял полет мечты.
Уроки прошлого училывал,
Поэтому предвидеть мог.
Он точный путь мечты рассчитывал,
Он зрел исток, чтоб зреть итог.

«Он — фантазер», — Уэллс сказал.
Тот, кто романы сочинял,
Мечту назвал мечтой пустою!

Пылинки не поднять мечтою! —
Враг затаившийся шептал —
Тот, кто изъяны расширял,
Кто с удовольствием брюзжал
В лицо страны и за спиною...
Злорадствовала пустота:
«Мечта? Пустая блажь — мечта!»

Мечта! Фантазия! Мечта!
Ты обнимаешь высь руками!
Ты — будущего высота,
Его краеугольный камень!

Так вождь сказал:

— Кто не летит

С фантазией в наш день грядущий,
Тот — путник, в прошлое бредущий,
Тот дней сегодняшних не зрит.

Мечта! Фантазия моя!

В даль бытия полет свободный!

В ком нету завтрашнего дня,

В том жизни нету и сегодня.

Лети, мечта моя, лети!

Ты — мост воздушный между днями!

Мы окрыляемся в пути —

Я обнимаю высь руками!

Пари, мечта моя, пари!

Лети к свершеньям неуклонно!

Лучи сверкающей зари

Я буду пить из небосклонов!

Жизнь без волненья — пустота,

Грядущее ее забудет,

Так уноси меня, мечта,

С поверхности летящих будней!

В миры, где жизнь еще светлей,

Где брезжут новые рассветы,

Лети, мечта, лети быстрее —

Хочу увидеть лик победы!

Лети, мечта моя, лети,

Чтоб явью стало упованье

На твердом, на прямом пути!

Вперед! — Вот вечное желанье!

Влеки, мечта, всегда влеки

В грядущее

меня

сегодня!

Коль ты летаешь — так лети!

Коль ты светла — так будь свободной!

Останься той, какой была

У Ленина — прямой и твердой!

Уэллс!

Фантастику создав,

Он фантастическим мечтам

Не верил,

Нашим устремленьям

Не верил

Англичанин тот...

Лишений год... Двадцатый год.

В Кремле сидят Уэллс и Ленин.

Один — вопрос. Другой — ответ.

Мечта. Сомненья и примеры.

В одном — и малой веры нет.

В другом — несокрушимость веры.

В конце концов один ответ:

Да, вера нас не покидает,

Во мгле России льется свет —

То электричество сверкает!

Уэллс глядит, он изумлен —

Мрак над страной неизменен,

И завтра не поверит он,

Во что сегодня верит

Ленин.

Уэллс...

Глаза в глаза глядят...

Нет, он не верит человеку,

Чье слово в тыщу киловатт

Уже ведет народы к свету.

Он Ленину в глаза глядит

И видит в них лишь сумрак синий

Где ворон медленно кружит

Над безотрадною пустыней.

А убежденность говорит,

И вера обретает силы,

А в это время Ленин зрит

Свет и грядущее России.

И зажигаются огни

Из каждой фразы над страной —

То на Днепре, то на Оби,

То за Днестром, то над Курюю.

Он тяжесть прошлого постиг,

Стал волей светлых устремлений.

Из дней сегодняшних своих

Грядущее увидел Ленин.

6. РЕЧЬ И РАДОСТЬ

«Иногда казалось, что неукротимая энергия его духа брызжет из глаз искрами, и слова, насыщенные ею, блестят в воздухе. Речь его всегда вызывала физическое ощущение неотразимой правды».

М. Горький. «В. И. Ленин».
Изд. Полит. лит., 1966, стр. 34.

«Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич».

Там же, стр. 21.

Он держит речь перед рабочими —
На языке их говорит.
И слово искрой с губ летит, —
И в хмурых лицах озабоченных
Огонь зажегся и горит!

Он держит речь.
Он говорит
На языке всех угнетенных,
Забитых, темных, обреченных.
Как белый свет во мраке черном —
Так слово светит и летит!
То слово молнией разит,
В нем гром раскатисто гремит
И сотрясаются основы
Самодержавия
От слова.
Он держит речь...
Он говорит!
Железной логикой клеймит
Бесправия века и годы,
Где стонут нации, народы,
Где падают во имя правды
Ее страдальцы и солдаты... —
Он держит речь!
Он говорит...

Как зеркало грядущих дней,
Сверкает глубина речей —
То заключительное слово
Свой приговор произнесет:
Падут насилие и гнет,
Воспламенятся в людях снова
Дух Прометея и огонь,
И перестанет литься кровь
Пока в одной стране — в России,
И нации накопят силы,
И солнце лица озарит...
Он держит речь.
Он говорит...

Слова — мосты между сердец:
Им не страшны штыки, свинец,
Сжигать, взрывать их — бесполезно,
Бессильны здесь и мрак, и смерть —
От тех мостов струится свет
К мечтам, закованным в железо.

Когда б опору всех мостов
Его бы сердце не держало,
Тогда б значение этих слов
Сердца людей не укрепляло.
Но светит слово и летит,
И мост сверкающий лежит
Между сердцами миллионов,
Сердца светлеют с каждым словом,
Вещей светлеет естество...
Источник света — жизнь его!

Он цельным видеть все хотел!
Нет, говорить он не умел
Намеками, обиняками —
Всем сердцем говорил с сердцами!
Грустил иль радовался он —
Он был единым чувством полн.
А если шуткой восхищался
В кругу соратников в тиши —
Нет, в подуши он не смеялся,
Смеялся он от всей души!
Вполусерьез, полушутливо

Он никогда не говорил —
Всегда открытым сердце было,
Намерений он не таил.
Внушать пол-истины, полсути —
То значит цельность раздробить,
Не знать, что есть,
Не знать, что будет,
Вреда и пользы не творить.
Витиеватость слов претила
Ему — он прямо говорил.
Как гвоздь, значение слова было
И перпендикулярно било —
Сквозь камень слово проходило
И свет из глубины светил!
Кто знает цель, тот знает путь,
Тому претит с пути свернуть,
Тот утверждает в слове, в деле
Единственность пути и цели.

Он цельным видеть все хотел!
Нет, говорить он не умел
Вполусерьез, полушутливо...
Снега ли, вешние разливы,
Зеленый шум, голубизна,
Осенних дней ли тишина —
В нем грусть и радость —
Все сполна!
Единственность пути и цели —
Вот в чем немеркнущая ценность! —
Слова его сердца зажгли!

Слова его и сердце — цельность,
Созвучность неба и земли.

7. СОЛДАТ-ПОЛКОВОДЕЦ

«Долой литераторов беспартийных!
Долой литераторов сверхчеловеков!»

В. И. Ленин, ПСС, т. 12, стр. 100.

— Что? Беспартийный? Что за слово?
В нем стержня нету, нет основы.
Да! Слово то рукой своей

Я б вычеркнул из словарей!
Нейтральный? —
Не могу понять.
Определенный дай ответ!
Есть фронт —
Об этом надо знать.
Позиций у нейтральных нет.

Враг — неизменно враг.
А как
Назвать того, кто в грозный миг
Тебе — не друг,
Тебе — не враг?
Кто беспристрастен —
Тот безлик!
В нем зябко, скользко естество:
Он есть ли, нет —
Едино мне.
Какая польза от него
Народу,
Нации,
Стране?
Позиция — не отступать!
Позиция есть ратный путь:
Когда не можешь пулей стать,
Тогда мишенью стань для пули!
По эту сторону иль ту? —
Позиции в середине нет.
Глянь на падающую звезду —
В ней моментально гаснет свет.
Ты без позиции?
Ты — нуль.
Душа подобна пустоте:
Я на пустырь ее взглянул —
Где честь?
Где совесть?
Доблесть где?
Ты без позиции?
Ты — нищ:
У двух сторон
Ты кланчишь хлеб,
Былинкой кланяешься нищ...
Достоинства в нейтральном нет.

Стань сумраком иль светом дня,
На траур иль зарю похож!
Лукавит он —
Подумал я —
Он с правдой смешивает ложь.
В середине он, не потому ль —
Над схваткою? Сверхчеловек?
Кто высится над свистом пуль,
Того унижит белый свет.
Тот, кто избегнул двух сторон,
Непримиримость отвергал,
В пыли отвергнутым лежал.
Он с тенью прятался своей
В тени то этой, то другой —
Где тень твоя в тени теней?
Где взгляд?
Поступок?
Облик твой?
За грудь бы взять тебя!
Встряхнуть!
Что хочешь обществу сказать?
Жизнь — подвиг!
Жизнь — открытый путь!
Что же таишься ты опять?
То там, то здесь твой зыбкий след —
Идешь, двусмысленность любя.
В тебе единственности нет,
А значит, нет еще тебя!

По эту сторону — «Вперед!»
По ту — трусливый крик: «Назад!»
По ту — упрямо смотрит гнет,
По эту — воли ясный взгляд.
По эту — жизнь ручьем звенит,
По ту — с косою гуляет смерть.
По ту — недолго ложь темнит,
По эту — вечной правды свет.

Слова мои, стихи мои —
Мои солдаты боевые:
Добудут почести — одни,
Умрут от старости — другие.
Стихи — солдаты.

Мысль моя —
Их полководец!
Сокровенно,
Определенно знаю я:
Едина мысль и неизменна!
Стихи — солдаты.
Знаю я:
Они идут
На смерть иль почесть!
Их тысячи,
Но мысль моя —
Единственный их полководец!
Опора в чем?
Что мысляю я?
В крови горит иль гаснет пламя?
Любовь к Отчизне — мысль моя,
Опора — Ленинское знамя.
Слова мои, стихи мои
Берут огонь у этой мысли.
В ком нет опоры и любви,
Тот не узрит вершины жизни.
Тот, не поднявшись, ниц падет,
Душою в низость погружаясь —
Так сук сухой, упав, гниет,
В сыром ущелье разлагаясь.

Мой стих в бою с моим врагом,
Не знаю, выстоит иль дрогнет?
Быть может, рвенья много в нем,
А силы, может быть, не много,
Но знаю я:
Стихи мои —
Сегодняшнего дня солдаты!
Склоняют головы они,
Как перед нишею мехраба,
Перед святынею земли,
Где правда Родины —
Их правда!
Слова мои, стихи мои —
Сражающиеся солдаты!
И в том покаяться я могу
Всем, что имел и что имею:
В них ненависть кипит к врагу

Моей единственной идеи!
Определенно знаю я:
Мы в бой идем во имя правды,
Где полководец — мысль моя,
Стихи мои — мои солдаты!

8. ИСТИНА — ПРАВДА

«...абстрактной истины нет,
истина всегда конкретна».

В. И. Ленин, ПСС, т. 42, стр. 290.

Где истина, там правда —
Солнце сердца!
В чертах лица, в глазах твоих — светло!
Ты — справедливость, свет! В тебя взглядеться
Необходимо, но и тяжело.

Ты — страсть, энергия мечты конкретной,
Ты раздвигаешь мрак своей рукой.
Ты — слово, луч! Ты — имя жизни светлой!
С тобою — Ленин, правды сын родной!

Ты — потрясенье тронов, их сверженье!
Ты с временем за дело принялась:
«Вы — твердь», — сказала, — «Я — землетрясение» —
И с зыбкой высоты скатилась власть.

У правды свой суровый вещий голос!
В ней гул и громы, но и шорох в ней —
Молчащий камень, шелестящий колос,
Окольность троп, задумчивость полей.

В следах крови, что пролита за правду,
Как много их, крушений и надежд!
Обнажена ты, правда, света ради,
Ложь — ради мрака — в тысячах одежд.

Познал себя с семнадцатого года
Весь древний мир —
Во всех краях земли
Литые зерна правды и свободы,
Что сеял Ленин, высоко взошли.

Ты был рабом? Ты стал небес опорой!
Твой дух парит, тебе неведом страх!
От выстрела единого «Авроры»
Самодержавный мрак упал во прах.

Сверкнуло солнце правды в этом мире —
Глаза открыло нациям земли.
Российский гнет гниет в глухой могиле —
Сады шумят, где были пустыри.

И мир познал ту истину простую,
Что правду можно бить, но не убить,
Оклеветать — она восторжествует,
Душить за горло — но не задушить.

Смешались в жизни грани тьмы и света,
Но правды суть звездой во мгле зажглась,
И половина мира в полдень века
Под ленинское знамя собралась.

В следах крови, что пролита за правду,
Как много павших!
Но они встают,
И тени их единой правды ради
Сражаются
И совершают суд.

О, правда! Есть ли сокроуенней слово?
Что ж ты на деле так сурова вновь?
Где истина, там правда жертвы новой.
Ты видишь свет во тьме? — Ты видишь кровь.

Им нет числа, что пали в землю эту —
Навеки с именем твоим легли,
Остались все вопросы без ответа:
«Ты где?» — То голос их из-под земли.

На смертный бой солдаты уходили,
В руках — оружие,
На устах — лишь ты.
«Живи!» — То шепчут братские могилы.
«Живи!» — Над ними шелестят цветы.

Хосе Антонио Эчеварилья
На Кубе вырос, чтоб в один из дней
Во имя павших, истины во имя
Наотмашь ложь ударить правдой всей.

Ложь многоумна — учит, поучает:
«Зри ночь, а мрака в ней не замечай!»
Ложь черную реальность обеляет
И сладкий яд подмешивает в чай.

Антонио сказал: «Погибну или
Ложь развенчаю! В том поклялся я,
Хосе Антонио Эчеварилья, —
Пусть короткой будет жизнь моя!

Оказывается, что ложь готова
Сказать несчастьем, что несчастья нет,
И слово боли, и несчастья слово
Меняют вкус, значение и цвет.

Оказывается, что ложь не вечна:
Язык — с версту, а жизни — на вершок.
Что пища-ложь без правды будет пресной,
Что правда с ложью — лакомый кусок.

Что мрак пирует нагло и свободно,
Что истина притихшая светла...»
Антонио сказал, что ложь сегодня
Идет с правительственного стола.

Хоть твердь зыбка, но веру держит в страхе —
Не скажешь правды, значит, не умрешь!
Хозяин лжи — чей стол стоит во мраке,
Насилье — зримо, если схлынет ложь...

Антонио... друзья... Они решили
Наотмашь ложь ударить — час настал!
Радиоцентр утром захватили.
Антонио у микрофона встал.

Сказал: — Пусть рухнет основание мрака!
Он говорил...
Слова разили цель...

В словах слились впервые свет и правда:
То сердце Кубы —
То радиоцентр!

Он говорил... И рушились преграды
Между сердцами, свет сиял в глазах.
Он говорил по порученью правды —
Слились впервые вместе мрак и страх.

Он говорил... И хлынули потоки
С вершин, и эхо вторило словам,
Внимали правде дальние дороги,
И горы доверялись небесам.

Хосе Антонио Эчеварилья,
Он говорил — огонь в груди пылал:
Сегодня вслух с ним вместе говорили
Все, кто за правду на земле упал.

Но выстрел... В спину... Сердце замолчало.
Он посреди страны своей упал.
Лишь три минуты — и его не стало,
Угас огонь, что этот мрак сжигал.

Лишь три минуты... Но в минуты эти
Он боль столетий выразить успел.
Минуты эти — свет во тьме столетий,
И он их прожил, и звездой сгорел!

Не дрогнул он.
Не повернул обратно.
След проложил. Дорогу показал.
За три минуты истины и правды
Он жизнь свою —
Весну свою отдал!

Антонио! —
То имя жизни новой!
Огонь угаснуть в слове не успел —
Пронес в душе пылающее слово,
Как знамя непреклонное,
Фидель.

Антонио! —
Порыв души свободной,
Мечты конкретной свет и торжество!
Та правда вечность обрела сегодня
От трехминутной истины его!

Сегодня меньше мрака!
Год от года
Светлеет мир — во всех краях земли
Литые зерна правды и свободы,
Что сеял Ленин, высоко взошли.

— Приносит правду время потрясений! —
Сказал так Ленин много лет назад,
Пускай глаза сомкнул навеки Ленин,
Глаза его на этот мир глядят.

ЭПИЛОГ

Счастья не было видно в клубящейся мгле,
По известным путям человек проходил.
Ленин — самый великий ходок на земле —
Он пути не прокладывал, но сотворил.

Раздавался во мгле человечества стон,
Но в семнадцатом солнце взглянуло на мир.
Ленин — самый великий историк времен, —
Не писал он историю, но сотворил.

Небом мысли своей и любовью своей,
Всею волей своей этот мир озарил —
Он из самой великой мечты всех людей
Это солнце на этой земле сотворил.

ОЦЕНКА

Моим студентам.

1

Мое призвание — поэт.
Моя профессия — учитель.
Разлада в этом не ищите,
Но и согласия здесь нет.

Разделены часы и дни
Меж лекцией
И рифмой звучной...
Всю жизнь стремлюсь объединить
Мечты свои
И хлеб насущный.

2

Экзамен...
Я могу сказать заранее —
Есть или нету
У студента знания.
Я замечаю это по тому,
Как он к столу подходит моему.

Один
Берет решительно билет,
Другой —
«Счастливым» ищет взглядом долго,
Кто лишь на свой надеется ответ,
А кто — на состраданье мое только.

Один
Толково излагает суть,
Другой
Вспотел и мямлит что-то жалко,
А третий,

Чтоб совсем не утонуть,
Схватился за соломинку-шпаргалку.
А этот,
Словно в книгу он глядит,
На все ответит, не моргнувши глазом,
Он гладко говорит,
Но видно сразу,
Не понимает сам, что говорит...

Я целый год
Передавал им знания,
От света знаний
Загорался сам,
Я вижу,
Что дошло до их сознания,
Не по ответам даже —
По глазам.

Я говорил и повторял им снова,
Не забывали чтобы одного,
Что лишь вершины знания чужого
Ведут к вершинам
Знания своего.
Я перед ними неким эталоном
Премудрости
Казаться не хотел,
Но я хотел,
Чтоб каждым своим словом
Я разбудить сознание их сумел.
Чтоб в каждой фразе,
В каждом предложенье —
Души моей звучало продолженье.
Чтобы от скучных слов они не кисли,
Чтоб загорался их пыливый взор,
Чтоб донести до них
Чужие мысли
И вывести их мысли на простор!

3

Вот юноша стоит передо мною,
Нескладен он,
Неприхотлив на вид,

Но с поднятой стоит он головою,
И убежденность
В голосе звучит.
Побриться не успел он,
Я смотрю,
Припухли веки,
Ночь не спал, конечно!
Напоминает юность мне мою
И жестом,
И порывистою речью...
— Вы говорили так,
А тот — вот так,
У третьего иное я читаю...
Три взгляда на один и тот же факт...
Я, может быть, не прав, но я считаю... —
Он говорил умно и горячо,
И жест его, и слово были страстны,
Пусть не созрела мысль его еще,
Она уже мне кажется прекрасной!
Тем, что ее
Не давит чья-то тень,
Что в ней своя
Проглядывает правда,
Тем, что она зовет в грядущий день, —
Прекрасна мысль,
Нацеленная в завтра!
Все то, чему учил его я с жаром,
По-своему мне излагает он,
Я свой огонь
Растрчивал не даром —
Теперь его огнем я озарен!..
Когда бы я искал лишь преклоненья,
Слепого повторенья одного,
Я б не имел
Живого продолженья
И знания,
И сердца моего...
Он в каждой вещи
Новый смысл находит,
В какой и я, быть может, не проник...
Коль ученик меня не превосходит,
Я — не учитель,
Он — не ученик!..

Вошла студентка,
 В модной мини-юбке,
 Прическа — шик...
 Подобной больше нет...
 Взяла билет
 И опустила руки...
 — Не знаю, —
 Прозвучал ее ответ.
 Ну, как тут быть?
 Поставить двойку просто,
 Не нарушая долга своего?
 Нет, погоди!
 Богатая прическа
 Такая
 И под нею — ничего?!
 — Что ж, говорю,
 Другой билет возьмите... —
 Взяла другой,
 Сказала пару фраз
 И покраснела густо...
 — Извините,
 Я сдам, пожалуй, в следующий раз.
 Ей надо б учинить головомойку,
 Но не сейчас, конечно...
 А когда?..
 С нелегким сердцем
 Вывожу ей двойку, —
 Легко их не выводят никогда.
 Ведь двойки,
 Словно тысячи вопросов,
 Учителям покоя не дают,
 И входят в сон его многоголово,
 И, как живые,
 Перед ним встают...

Уверенно подходят
 «Протеже»,
 У них своя, особая «реальность»,
 Им кажется, что позади уже
 Экзамен,

Остается лишь формальность...
 Передо мной
 Стоит один из них.
 Улыбкой тонкой и едва заметной
 Напоминает мне:
 Он «из своих»,
 И чей-то мне передает «привет» он...
 Но мой вопрос
 Его бросает в пот,
 Он видит:
 Случай, кажется, не тот!..
 Лицо его изображает муку,
 Старательно прикладывает руку
 Он к голове, —
 Но ничего в ней нет!..
 Нелеп,
 Бессодержателен ответ.
 Долбит одно он десять раз подряд:
 «Увидеть можно... Если бросить взгляд...»
 Не слышит сам,
 Что говорит язык...
 Как был уверен он,
 И как он сник!
 Он изнемог,
 Лишился дара речи,
 Он, кажется, сжимается в комок...
 Какой горой
 Обрушился на плечи
 Ему
 Билета маленький листок!

Вопрос-ответ
 Экзаменами правят...
 Вопрос-ответ...
 Все здесь, как на весах...
 И вот большой
 Широкоплечий парень
 В младенца превратился на глазах.

И я оценку должен ему дать...
 Поможет ли она ему понять,
 Что хоть и прожил он совсем не мало,
 Но до сих пор

Цены себе не знал,
Что не в себе самом ее искал он,
А в чьем-то покровительстве искал...
Ты от других
Удачи ждешь и блага,
Зависит от других
Твоя судьба...
А где ж твое достоинство, бедняга?
Зачем ты отрицаешь сам себя?!
Ты отрицаешь собственное имя,
Ты с именем чужим
Пришел ко мне!
Ты спрятался
С надеждами своими
В чужую тень
И растворился в ней...
Не веря самому себе,
Ты рос,
Как я в тебя поверю?
Вот вопрос!
Ответишь ты хотя бы на него?..
Мне больно от молчания твоего...
Ты так безмолвно
К полу не прирос бы,
Когда б во все на свете
Сам вникал,
Тебя бы не страшили так вопросы,
Когда б ты сам их
Чаще задавал!
Ведь у того,
Кому все в жизни просто,
Нет за душою ровно ничего,
Коль нет вопросов к миру,
Под вопросом
Само существование его!..
С вопроса
Начинают все на свете,
Как детство начинается
С «почему?»,
Вопросы задают
До самой смерти
Себе
И мирозданию всему.

Вопрос — начало поиска,
Свершений,
Он человека поднял в полный рост,
Тем величавей
Был на свете гений,
Чем грандиозней
Был его вопрос!..
Твой долг — вопросы миру задавать.
Ты этого не знал,
Не хочешь знать...
Ты положенью веришь
И заслугам
Знакомого большого твоего,
И не своим бессилием напуган
Сейчас ты,
А бессилием его!

Знакомый...
Мы друг друга с уважением
Приветствуем при встрече всякий раз...
Пропасть ли нашим добрым отношениям,
Неужто их
Перечеркнуть сейчас?!

Я и студент...
Но между нами — он,
Его звонок
И «дружеская» просьба...

Задумал я построить новый дом
На даче старой...
Но не так-то просто
Его мне оказалось возвести —
Ни кирпичей, ни досок не найти!
Я столько заявлений написал,
Я подал все, какие нужно, справки...
Но без него, наверно б, не достал
Я до сих пор
Ни кирпича,
Ни балки...
О злоключениях моих узнав,

В какое-то
Он «звякнул» учреждение,
И вмиг решение принял некий «зав»,
И моментально
Все пришло в движение...

Что говорить,
Один его звонок
Тогда мне очень здорово помог...
Поставить двойку?..
А звонок?
Нет, нет,
Нельзя обидеть друга...
Не решаюсь...
И чувствую со страхом:
Не студент
«Срезается» сейчас —
Я сам срезаюсь!
Ведь если б
Он не стал тогда звонить,
Без новой дачи
Быть наверняка мне..
Но неужели совестью платить
Придется мне за доски и за камни?!..

Не срезал я студента,
Нет, не смог,
Поставил «3»,
Хоть совесть мне кричала:
«Ты продаешь за камень и песок
Меня сейчас...
Позорное начало!
Оно ведет в бесчестие и грязь...»
Но рассказать кому-то об успехе
Шел к выходу студент уже,
Смеясь, —
Плач истины
Был слышен в этом смехе...

Он распрямился...
Вышел, подбоченясь...
А я?
В трусливый сжался я комок...

Я вместе с ним сейчас
Похерил честность,
Позорный преподавал ему «урок»!

Он будет умножать свои «победы»,
Добыв успех
По-воровски, тишком.
Кто может предсказать,
Какие беды
Он причинит
На «поприще» таксм?!

Не смог его остановить
Сейчас я...
Я совести своей сказал:
«Молчи!»
Как часто в жизни
С совестью несчастной
Мы поступаем, словно палачи!
А ведь в тот миг,
Когда беда грозит нам,
Когда нам гибель черная грозит,
Усталым, одиноким, беззащитным,
Тогда нам только совесть наша —
Щит!
И вот ее
Преступно растоптал я,
И вместе с ней
Закон я растоптал.
Я изменил своим же идеалам,
И сам себе
Я верить перестал...

Мы говорим высокими словами
Об Истине,
О Правде говорим,
Но часто мы не замечаем сами,
Как беззаконно
Изменяем им.

Я спрашиваю ныне:
— Кто виновен?
Студент ли?

Я?
А, может, только он,
Знакомый наш,
Что мне десяток бревен
Помог достать,
Чуть «искривив» закон?

Без тучи в небе дождик не прольется,
И лист осенний — с ветром заодно...
Я должен был предвидеть,
Что придется
Мне отвечать за каждое бревно.

Быть справедливым —
Наше назначение,
И от него нельзя нам отступить, —
За каждым,
Самым малым, отступлением
Большого преступления можно ждать!

Студент «по блату» сдал сейчас экзамен,
Он так же
Заполучит и диплом...
И вот, глядишь,
Он место в школе занял —
Невежда за учительским столом!

Не преступление разве?!
Год от году
Он будет увеличивать его.
Что ж, наказать виновных?
Но кого?
Концы ушли, как говорится, в воду...
Кто до начал обмана доберется?
Но — «что посеешь, то пожнешь» —
Обман,
Настанет день,
Как бумеранг, вернется —
Моих детей
Начнет учить профан!

Когда я Справедливость преступаю,
Я сук рублю,

На коем сам сижу,
Грядущее под корень подрубаю,
Своих детей преступно подвожу...

Но знать не знал он
Всех моих терзаний,
Он тройку получил,
И — был таков!
А та студентка
С модными глазами?
Не слишком ли я с нею был суров?
Нет у нее «заступника», положим,
Но будь хотя б логичен, дорогой, —
Раз подписался под одною ложью,
Обязан подписаться под другой!
Перед своей же ложью безоружен,
Я становлюсь податлив, словно воск...
Я чувствую,
Что все в душе нарушил,
Перевернул во мне
Один прохвост.

Экзамен этот —
Вовсе не экзамен,
Хотя «по форме» принимал его,
«Несправедливость» —
Вот его название,
Его нагая сущность — воровство!

Но есть ли смысл теперь
В моих терзаниях?
Им не поправить факта одного:
Я оценил студента не по знаниям,
Я по-знакомству оценил его...

Коркут¹,
Давая людям имена,
О сути думал их,
Об их деяниях.
Он знал,
Какая каждому цена

¹ Деде Коркут — герой одноименного древне-тюркского эпоса.

В трудах его
И в ратных испытаньях...

Но быть, как он,
Мне не хватило сил,
Я изменил и совести, и долгу,
Несправедливость я благословил,
Я незаконность вывел на дорогу!

Отец Коркут!
Я не сумел воздать
Здесь одному сейчас,
Чего он стоит,
Боюсь, не по заслугам будет брать
И в жизни он,
И разрушать устои.
И разрушаться будет сам, как раз,
Живя обманом
В обществе и мире...

Даст трещину, наверно, и алмаз,
Неверно оцененный ювелиром.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поэзия — души моей призванье,
Учительство — работа и судьба.
Я их объединил
В своем признании
И жалобе на самого себя.
Поэзия!
Нет у тебя кумира, —
Лишь истины высокий идеал,
Ты только правду миру говорила,
И лишь в тебе
Он сам себя узнал.
Так принимай
На свой костер лучистый
Всего меня —
От крика до слезы!
Пусть мне поможет
Пламенный и чистый,
Не знающий предательства язык!

МУТАМ

Памяти Узеира Гаджибекова

ПРЕЛЮДИЯ

Птица поет в листве...
Под нежную песню ее
впадают цветы, трава
в сладостное забытье.
Птица поет в листве,
щебет щедро струя,
о чем говорит, о чем
певунья моя?
Вслушайся, человек,
сердцем зачерпни
горлом идущую боль
нашей пернатой родни.
Не зная птичьих речей,
почувствуй жаркую суть,
раскалывающую клюв,
сжигающую грудь.
Птица поет в листве...
Не так ли тоскует тар,
в чьих трепетных струнах — стон,
в чьем горле бушует пожар?
У тара свой лад и сказ,
и тайна своя и строй.
Постигни его язык
до маленькой запятой.
Умей различать цветы —
где горный, где полевой.
Золу очага не равняй
со злой сердечной золой.

Звуки и краски земли
с музыкой в родстве...
Прислушайся, о чем
птица поет в листве...

Вслушайся, как в горах
камни срываются с круч,
как на кромке скалы
звонко ломается луч,
множится эхом гул
глухо гудящих глыб,
гул переходит в стон,
стон прерывает всхлип,
Вслушайся в голос горы,
в щемящий клич журавлей,
в шелест фазаньей волшбы,
и разгадать сумей
в буре стихийных гамм
брезжащий смутно мугам.
Вот звонкозвучный нэй —
семь клапанов — семь гнезд,
семь пронзительных голосов
осиротевших птенцов.
Вслушайся в шум воды,
падающей с высоты,
в громы весенней грозы,
в звоны прозрачной росы.
Сердцем созвучья лови,
общность с природой прозрей,
в красках цветов и травы
краски мелодий прозрей.
В переплетении троп
песен узоры прозрей,
через извивы дорог
мира просторы прозрей.

...

Бывает, что слово бессильно и нище,
а голос без слов, тишайшего тише,
способен из сердца искорку высечь,
единственный голос из тысячи тысяч.

И нет языка на свете такого,
который бы трогал больней и острей.
Поэзия — это музыка слова,
но музыка — речь бессловесных страстей.
...Быть может,

в мугаме
таится преданье,
Прислушайся к смутно
струящейся тайне...

И явится небыль,
и явится быть,
пробьется сквозь вековечную пыль,
то голубем вещим,
сделавшим сирого шахом,
земные дела единым уладив махом,
то троицей яблок, что с неба свалилась
(но всем ли досталась небесная милость?).
Зачем эти сказки придумали люди?
Зачем они вечно мечтали о чуде?
Быть может, столетий терпенье — мугам?
Тоска, ожиданье, смирение — мугам?
И силы под спудом,
и руки — в оковах,
но это смирение — мученье, мугам!
Не сказка ли древняя в песню шагнула?
Не кровь ли Шунгула, Мангула, Шангула¹,
зарезанных Волком,
сочится струей,
трепещет струной?

Вслушайся в песню,
В песенной бездне
сердце народа любого живет,
а в сердце заветное слово живет.
Может, таится судьба и эпоха
в кратком мгновении струнного вздоха?

Ах,
чаргах...
Услышь в «мухалифе»
ярость клинков,

¹ Козлята — персонажи народной сказки.

топот коней боевых,
летающих в огне,
увидь в «джовхари»¹
дрошь одинокой фиалки,
пробившейся робко сквозь снег.

Доблесть и нежность,
пыл и слеза —
это мугама голоса.
Тар звонкострунный,
заливистый нэй —
это созвучий бессонный музей.
Эхо далеких веков,
стоны и зовы
к нам он доносит из древних

потомок,

предков ровесник,
ровесник потомков.

«ШУР»

Ты не листай историю, прошу,
как развлекательный роман,
Послушай «шур» —
как пращуров своих,
как зов отцов,
печальных матерей.
Внимай,
вникай.
Века в огне, дыму...
Храни огонь,
и дыма не развей.
Есть песни — в горле ком.
Есть песни — ноги в пляс.
Мугам... — что скрыто в нем?
Куда влечет он нас?
Мугам — сокровищница тайн.
Непосвященный, не вступай
в его цветущие сады,
где зреют мудрости плоды.
И прежде, чем войти туда,

¹ «Мухалиф», «Джовхари» — части мугама «чаргах».

постигни дни, познай года,
Какие пронеслись ветра
над родиной твоей вчера?
О чем запел простой тростник,
когда к губам отцов приник?
Кто замутил глаза ключей
в жестокой прихоти своей?
Когда нагрянул на беду,
умчал кипучий сель Сару?
Когда оплакали беду,
кто горестно воспел Сару?
Как тосковал Хан-чабаны,
став виноватым без вины?
И почему Хасте-Касум
в беде неожиданно оказался.
Керема разлучив с Асли,
кто злым тираном оказался?
Кто подмешал отраву зла
в вино добра? Кто порождal
вершащих черные дела
святош? Кто подлость награждал?
Кто предал веру Кер-оглы,
какой неузнанный злодей
таился у его дверей,
коварно зарясь на Гырата,¹
не зная, что придет расплата?
И может быть, тогда Нигяр,²
праматерь гордая моя,
в мгновение горькой маяты
впервые спела баяты?..
Взгляни на скалы Гобустана —
окаменелый хоровод.
На глыбах проступают шрамы,
следы стихий, следы невзгод.
«Джанги» — отважный танец брани.
Гремят стогласно барабаны.
Гулы — трубны!
Глыбы — бубны!
Пещера разевает пасть.
И кровь в виски,

¹ Гырат — кличка коня Кер-оглы, героя народного дастана.

² Нигяр — возлюбленная Кер-оглы.

и пляска — всласть.
 «Айда, удалцы мои!
 Близко ли, далеко ли,
 налетите на врага,
 как на падаль — соколы!»
 Звенит «Джанги»:
 «Идут враги!»
 Под глыбой скалы
 кружится «яллы»¹
 «Горы высоки-высоки.
 Тут — весна, там — снега.
 Ну-ка, меч, блесни из ножен!
 Тут — рука, там — башка!»
 Удалы
 Баяндур ратники,
 удалцы Кер-оглы
 пляшут «яллы».
 Застывают валуны —
 ритмы песенной волны,
 В них согласие и лад,
 нерушимый звукоряд.
 Глыба — барабан,
 В глыбу барабаны!
 «Джанги» — бой, брань,
 «Джанги» — борьба.
 Руки — плавны.
 Ноги — быстры.
 Крутость и кротость —
 две сестры...
 Руки сплелись,
 звуки слились.
 Земля и небо обнялись.
 Может, вихрем стихий влеком,
 здесь начинался древний маком?..
 Может, из этой
 каменной немоты
 рождались ритмы
 невиданной чистоты.
 Горечь — мугама соль.
 Гордость — мугама высь.
 Сердце мугама — боль.

¹ «Яллы» — старинный хороводный танец.

Крылья мугама — мысль.
 Только решимость?

Едва ли.

Нежность? Не только. Твердость.
 Есть у великой печали
 великая гордость.

Ясней луны, плавней волны
 томящий «Шур»,
 щемящий «Шур».
 Какое слово
 мне вплести
 в твой струнный разговор?
 О, «Черноокий» мой,
 «Марал Азербайджана»,
 дитя «Высоких гор»!¹
 Руками седых матерей
 расцвечен ты был
 в узорах ковров золотых,
 и хною огненной мечен ты был
 на пальцах невест молодых,
 на волнах Гек-геля ты лебедем плыл,
 на волнах, луной залитых,
 на губах у влюбленных ты пламенел
 и песней звенел.
 «Ладья утонула, в пучине осталась,
 Несжатою нива в долине осталась.
 О сколько терпел я от милой моей,
 И сколько терзаться в кручине осталось?»
 ...Новруз² настал. Идет весна.
 Проталины и слезы снега,
 раскаты медленного эха —
 подобье ропота и смеха,
 стихий извечная война.
 Новруз настал. Идет весна,
 и ей земля уже тесна.

¹ «Черноокая», «Марал Азербайджана», «Горы высокие», — названия народных песен.

² Новруз — новый год по древнему календарю, совпадающий с началом весны.

Крутые скалы огибая,
с обрывов брызги рассыпая,
веселая и молодая
идет весна, идет весна!
Обходит хмурые эйлаги,
с разбегу прыгает в овраги,
узлы на веточках завязывая,
цветы пригоршнями разбрасывая,
идет весна, идет весна,
и песня новая слышна.
«Гахрамани» в горах гремит,
Гудит в груди седого саза,
Аракс — в объятиях Куры,
Кура — в объятиях Аракса.
Реки — родные дети Горы.
Песни речные спят до поры.
Реки проснутся и запоют:
«Аразбары», «Аразбары»...
Солнечной кровью пьяно взбурлив,
не уместается в берега,
русло меняет песня-река,
новые тропы, пути торя,
новое чудо нам даря.
Этой стихии пыл и накал
в русло единое заковал,
миру явил вдохновенный поэт
нашей музыки — Фикрет.¹

Забытая давняя рана или томление — шур.
Пришедшее вдруг на память порыв и стремление — шур
Иль мудрые речи старца, постигшего суть бытия,
В окно разуменья упавший луч изумления — шур.
О сколько путей у мысли, сколько развилок у ней!
В долгой долине жизни троп разветвление — шур.
Вершина бела снеговая, склоны и доли пестры,
Может, сокрытых красок ты проявление — шур?
То ли тоска на чужбине, то ли далекий зов,
Вспыхнет и снова угаснет, словно мгновение, шур.
Хоть возгордится порою словом своим Бахтияр,
Но разве в словах расскажешь, что за явление — шур?!

¹ Композитор Фикрет Амиров, автор симфонических мугамов «Шур» и «Кюрд-овшары».

Шикестэ взвивается на «зиль»¹ —
это выстрел горы огласил.
И в печали прокричала ночь: Наби!..²
В Аскеране погубили Гоч-Наби.
Весть округу облетела, обошла,
взор слезой горючей обожгла.
И от этой черной муки-маяты
в черный траур облачились «баяты».
Застонали, горю вторя, «герайлы»³.
в Карабахе выси гор белым-белы.
Закричало безутешно «шикестэ»:
«Горе-горькое мне чудитсяезде:
В Аскеране даль без края голуба.
Покатилась удалая голова...
Пусть придут подруга, мать, заголосят,
В прядь его вплетая прядь, заголосят.

«ЧАРГЯХ»

Волны встают на дыбы,
бьются о грудь скалы,
откатываются назад,
и снова, и снова накат,
и снова гордый отпор.
Бурю страстей, тревог
словом не передашь...
Это «чаргяха» пролог,
это — «бердашт».
Грозно гремит прибой.
Жизнь — это вечный бой.
Вешним потоком кипя,
ярость в пути копя,
с бурей всегда дружи,
с бурей, в душе, в крови —
живи!

¹ «Зиль» — высокий регистр в музыке.

² Наби — герой дастана, народный заступник.

³ Герайлы — стихотворная форма в народной и ашугской поэзии.

В «майз» — голосов перезвон,
преданья тревожный сон...
...Из чужеземной страны
явились послы:
— Вы покориться должны...
Если отказ — бой.
Поплатитесь головой...

Старейшин созван совет.
Какой же им дать ответ?
Смириться? Стерпеть позор,
кротко потупив взор?
В мыслях, мненьях — раздор,
Кто-то, горяч и скор,
Сомнениям наперекор
вновь затевает спор.
— Пускай говорят мечи!..
— Больно горяч...
— Молчи...
— Бойтесь за шкуру свою...
Лучше уж пасть в бою!
— Всякому делу — срок.
Опыт веков — урок.
Разум пыл утишал,
надеждою утешал.
«Бестанигяр» — мольба.
На волоске — судьба...
Враг у порога, враг.
Остался один шаг...
— Выход?
— Стоять стеной.
— Силы неравны...
— Бой!
— Воинов их не счесть...
— Жизни дороже — честь!
На столах печальных дев
настоян мужеский гнев.
«Бестанигяр» —
уста нигяр!
дастан нигяр.

¹ Нигяр — женское имя; здесь — в нарицательном значении.

«Перейми напев у нас.
Не печаль, обрадуй нас.
Не давайте чужеземцу,
Чтоб отнял он сад у нас».
— Что сомнения плодить?
ими долг не оплатить...
Спать под тяжестью щита?
Но мечу он не чета.
Только доблестью меча
добывается мечта.

Братья, вставайте,
Пора настала,
Перекуем на мечи
орала!
Горны бушуют.
В кузнях гром,
Потоком хлынем,
Врага сметем!
Молот по наковальне:
трах-тарых!
Страх — преграда,
страх — в прах!
Это «хесаром»¹ гремит чаргях!
Это пожаром гудит чаргях!
Пламя гудит.
Молот бьет.
В кузнях отвагу
кует народ.
Пламя, бушуй!
Вари булат!
Славу народа
твори, булат!
Молнии мечет
накал страды.
Это чаргяха
пылают лады.

¹ «Хесар» — часть мугама «чаргях».

Жар сраженья,
натиск, порыв...
Взвился неистовый
«мухалиф»!
Клич богатырский
взмыл в синеве.
Благословляет
земля сыновей!
Вольно вздохнули родные края.
Снова свободны родные края.
Торжествует
«Мансурийя»!
«Моей милой краше быть,
Ее слову слаще быть.
Мы изгнали чужеземца,
Нашей ниве нашей быть».

Бушует душевною бурей, бунтует вулканом чаргах,
Разбудит усталые думы огнем неустанным чаргах.

Вздывается волнами бурный, мятущийся мухалиф.
Несется крутым ураганом над океаном чаргах.

Гремит в небесах громами и сотрясает твердь,
Вызов бросает гордый вражеским станам чаргах.

Смотри, высекает пламя из каждой струны смычком,
Может, из кремня создан днем первозданным чаргах?..
Но что это? Дрогнули струны, в них скрытая боль
сквозит.
Словно простился навеки с другом желанным чаргах.

Как Бахтияру твой пламень изменчивый передать?
Пылать в груди у эпохи мы не устанем, чаргах!

ТВЕРДЫНИ

Апшеронские твердыни,
камя древние черты, —
эти башни у Хазара,
их чеканные ряды,
может, это строй «гатара»,

может, гордого «хесара»
отвердевшие лады?
Звуки кажутся рубцами
пережитых перемен,
звуки кажутся зубцами
ощетинившихся стен.
В камне — думы, в звуках — думы,
даже тени — тени дум,
просветленных иль угрюмых,
в немоте застывший шум.
О созвучьях говорит мне
каждый каменный уступ.
Эти замершие ритмы
шепотом слетают с губ.

По челу строений старых
годы движутся, виясь,
украшает своды арок
их затейливая вязь.
В поднебесье взмыли башни, —
словно сжаты кулаки:
на родные нивы, пашни
пусть не зарятся враги.
Бдеют древние твердыни —
стражи отчих очагов,
и предания седые
обнажают даль веков.
Башня Девичья! Название —
как певучее сказанье!
«Я — орлица молодая,
дочь орлиной стороны.
Я — краса родного края,
никакая злая стая
не посмеет бросить тени
на мои крутые стены».
Вот другая башня-витязь,
что веками начеку,
именем «Придешь — увидишь» —
вновь грозит она врагу...
Башни — стража и защита.
Но не только. До поры
нежность в их душе сокрыта,
башни, в сущности, добры,

Это — каменные песни
в хоре медленных эпох,
вспарившие над бездной
испытаний и тревог,
это — голос громогласный,
это — твердая строка
всенародного согласия,
пережившая века!

ВОСПРИЯТИЕ

В мугаме меру чуткости ищи,
готовности к добру или участию.
Его высокой и бесспорной властью
я поверяю подлинность души.
И если, предан этому огню,
пылаешь ты — то будешь лучшим другом,
союзником по радости и мукам,
в твоих глазах себя я узнаю.
О чем, послушай, говорят они,
страданиями озвученные слезы?
В них полыхают бессловесно грозы,
И душу обжигают искони.
Вписалась в небо медленная стая...
Куда летят устало журавли,
родимые просторы покидая,
что манит их, что их зовет вдали?
На смену лету холода пришли.
Ключи умолкли. Опадают листья,
и заморозок опалает лица
цветов и трав черствеющей земли.
Столпились в небе сумрачные тучи.
Туман ли горный заволок глаза?
И стелется мелодия тягуче,
как по песку прибитая лоза.
То шепчет глухо, то заплачет в голос.
Легонько струн касается тарист,
и звук дрожит, как в поле зрелый колос,
и струнный звон пронзителен и чист...

Мой тар, моя песня, мой древний алтарь!
Какое достойно тебя подношение?
Но слишком я беден... И бедное пенье

мое не сравнится с тобою, мой тар.
Своей сокровенною речью и сказом
ты нас посвящаешь в такие миры...
Пылает душа, зажигается разум
от невыносимо томящей игры.

Способен ты снег растопить своей трелью,
ты — вечнозеленая наша весна,
и песня праматери над колыбелью,
и мудрости пращуров наших казна,
и сладкие думы, и радость, и мука.
Минувшее в звонах бессонных яви!
Звени же, звени же, то громко, то глухо,
о боли разлуки, о верных подругах,
об их терпеливой и робкой любви.

Звени и поведай, зачем разлучили
Асли и Керема, Меджнуна с Лейли?
Какие мечтанья о камни разбили?
Какими огнями любовь обожгли?

Народная память восходит кругами.
Подъемы и спуски тернистых дорог
запечатлелись навеки в мугаме,
где в зримых звучаньях незримый ожог.
В высоких регистрах, пронзительных, быстрых,
над пропастью скачет неистовый пыл.
Басы переходят на шепот, — то опыт
приходит на смену страстям, тихокрыл.

Мы эти дороги прошли сообща,
где каждый подобен первопроходцу.
Не потому ли свой собственный отзвук
находит в мугаме любая душа?

Мугам неожидан, как тайны пути,
его непредвиденные повороты.
Бушует мугам, как весенние воды,
которым вовек в берега не войти.
Мугам — нескончаемое половодье,
неповторимых мазков колдовство.
Не заточить в окончательной ноте

неуследимость оттенков его.
Он, зная истоки, не знает дороги,
и, зная начало, не знает конца,
не предугадаешь, какие пороги
ему уготовила прихоть певца.
У каждого путника — шаг свой и поступь.
Кругами восходит к вершине мугам,
где красок и звуков кипящая россыпь,
где вечностью веет по вешним лугам,
где нету дороги. Дорога — ты сам.

Свой почерк, дыхание есть у устада,
свой голос единственный есть у певца, —
и тех, кто не глух, ожидает награда,
но пламя по-разному жжет их сердца.
Вот Девичьей башни седое виденье...
Мансур¹ исторгает из тара «забул»².
То струн ли струенье,

то струй ли свеченье?

Иль шепот вечерний,
что ты позабыл?

Значение зыбко, звучанье туманно...

Подспудно трепещет душа

под мембраной.

Прислушайся. Смутную суть разыщи
глубинным прозреньем ума и души.
Здесь каждый заветную струнку запомнит,
причастный к огню — свою искру найдет.
И памятью чуткого сердца наполнит
по-своему сущность струящихся нот.
О чем же, о чем эта смутная тайна
от долгого сна пробужденной струны,
в котором душа говорит первозданно,
в котором глухие роптанья слышны?
Задавленный стон³

многозначней речей.

Напев бессловесный значительней слова!

¹ Мансур Мансуров — известный в прошлом тарист.

² Забул — разновидность мугама «сейгях».

³ Имеется в виду тремор, когда звучащая струна зажимается пальцем.

И я понимаю снова и снова,
что голос глаголет глагола сильней.

Мой тар, моя песня, священный алтарь!
Какое достойно тебя подношение?
Но слишком я беден... И бедное пенье
Мое не сравнится с тобою, мой тар.

Кто сможет явить нам разгадку мугама,
где красок, оттенков стоцветная гамма?
Но каждому видится разная грань.
Ты в небеса на мгновение глянь.

Меняя свой облик, плывут облака.
Мы видим их розно, мы видим их разно,
в них душу свою мы читаем всечасно,
но синь неизменна, и те ж облака.
И ты из окошка открытой души
смотри на рисунок изменчивой тучи,
созвучья и отзвук глубинный ищи.
Мы разные. Что же. Тем лучше, тем лучше...
Хоть ты не увидишь того же, что я,
мы истинны оба, мы — явь бытия!

СЕЙГЯХ

О, вздох мой, улада, отрада, — сейгях.
Заемной нам песни не надо, сейгях.
И ты не заемный дар чужака,
к нам залетевший издалека.

Твоя колыбель — это горы мои.
Сочилась твоя бескорыстная влага
с вершины Кыпаза, Гошгара, Шахдага,
и захлестнула просторы мои.

Меняла эпоха твой лад и дастан,
вдохнул в тебя новую жизнь Садыхджан¹.
Как молоко материнское, свят
твой сладостный голос, щемящий твой лад.

¹ Известный тарист прошлого, реконструировавший тар.

...С гор горделивых в горло ущелий
хлынуло лавиной «чобан-баяты».
И по следам переливчатых трелей
взошли золотые родные цветы.

Восходили напевы на горном приволье,
сходили напевы в объятия степей.
Томящие звуки отрады и боли
остались навеки во мне и тебе.

В напевах народа — истоки мугама...
Сейгах — ты повсюду звенел на устах,
струился из сказа ашуга Дильгама.
О, саза и сказа краса, — мой сейгах!

Не ты ли ашуга Сары был дастаном?
Тебя ли Джума звал «Именем тайным»?¹
Не ты ли очей несказанное диво,
что ранили пылкое сердце Вагифа?

Сейгах — это чаянье и отчаянье,
сейгах — это сердца седая тоска.
О, сколько осколков разбитых мечтаний,
а радость сейгаха так коротка.

Печальны сейгаха крутые дороги,
в нем рану терзает слезная соль...
В нем слышатся зовы души одинокой,
то плачущей в голос, то прячущей боль.

Минувшие беды свои изливая,
порою взбунтует в неистовстве злом,
и снова затихнет, горя, изнывая,
то тайну развяжет,
то свяжет узлом.

И сам же распутать свой узел не в силах,
казнится виновник нежданной беды.
Былое летит на созвучиях-крыльях
и снова всплывают слова баяты:

¹ Молла Джума-ашуг. «Тайное имя» — подразумевало возлюбленную.

«Аракс струится вкривь и вкось —
В потоки много бед слилось.
Взглянул на сторону родную —
И сердце кровью облилось».

Сейгах, сейгах, горящая душа!
О прошлом говорящая душа!
Печали пламя, памяти зола...
Горящая, болящая душа!

То он взывает, то бунтует яро:
— За что, за что судьба нещадна столь?
И за какие прегрешенья кара —
на долю мою выпавшая боль?

Сломилась ветвь под ношею беды,
нет счета бедам, что мне делать?
Я вынес горы на своем горбу.
Но с горем этим — что мне делать?

В чем провинился, погрешил?
Меня измучить рок решил.
Я льды крутые сокрушил,
С морозом, ветром — что мне делать?

Заговорил я неспроста.
Мир тесен — велика мечта.
Но коль мечте сомкнут уста,
с таким запретом — что мне делать?

Огня я жажду, он мне друг.
Скалу расколет жаркий дух.
Родник заледенеет вдруг,
Иссохнет летом — что мне делать?

Так слушателей вопрошал сейгах...
И вдруг увидел — все они в слезах.
Прочтя в глазах свой тягостный успех,
он пожалел, что опечалил всех.

И заструился светом:

— Все пройдет...
Таков извечный дней круговорот.
И ночь пройдет, и новый день настанет,
И обновляться мир не перестанет.

Душа моя! Ты зрением своим
воспринимай все сущее как есть.
И радуй мир ты пением своим,
Неси на крыльях
Солнечную весть!

О чем говорит столетьям, рыдая, пылая, сейгях?
Слезами взор обжигает, остыть не желая, сейгях.

Смятение пылкого сердца, пожар уязвленной души,
Кипи непрестанно и жарко, себя изливая, сейгях.

Ты молоко материнское... Что хочешь сказать — скажи,
Меня у меня отнимая, меня понимая, сейгях.

Возносишь в иные пределы из тесных оков бытия,
В буйство созвучий бурлящих меня окуная, сейгях.

Лава ладов, стон струнный, гул и гуденье басов...
Огнем обжигает душу, рана больная — сейгях.

Струны души Бахтияра так же трепещут в ответ.
«Плачь же... — он шепчет. — Плачь же... Песня родная —
сейгях!»

РАСТ

У очага воссевший аксакал
Былое, словно скатерть, расстилает.
Дымит чубук. И мерно нарастает
сказания старинного накал.

И льется речь... То тонко, то басово
звенит струною песенное слово.
События, печали, злоключенья
исполнены высокого значенья.
Сейгях — Меджнун, блуждающий в степях.
А раст — отец. Отцовский голос — в расте.
Меджнун в пустыне от любви зачах.
Отцу немилостиво безрассудство страсти.
Гласит устами раста мудрый опыт,
раздумчиво, весомо, не спеша,
сейгях — невнятный одинокий ропот,
в пустыне вопиющая душа.

Раст — это старость, зрелость, размышление,
укор беспечной молодости — раст,
души заблудшей позднее прозренье,
и мудростью умеренная страсть.

Раст — медленное море бытия.
Над ним туманы времени нависли.
На дне глубинной сокровенной мысли
мерцает он, миры в себе тая.

Раздумье — вечный спутник человека,
как радость, и страданье, и печаль.
Не молод раст. И в нем, за вехой веха,
исканий нескончаемая даль.

Что жизнь и смерть? Куда ведут дороги?
Что пробуждает землю, сердце, сад?
Что превращает в бурные потоки
снега под гром весенних канонад?

Свой час — цветенью, песне, разговору,
воде, летящей к дальнему простору.
Что заставляет дремлющую гору
запеть на новый, на весенний лад?

Огнем очей душа поет и пляшет
Дождем очей душа исходит, плачет.
Что значит мир души? Что значит
Преображений непрерывный ряд?

Что значит время? Что оно такое?
Одно — низвергнет, вознесет — другое.
Вкруг солнца кружит бытие земное...
Что движитель сменяющихся дат?
Что кружит мир извечно и доселе
подобием летящей карусели,
за цель порою выдает бесцелье,
и восхождением называет спад?

Премудрость зрелого мужа, веков назиданье — раст.
Истории достославной седое преданье — раст.

Послушай: живым примером он сдобрит порой рассказ.
Забывшей судьбы цветенье и увяданье — раст.

Вопросы таятся в звуках, вопросами полон «Ушшаг».
Любови безответной память и угасанье — раст.

О боли земной юдоли нашепчет тебе «Дилькеш».
Терпение человека, его упование — раст.

Струится он без надрыва, утешно поет свое,
Последний рубеж страданья, его убыванье — раст.

Мечта человека святая — увидеть прекрасным мир,
И ради прекрасного мира пойти на закланье, раст.

О Бахтияр, жар песни словами не передать.
И грустное угасанье, и снова светанье, — раст.

«АМАН-ОВЧУ»¹

Марал спустился к ручейку,
марал не видел: начеку
охотник за оградой скал,
марал не ведал и не знал...
Охотник злой — «яман овчу»!
Охотник, стой! — «Аман-овчу»!
Ружье, прижатое к плечу...
Марал скакнул... рванулся прочь...
Марал застыл... Бежать невмочь.
Зеленый луг и дрожь травы
в живой дымящейся крови...
Марал взирал моляще-немо
на дуло, на траву, на небо.
Охотник! Иль душа твоя оглохла?
Охотник! Чтоб рука твоя отсохла!
Отверг безмолвную слезу!
Сгубил ты гордую красу!

«Аман-овчу!»
Ружье к плечу...
Тебе, тебе, тебе кричу!
Взгляни вокруг —
на этот луг,

¹ «Аман-овчу» («Пошади, охотник») — азербайджанская народная песня.

на дрожь травы,
услышь печальный вздох листвы.
Ты руки кровью замарал.
Погиб марал, погиб марал...
Всходила песней на устах
тоска, застывшая в глазах,
Марал глядел, глядел в упор:
«Не стреляй в меня, охотник,
я — дитя родимых гор...»

Песня сердце обжигает,
нарастает, как обвал,
и становится бессмертным
умирающий марал.

«ЛЕЙСЯ, ДОЖДЬ!»

Белый ветер
белесые облака
пригнал издалека,
рассыпал по небу,
клочьями, клочьями,
белыми многоточьями.
Белый ветер небо обрыскал,
белым дождем
землю обрызгал.
Дождь слепой, —
дождь озорной.
Высыпай, детвора.
Начинается игра.

«Лейся дождик, лей ливня,
Барабанами гремя!
Бело облачко гуляет:
свадьба нынче у меня!»

Дождик весело струится...
Как в народе говорится:
хоть по струйке в небо лезь.
Утоляет жажду лес,
утоляет жажду поле,
в желобах журчат ручьи,

И сбивают струи бусы
недозрелой алычи.

И арыки закипели,
зашумели где-то сели,
по дороге все круша...
Песней полнится душа.
Полня гулкие долины,
обрывая сны дерев,
льется, льется, не смолкает
звонкое «Узун-дере»¹
выпавшее из «Шуштера»,
как из озера — река,
хлынувшее на приволье,
под крутые берега.
Здесь — обложенное небо,
там — разлив голубизны.
Выглянет в окошко солнце,
(говорят у нас в народе:
как соперница жены...)

И распустит свои косы,
и умоется дождем...
Что же это? Снова песня,
только песня — о другом...

Дождь утих. В зеркальном небе —
отражение цветов.
Это радуга-дуга
опоясала луга.
«Фатма-нене основу ставит»...²
Какие нити — погляди!
Быть может, эти краски — звуки,
уснувшие в твоей груди,
души изменчивые ноты,
и тень неспешная заботы,
и счастья светлая черта?..
Бушуют солнечные гаммы,
восходят снова голоса,
октав певучими руками

¹ Народная песня. Означает: «Длинная долина».

² «Фатма-нене основу ставит» — название народной игры.

расплескивая небеса...
Взгляни на радужные нити
в руках праматери седой, —
они веками перевиты,
они времен далеких зов.
Смотри на голоса соцветий
и на соцветья голосов...

Бывало, дождь все льет и льет,
заботам умножая счет.
Косить нельзя, полоть нельзя.
Стихию побороть нельзя.
Ржавеет плуг,
молчит страда.
И в песне слышится нужда.
«Эй, хозяин, встал бы ты.
Нам гостинец дал бы ты».
Вот так в ненастные года
Рождались песни иногда.

САЯЧИ¹

Мы знавали сушь и стужу,
выносили холод, зной.
Летом в горы подавались,
возвращались в степь зимой.

Жили-были в алачигах,
и в лачугах земляных.
Наши двери всем открыты,
всех приветим, как родных.

Поднимались высоко мы,
звезды, солнце — в головах.
Кочевали вольной птицей,
ночевали в облаках.
Укрывались синим небом
на постели травяной.
И за нас стояли горы
нерушимую стеной.
Перезвоны горных речек

¹ Саячи — ферма народной поэзии.

ЛЕТИТЕ, ПЕСНИ МОИ

Памяти поэта-героя Мусы
Джалиля, казненного фашистами
в военной тюрьме Шпандау.

Физули, нельзя постигнуть
радости мира,
Не познав его горестей слезных,
Жемчуг не возгорится радугой,
Не испив слез облаков дождевых.

ФИЗУЛИ

«Моабитской тетради» листаю листы,
Словно я за собою сжигаю мосты.
Дни страданий листаю,
Страданий и тьмы —
Слышу голос, прошедший сквозь стены тюрьмы.
Каждый день в заточенье — рождение стиха,
Муки той, что из сердца певца истекла.
Муки сердца его — отдаются в веках,
Каждый стих — это в вечность уверенный шаг.
А когда эту книгу прочел до конца —
То увидел бесстрашное сердце певца.
Сердце — шелка нежнее...
Мученьям назло,
Среди горестей силу оно обрело.
Стал и звонче и яростней пульса раскат,
Стих поэта на этих страданиях расшат!
Эти муки поэта сломить не смогли,
Не смогли — только жажду свободы зажгли.
Дней мучительных боль,
Тяжесть горя и бед
Перевесят и сотню счастливейших лет.
Дочитал...
Сигарету опять закурил,
Свое сердце
Стихами его опалил.

1.

Преспокойно живем мы в квартирах своих,
Пишем, пишем.
Бывает, что вспыхнешь на миг.
Сердце вновь замолчит. И приходят они,
Те стихи-близнецы, как вчерашние дни.
Беззаботная жизнь, дней бесцветный покров,
И в квартире — покой,
И на сердце — покой.
Мы не слышим ветров, проносящихся вдаль,
Нам тепло в теплом доме.
А сердца не жаль.
Хоть порою и нечего людям сказать,
Пишем просто затем мы, что надо писать!
Упираемся грудью мы в письменный стол
И в бессилии пламенный ищем глагол.
И перо спотыкается вдруг. И слова
Наших песен стареют, родившись едва.
Написались слова, мимо сердца прошли,
Хоть читай во весь голос —
Не тронут души.
Что не сердцем написано — миг лишь живет,
Мимо чуткого слуха бесследно пройдет.
Не куется железо, на зиндане¹ звеня,
Нужно пламя ему, нужно больше огня.
Не согреешь другое ты сердце стихом,
Если сердце твоё не пылает огнем.
И рождается стих не при лампе, в тиши,
А при свете разбуженной правдой души.
О, не думай,
Что крепость нужна иль дворец
Для того, чтобы мог созидать ты, творец.
Если песнями сердце поэта полно —
Не удержишь в темнице его все равно.
Свое сердце в стремительной песне излей.
Что корабль без руля,
Человек без идей.

Чувство правды твое, убежденность твоя
Пронесут через бури тебя и моря.
Тот, кто плачет, тот слезы заставит пролить,

¹ Зиндан — наковальня, а также — темница, тюрьма.

Кто страдает — страдать,
А влюбленный — любить!

Ведь согласья взойти не спросив у земли,
Солнце всходит над кромкой востока вдали.
Из-под груды камней, словно красный поток,
Пробивает дорогу к восходу цветок.

Не грусти,
Если ливнями сердце полно.
Пусть весна,
Пусть зима, но прольется оно.
А пустое — пера не бери.

Пусть листья,
Словно сердце твое, остаются пусты.
Наполняйся, чтоб слово само пролилось,
Чтоб на волю оно из тюрьмы прорвалось!
Так рождаются в темной тюрьме средь оков
У поэта порою жемчужины слов.

2.

И в мученьях, предчувствуя близкий конец,
Все же славил Джалиль и Отчизну, и жизнь,
Стал невольником — смелой свободы певец
В той стране, где и Гейне, и Маркс родились.

«К смертной казни!» — в тюрьме приговор прозвучал,
Приговор человеку, что страха не знал.
Взял он время само за решетку, с собой,
До конца породнившись с эпохой судьбой.

Лишь взметнулся топор над его головой —
Стал писать, вызывая эпоху на бой.
Он в сегодня глядел
Из вчерашнего дня,
Испытания миг до бессмертия для...

В гуле наших орудий он слышал свой стих
За день тысячи раз,
Каждый час, каждый миг!
В каждом новом стихе,

В каждом вздохе души
Он векам поручить жизнь мгновений спешил.
И с земли уходя,
Слыша близкий конец,
Не о смерти — о жизни он думал, певец,
Перед смертным концом,
Перед смертным концом
Он не слышал отчаянья в сердце своем.
Знал Джалиль у последней и грозной черты,
Что исполнена песня его правоты.
Знал он, чувствуя в сердце поэзии жар,
Каждый стих —
Это мощный по смерти удар.
— Счастье — это свобода! — Джалиль говорил, —
Знайте, ради нее я боролся и жил.
Пусть свободы лишили...
Кто без воли поэт?
Значит —

жизнь или смерть — больше разницы нет.
— Обещаю свободу! —
Но он палачу
Отвечал: — Я свободы такой не хочу!
— Ты подумай! — в тюрьме говорили ему.
— Нет,
Свободы из рук палачей не приму.
А свобода, что будет врагом мне дана —
Не свобода, а рабство, неволя она.

Было всех их двенадцать —
Двенадцать друзей,
Клятвой дружбу скрепивших и смертью своей.
По оружию братья, от Отчизны вдали
Они Родину в сердце своем берегли.

Погляди на единство надежных друзей,
Слиты крепко в одно их пути, их сердца.
Испытания настали — нет дружбы сильней,
Молчаливо решивших идти до конца.

Есть друзья — закадычнее их не найти.
А на свадьбу все вместе не могут прийти.
Но двенадцать товарищей, дружбе верны,
Вместе встали в молчанье у черной стены.

Он писал больше года, надежду храня
На приход неизбежный грядущего дня;
И в ночи часового за дверью шаги
Стали ритмом стиха его, тактом строки.
«Что он там говорит про себя, чуть живой?» —
Так раздумывал возле двери часовой.

Может, тот часовой, не смыкающий глаз,
Где-то книгу Джалиля читает сейчас...
Кровью сердца горячей написанный стих
Часового вернет вдруг в былое на миг...
Он не знает, что сталью подкованный шаг
Отозвался когда-то в свободных стихах!

На руке часового лежит автомат,
Отливает холодною сталью приклад.
Охранял он Джалиля, расправой грозя,
Но преграду поставить для песни нельзя.

Он не знал, что напрасно стоит на посту,
Что нельзя за решеткою спрятать мечту,
Что лишь голос поэта стерег на часах,
Не Джалиля, что вдаль уносился в стихах.

Он не думал совсем о спасенье своем,
А о том — как бы к людям прорваться стихом.

Думал:
«Может, судьба пообреет ко мне,
Неужели мой стих задохнется в тюрьме?
Песня силы мне жить за решеткой дает.
Я умру, если песня в неволе умрет!..»

Так лети, моя песня, садись на коня,
Пусть разит мое слово сильнее копыя!

Побывайте вы, песни, в родимом краю,
Вы бессмертье дадите,
Жизнь продлите мою.
Вами, песни, свои продолжаю бои.

Ваша жизнь — моя жизнь,
Ваши крылья — мои!»

Эти песни услышали люди земли,
Эти песни в фашистов, как пули вошли.
Эти песни, как звезд караваны, летят,
Каждый стих — обелиск,
Каждый — это солдат!
Он, как тысячи завтрашних зорь в вышине,
Будет снова рождаться для нас
В каждом дне!
В бой отправился он, как боец, как солдат,
В песнях, в яростных песнях вернулся назад.

Не со словом «прощай»
Он на землю упал.
«Здравствуй! —
Старому миру, прощаясь, сказал. —
Не звездой я буду, а стану луной,
Возвращусь каждым вечером
В край я родной...»

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Вечер...
Сквозь деревья блещут фары...
Мне сегодня грустно. Тишина.
Карбышевским прохожу бульваром,
Вспоминаю павших имена.
Листья шелестят о вечных сроках
Жизни, обновления, борьбы...
Вспоминаю трудные дороги
Человека фронтовой судьбы.
Листья надо мной зеленым роем
Славят солнце, дождь, разливы рек...
Карбышев... Походит жизнь героя
На историю страны
В наш век.
Пятый год. Тревожный и тяжелый.
Век двадцатый смотрит из-под век...
На фронтах Фуджоу и Гойджоу
Карбышев окопный месит снег.

А потом, позором покрывая
Царский пошатнувшийся престол, —
Первая возникла Мировая...
Он воюет у реки Стодол.
Умирая, воскресает время...
Голод... Тиф...
Гражданская война
Фронтовой сапог вдевает в стремя
И прищипоривает скакуна.
Вся страна охвачена пожаром,
На две — разделенная войной.
Карбышев и Фрунзе...
Нет, не даром
Эти люди в армии одной.

Сорок первый...
Как в правдивой книге
Точка. Завершение. Предел.
Долг и Верность! —
А года, бог с ними!
Пустяки, что рано постарел.
Откровенней нету испытанья,
Чем — от смерти глаз не отводя —
Выйти на последнее свиданье
С жизнью
И не дрогнуть, уходя.

Город Гродно.
С неба льется пламя.
Окруженье. Улицы горят.
Немцы методично, как по плану,
За снарядам выдают снаряд.
Черный дым восходит из развалин,
Из пустых окон клубами валит,
Немцы бьют из пушек и бомбят.
Насмерть окруженные стоят!
Нескончаем огненный аврал...
Падают на землю старый генерал,
Раненый, не помня ничего,
Словно ночь вошла в глаза его.
А когда разъяло плену,
Понял генерал, что он в плену.
Генерал — добыча хоть куда,
И пошли допросы до рассвета.
Но молчал он,
Как молчит вода,
Ненависть была его ответом.
Генерал молчаньем воевал,
Седины своей не предавал.
Был отменно мужеством богат
Этот старый генерал-солдат.

Он молчал сегодня,
Завтра — снова.
И молчанье превратилось в слово,
И молчанье ширилось былинно,
И достигло самого Берлина.
Доложили Гимлеру об этом,

И приказ получен был такой:
Должен говорить пока живой,
А молчит — казнить его с рассветом.
И не просто приказал казнить,
А облить на холоде водою.
Захотел молчание хранить —
Пусть хранит молчанье ледяное.

Зимним утром
Вместе с генералом
Наших пленных вывели солдат,
И команда с каждого срывала
Полосатый лагерный халат.
Вот оно, во всей арийской сути,
Зрелище мучений напоказ.
Голые в снегу стояли люди,
Гордые, не опуская глаз.

По груди, по спинам били струи,
Как по бронзе,
Теплой и живой.
В кулаки сжимали люди руки,
Гордые, с поднятой головой.
Их тела смертельно покрывало
Ледяной слоистой коркой льда...
В грозный час им сердце согревала
Родины далекая звезда.

Если сердце подарить Отчизне,
Для народа засветить его,
То — и так вот,
На исходе жизни —
Ничего не страшно,
Ничего!
Что на свете может быть сильнее
Ненависти, бьющейся в груди!
Так они стояли, ледянея,
Карбышев по праву — впереди.

В ледяном плену кричали души,
Но безмолвно каждый умирал...
И свое молчание нарушил
В час последний старый генерал:

— Помните о Родине, солдаты!
О далекой Родине своей.
Помните о ней —
И дело свято!
Дело свято —
Если сердце — с ней!

Вдумайтесь в слова его простые,
За душу берущие слова.
Не остынет сердце, не остынет,
Если Правда
 в нем
 жива!

...Так они стоят,
Стоят седые.
Над землей бегут за днями дни.
Превратились в статуи —
Живые,
В ледяные статуи они!

Не однажды вспоминаю слово,
Верю и готов ему служить:
«Легче умереть, труднее жить!»
Вера — вот опора и основа.

Карбышев не умер!
Вечным светом
Наши озаряются сердца.
Он остался верен тем заветам,
По которым прожил — до конца!

В лед фашисты превратить хотели,
Превратили, сделали, смогли, —
Льдом его одели,
А на деле —
Вечностью и славой облекли!

Ради убежденности суровой
Смогло сердце, Карбышев, твое.
Жизнь отдал...
Но веру... Прочь, не трогай! —
Храбрые не отдают ее!

Отец мой в страшных муках умирает,
Предсмертный хрип дыханье прерывает,
А я, скрестивши руки на груди,
Беспомощно шепчу: «Не уходи»...

Как странно:

мозг, вместилище вселенной,
Могучей мысли, дерзкой и нетленной,
От капельки, что просочилась в мозг,
Немедля расплывается, как воск.
В себя вобравший

весь наш мир до капли,
Мозг не выносит
жалкой красной капли.

Уперлось в небо око телескопа,
Седьмое небо завоюем скоро,
Наш разум все границы одолел...
А на земле-то столько важных дел,
Загадок, будоражащих сознание!
Ну, что такое кровоизлияние?
Неужто человек приходит в мир,
Чтоб собственная кровь

его убила в миг?
Вдруг вспомнил я, что мой отец недавно
Вот так же рухнул на пол от удара.
Примчалась неотложка за отцом.
Он из больницы вышел молодым.
Ах, почему простую меру эту
Не предложил мне врач?

И я к соседу,
Поверив в чудо, бросился бегом.
И пожалел, что я пришел в тот дом.
Сосед мой с сыном в шахматы играл,
Фигуры отдавал, фигуры брал...
Неужто

наплевать
на все
ему?

Он примет за игру
еще и смерть саму!
Ну, как его понять?
Ну, что это такое?

Столь равнодушным быть к чужому горю!
Там человек вот-вот испустит дух.
Здесь человек играет,

слеп и глух...
Спокойный взгляд на доску устремив,
— Ну, как дела? — спросил он. —

Еще жив?
— Да... Но ему так тяжело, так душно...
Быть может, кислородная подушка
Сейчас нужна?

Я помню, год назад...
— Нет, — врач сказал, —
помочь ему нельзя...

И так
ферзя свирепо бросил в бой,
Как будто бы рванул рычаг земной.
— Шах! — объявил он сыну. — Шах и мат!
А я услышал только:

«страх» и «ад»...
Всю ночь шептал, покачиваясь в дрёме:
«Моей ноги не будет в этом доме!..»
Редела тьма, за окнами светало.
Под утро моего отца не стало...

Толпа народа...
Траурное шествие...
Несу табут¹ отца родного
вместе
С родными, сослуживцами, друзьями.
Из глаз усталых

слезы льются сами.
На сердце безнадежная тоска.
До кладбища дорога далека...
Положено сменяться под табутом.
Но сына нечем заменить как будто.
Я должен до конца

нести отца!
Друзья меня жалеют: умирался...
Друзья желают, чтобы я сменился.
Но я не подпускаю никого:
Не он — меня,
я уморил его.

¹ Табу́т — носилки, на которых несут покойника.

Признаться, я устал идти бессменно.
Я задыхаюсь, озираясь нервно.
Тяжел отец мой!
Ноги не идут!
Нет, больше не могу нести табут.
А как же он

все вынес из-за сына —
Из-за меня?

Откуда черпал силы?..

Я слышу разговоры слева, справа.
У каждого свои заботы, право!
Иные из знакомых — о аллах! —
Встречаются
лишь на похоронах.

Первый разговор

— Хорошую девушку выбрать сумели.
Свадьба у сына на этой неделе.
Не забудь, умоляю, навестить нас, Али!
Чтобы свадьбу тобой мы украсить могли..
— Что ж, приду старой дружбы ради,
Чтоб у вас не разладилась свадьба.

Второй разговор

— За глаза как поносит тебя Орхан!
И умеет людей убедить этот хам!
— Я пока с ним связываться не хочу.
Но в положенный срок я ему отплачу.

Третий разговор

— Салам!
— Салам! Ты разве дома?
Совсем забыл своих знакомых!
— Клянусь, работаю, как вол.
Не замечаю, как день прошел.
К матери глаз не казал все лето.
И впереди никакого просвета...

Четвертый разговор

— Новую должность вы получили.
Я вас поздравляю..
— Понижен в чине!
С чем поздравлять тут? Не вижу!
— Будете к людям поближе.

Пятый разговор

— Что болит? Скажи мне, дорогой!
— Сердце! Больно шевельнуть рукой!
Ничего! Пройдет моя защита, —
Сердцу дам заслуженный покой.

Все суетятся до последних дней.
Никто

мечтой

не жертвует своей.
И даже хороня отца и брата,
Мы все спешим,
бежим,
летим куда-то.
Есть эта ненасытность и во мне.
Я жажду жить с другими наравне.
Но нынче мне странны такие речи...

Под тяжестью табута ноют плечи.
И тут впервые замечаю я:
В толпе идет любимая моя.
Идет одна, несмело, где-то с краю.
Я на нее гляжу — и обмираю.
Должно быть, и узнать меня нельзя, —
Так страшен...

Где же верные друзья?
Я чувствую: еще одна минута —
И я паду под тяжестью табута.
Обвел я мертвым взглядом
все вокруг.

Врача-соседа
заприметил вдруг.
Что выражал мой взгляд, мне неизвестно,

Но он

мгновенно

занял

мое место...

Впервые я вздохнул легко, всей грудью.

Увидел, что со мною рядом люди,

Пригладил волосы,

лоб мокрый промокнул

И тайно на любимую взглянул.

У КАЖДОЙ ВЕСНЫ — ЛАСТОЧКА СВОЯ

1

Темнее тучи грозовой,
Хасрет с поминок возвратился.
Слеза стекала за слезой,
Но не избыл он, как ни тщился,
Всей боли, полнившей его.
Он пил за друга своего,
За армянина Бархудара,
Не чокаясь, — обычай старый,
Какому б ни принадлежал
Народу, требует почтения.
Хасрет обряды уважал
И выпивал не для забвенья.
А поминальное вино
Не в меру пить вдвойне грешно.

Он взгляд тяжелый погружал
В себя и мысленно листал
Страницы юности поющей
И главы зрелости цветущей,
И Бархудара поминал...

Вновь к горлу подкатил комок.
Он крепко зубы сжал и смог
Сдержать прихлынувшие слезы.
Вся жизнь — как пения урок,
Как голоса метаморфозы...

Тому уж сорок лет, как вместе
Он с Бархударом выступал.
Душевный друг и концертмейстер
Его с полслова понимал:
Когда и на какой мугам

Настроить нужно тар искристый,
Где голос в верхние регистры
Взмывал, как птица к облакам.
Всегда оказываясь в «ноте»,
Он безошибочно ловил
Фиоритуру на излете
И плавно на «низы» сводил.

Перед искусством Бархудар
Благоговел. И до конца
Ему был верен. И не тар
Настраивал он, а сердца:
Свое и смежное — певца.

О жизнь — превратностей игра!
И человек игрой прельстился:
Кого ты обнимал вчера,
С тем ныне навсегда простился.
О мир, возможно ли вторжение
В измен слепую череду!
Кто был вчера еще в движеньи,
Сегодня уподоблен льду...

Темнее тучи грозовой,
Хасрет с поминок возвратился.
Слеза стекала за слезой.
Но не избыл он, как ни тщился,
Всей боли, полнившей его.
Он пил за друга своего...

Едва он в дверь, как внук Эльдар
Повис на шее у Хасрета.
Поцеловались мал и стар.
Всё — жизнь, и что сказать на это!
И деда прядь волос седая
Соприкоснулась с прядью черной,
На плечи внука упадая.
Как будто на вершине горной
По прихоти весны земли
В снегу гузея¹ расцвели
Веселые цветы гюнея².
Все — жизнь, и что поделать с нею!

¹⁻² Гузея — северная, гюнея — южная сторона.

— Скорей смотри сюда, дедуся! —
Дед с любопытством обернулся:
— Подумать только, радиола!
— Да, это папа мне купил!
Хасрет на сына покосился.
— А где же наш приемник старый? —
Оглядываясь, он спросил.
— На чердаке, — отец Эльдара
Ему ответил...

Тихо стало.

— А зря! — молчанье дед нарушил,
Погладив внука по головке.
— Как зря? Отец, на что он нужен? —
Воскликнул сын. — Старье и только
— Старье! —

Хасрет задел был этим.
Должно быть, и Аvez заметил
Свою оплошность. Но, как знать,
Оправу станешь поправлять —
Рискуешь камень потерять.

— Ну, нам пора идти, отец. —
Вдруг сразу заспешил Аvez
И подмигнул жене.
— Куда вы? —
На сына посмотрел Хасрет.
— У нас еще подарка нет.
— Какой подарок? Для кого?
— Отец, для друга моего.
Сегодня свадьба у него...
«Отец с поминок, им — забавы».
Умолк, задумался Хасрет.
«Почтенья к старшим нынче нет.
И дети дом свой позабыли».
Как будто бы ему взвалили
На спину гору.

«Вот так штука!
Иль это жизнь, верша свой круг,
Внезапно выбилась из круга:
Его скончался лучший друг,
А сын идет на свадьбу друга.

И мы отцам сынами были
И, точно слуги, им служили.
Теперь же изменились нравы.
Ну, вот, взял под руку жену
При старшем — по какому праву!
И ты еще у них в плену.
Ушли... Опять на мне Эльдар.
Себе в веселье не откажут.
Смотри за внуком, коли стар, —
Так думают, хотя не скажут.

А как я пел! Почет и слава.
О том забыл я вспоминать:
Под старость и мужик, что баба,
А баба мужику под стать...»
— Дедусь, давай построим дом! —
Старик воспрял душой:
— Давай!
И вот сидят они вдвоем,
Из спичек строят дом — не дом,
А целый караван-сарай.

И прочь забота и тоска!
Смеется дедушка до слез.
А внук задумался всерьез.
Два малыша — два старика.
И деду старость не помеха.
Ребячество ему — утеха.
Когда впадает старость в детство,
Душе легко и радость сердцу...

Вот, наконец, малыш притих.
— Пойдем-ка спать, свет глаз моих!
— А ты споешь, дедусь?
— Спою.
— Спой, деда, колыбельную!

И, внука уложив в кровать,
Хасрет тихонько напевать
На лад мугама начинается.
Малыш под песню засыпает.

«О мой народ, настала ночь!
Орла ворона гонит прочь.
Родную мать забыла дочь.
Сноха свекровь не признает»...

Как только песня умолкает,
Эльдар глаза приоткрывает.
— Пой, дедушка!
Старик поет.
И песня крылья сну дает...

«Один Эльдар внимает мне.
Я лишь для внука — хененде¹.
А раньше всюду узнавали,
Меня носили на руках.
— Хасрет, спой раст² или сейгах³! —
Просили, звали, умоляли»...

Умолкла песня. Спит малыш.
Хасрет во двор тихонько вышел.
Цветов пьянящий запах.

Тишь.
И первое, что он увидел, —
Кружилась ласточка в саду.
«А не она ли в том году
Сюда вот так же прилетала?
Не может быть, — решил певец, —
Скорей всего ее птенец.
А мать летать и жить устала.
(Мы все в миру живем одинажды).
Под крышей новая семья
Совет гнездо себе.

У каждой
Весны есть ласточка своя»...

Прошел по саду. Осмотрел:
Все ли на месте, все ль в порядке.
Подпер колками ветки.

Грядки
Поправил.

Походя задел

¹ Хененде — певец.

²⁻³ Народные песни — мугамы.

За яблоню — и белым цветом
Осыпан был он, как ноголом
На свадьбе. Тут опять вздохнул он:
«Как странно все на свете этом!
Что значит старость?

Седина

Бела, как яблоневого цвет.
А может быть, к тебе, Хасрет,
Пришла не старость, а весна?

Растет трава, цветут цветы,
День прибавляет долготы,
И, обновленная весной,
И жизнь становится иной.
И, календарь перекроив,
Начать бы новый год с весны,
Когда природа гонит сны,
Когда деревья, приоткрыв
Глаза своих зеленых почек,
Увидев мир, удивлены.
И дождь шумит. И гром хохочет.

Природа дереву дала
И долгий век, и обновленье,
А человека обошла
Чудесным даром повторенья.

Не ровня человек деревьям.
И по суду природы древней
В сравнении с возрастом земным
Жизнь человека — миг один.
Как молнии спящей сверк —
Твое явление, человек.
Ты — хрупкой молнии зигзаг,
Сгорел в делах и — сгинь во мрак!
А пред своею смертью — раб.
И так всемогущ, как и слаб.

Мир — восхитительная тайна.
Меняются необычайно
Цветы и травы, и чинар.

Глянь, только я один здесь стар!
Друзья покинули меня,
Свернув с пути в иную жизнь.
Я в детство впал, стал как дитя.
О молодость моя, вернись!

У старости печалей тьма.
И от печального ума
И сон бежит, объятый страхом,
И ночь покоя смущает мраком.
Вернись, мой сын! Покой, вернись!
О молодость моя, вернись!

Какая дума гложет душу?
Когда угас душевный жар?
Остыла плоть. На сердце стужа.
И снег на мне.

Я стар! Я стар!
Огонь души моей, зажгись!
Весна души моей, вернись!

А где вы, кони, что седлал я?
Где ветер скачек, славы дым?
Где свадьбы те, что улаживал я
Весенним голосом своим?
Дыханьем воды обжигавший,
Теперь мой голос — лист опавший.

Где молодых речей улада?
Где смех мой, хохот до упада?
На птиц, чьи гнезда разоряли,
Похожи песни мои стали.
Стоустой молодости птица!
Ушла из рук — не возвратится...»

Весь садик обошел старик.
Окинул взглядом землю, небо.
У ног его бежал арык.
Приятней аккомпанемента
Раздумьям, чем воды журчанье,
Не отыскать при всем старании.

А на углу взмыл прямо в небо,
Зеленым пламенем горя,
Чинар,

Всем видом говоря:
«Я — мысль земли, мечта, ракета!»

Хасрет к чинару подошел,
Рукой погладил мощный ствол:
«Хоть в день рожденья моего
Он был отцом моим посажен,
И мне ровесник, всякий скажет,
Что до него мне далеко.

Весною оживает снег
И вновь становится водой.
Так почему же человек
Не может юным стать весной?»

2

Хасрет поднялся на чердак.
Его окутал полумрак.
Остановился. Все вокруг
Он по хозяйски оглядел.
Присел на старенький сундук.

Чердак похож был на музей.
Не повернуться! — так в нем тесно
Но вещь любая интересна
Простой историей своей.
Вот латаный хурджин, корзина,
Палас, обноски, граммофон,
Лошадка, мячик, люлька сына.
Все, что когда-то нажил он,
Погружено в недвижный сон
И в едкий запах нафталина.

Отраднo всех вещей начало.
А что в итоге с ними стало:
Пыль времени на них лежит,
Тоской никчемности сквозит...

«Весь этот хлам — как я, точь-в-точь.
И от него совсем нет проку.
Но не выкидывают прочь:
Лень, видно, затевать мороку.
Старье, давно пора на свалку!
А в то же время как-то жалко —
И слава богу, пусть лежат.
Он даже ощутил, что рад
Такому дела обороту;
Послушай: вещи не молчат —
Кряхтят, вздыхают, шепчут что-то.
Кому дано, тот их услышит.
Сама история в них дышит.
Они глядят во все глаза
Из закоулков прошлой жизни.
Их взгляды не без укоризны,
Не без упреков голоса.

Вот люлька.

В ней когда-то спал
Авез. А мать над ней склонялась.
И я над нею напевал.
Как маятник, она качалась,
Считая время детских снов,
Овеянная лаской слов
И колыбельной песней.

Ныне
Она полна тоской пустыни
И в сон безмолвно погрузилась,
Рассохлась вся и покривилась.
Что вещь для времени!

Оно
И нас меняет заодно.
Земля — как белка в колесе.
А время — кравчий в медресе
Миров и жизнью.

Скажет слово —
Как острой саблей полоснет.
Неумолимо и сурово
Всеу свой предьявляет счет.

И люлька — доски ее гладки,
Пошли бы в дело, хоть куда.

Но внук спит
(время — тамада!)
В никелированной кровати...
Нет, старости не побороть!
И годы нас не пожалеют.
В конце концов не только плоть,
А мысли и душа стареют.
Что возраст — прожитая даль
И только!

Истинная старость —
Когда не радуется радость
И не печалится печаль.

И я настолько стар, что даже
Слова, что я произношу,
Одежда, что теперь ношу,
Об этом без меня все скажут.
Что делать! Есть на то причина.
И время не за что винить:
На мне пиджак и брюки сына
(Из моды вышли — мне носить).
И это не беда моя,
А справедливая расплата:
Для сына свой костюм и я
Перелицовывал когда-то...

С приемником в руках Хасрет
Спустился вниз и вилку в «сеть»
Воткнул.

«Глазок» зеленый,
К себе вниманьем удивленный,
Зажегся. В шипе, треске, гуле
Слова и звуки потонули.
Лицом к лицу два старика.
«Нет, не годится! Дети правы.
Сойди со сцены, друг, пока
Не растерял остатней славы!»

И, сбросив размышлений груз,
Чтоб как-нибудь развеять грусть
И в память друга Бархудары,
Достал он — запись прошлых лет —
Пластинку, где поет Хасрет

Мугам в сопровождении тара.
Вращает механизм пластинку.
Игла выходит на тропинку:
Сейгях рыдает, плачет тар.
И голос — молодости дар —
То ввысь летит, то упадает.
То сладко тает, то стенает;
Глоток свободы и — порыв,
Глоток неволи и — надрыв.

О музыка — плен человека!
Созвучья — все вопросы века,
Что остаются без ответа.
Течение и реченье жизни...
Сметенье, ропот, укоризны...
Нет, не с пластинки звуки льются.
Поют любовь, мечта и юность.

Да он ли это! Что за трели!
С его ли губ они слетели?
Река. На берегу одном
Стоит старик, а на другом
Прекрасный юноша — он сам,
Намного младше по годам.
Здесь — осень, там — весна любви.
А между ними — воды, годы,
И жизни шум летит под своды.
Кричи — хоть голос надорви —
От времени не жди угоды!..

Пластинка кончилась. Он встал
И проиграл ее сначала.
Еще поставил. Замолчала.
Он с грустью сам себе сказал:
«Хоть заведи я тыщу раз,
А все — конец.

Все дело в нас.
Пластинка в том не виновата:
Всему, что начато когда-то,
Всему придет последний час».

Нажал на клавиш. И «глазок»
Погас. Он на кровать прилег.

«Как ни был голос мой прекрасен,
 Но надоел он мне сейчас.
 И повторений путь опасен.
 Не потому ли только раз
 Весна дается жизни нашей!
 Вы мне скажите: кто из вас
 Был счастлив без тоски вчерашней,
 Кто видел свет не видя тьмы?
 Кто знает, так ли страстно мы
 Желали б жизни продолженья,
 Когда б имели повторенья
 Того, что прожито вначале.
 Едва ли, милые, едва ли...»
 Ох, не ложится! Встал Хасрет.
 Включил в гостиной радиолу.
 Всю комнату заполнил голос:
 «Мне без любимой жизни нет!»

И он невольно улыбнулся:
 «И поделом тебе, старик».
 Пел эту песню ученик
 Его.

Раскрылся и проснулся
 Эльдар. И к деду потянулся.
 Старик и внук.

Здесь жизни круг
 По знаку времени замкнулся.
 Вершится дней круговорот.
 Вослед зиме весна идет.

СОДЕРЖАНИЕ

Ст. Куняев. Поделится душой 5

Стихи

Переводы Тамары Жирмунской

Изумление	9
Антенна	11
Дневник	15
Весна	18
Под окнами моими	20
Красота	21
Как все-таки красивы облака...	23
Ты в суть вглядись	25
Кто я?	26
О счастье	27
Разговор с врачом	29
Окурки	31
«Эмка» — «Волга»	33
Чужое тепло	35
Осторожность	36
Воспоминания о бабушке	38
Восемнадцать дней	41
Кто умнее	43

Переводы Риммы Казаковой

«Свет есть свет, он — путь огня...»	44
Суть сущности	45
Трамвай	46
Упорство	47
Два слепца	48
«Уходят годы, словно в руслах — воды...»	49
Поездка в ночи	50
«Чего мы хотим...»	52

Переводы Юнны Мориц

«Весною живем ожиданьем зимы...»	54
«Что печалит тебя?..»	55
«Так хочется сказки, когда за окном...»	56
Падает снег	57
Корни	58
Воспоминания	59
«Ты пел веками, соловей...»	60
Цветок среди хлебов	61
Я говорю — ты говоришь	62
«На этом берегу Аракса...»	63
«Спускайся на землю, скорей...»	64
«С ревами вонючими взмыла эскадрилья...»	65
Долг	66

Переводы Владимира Цыбина

«Искорка любви вдруг наугад...»	67
«Тяжелое, как будто шар земной...»	68
Мера времени	69
Ручей, бегущий пред моим окном	72
Конь смешанной породы	74
Если бы...	76
Ответ на одно письмо	77
«Конь мой быстrolетный — хвостинка...»	78
«Скончался он. В слезе закрытых глаз...»	79
Вовремя...	80
Воображенья крылья мои	82
Обелиски	84
«Ничего, когда слепого обзовет слепец слепцом...»	87
«Человек я! Тысячи желаний...»	88
«Скажи, как нам с тобой расстаться...»	89
Воюем мы	90
Смерть, человека достойная	91
Улыбка младенца	93
По ту сторону меня	94
Трое	96
А мне какое дело?	99
Моим студентам	101
Вымпел в космосе	104

Переводы Натана Злотникова

Новогодние раздумья	106
«Что искренность моя тебе отныне?..»	108
Поток	109
«Сегодня я не тот, что был вчера...»	110
Диалог	111
Школьная доска	112
Вязы	113
«Любовь моя землею стать готова...»	114
Частица — мир	115
Стихи — моя вера	117
«Тело что-то устало...»	118

Переводы Егора Самченко

Потерял на улице	119
Спуск — подъем	121
Размышление	123
Мать и дети	124
Человек и Вселенная	125
Наука — нравственность	126
Весна и я	130
Дорожный знак любви	131
Старики	132
Этот Древний мир	134
Поэты	135
Стихи на камне	138
Жажда	140
Жизнь, стиха и жизнь моя	141

Замок	143
Рассвет — закат	144
«Давай-ка, с дружною покончим, друг...»	147

Переводы Владимира Фирсова

Карабахский конь	148
«—Любимый мой, желаю сказки я...»	152
Двадцать пять лет	153
«Я у себя порой могу спросить...»	156

Переводы Ирины Волобуевой

Как горный водопад	157
За столом	160
Коварство и любовь	162

Переводы Александра Грича

Обсерватория в Пиркули	166
Телескоп	168
Астроном — поэт	169
Карта неба	171
Бесконечность	172
Голоса в эфире	173

Переводы Владимира Портнова

Высота	176
«Когда на сердце у меня легко...»	178

Переводы Анатолия Горюшкина

Вечерний час	179
«Ночью и на рассвете...»	180
Заповедник	181

Переводы Игоря Шкляревского

Не гаси	183
«Нет на небе зеленых платанов...»	184
Книга истории. Перевод Александра Балина	185
Я понял... Перевод Вячеслава Зайцева	192

Поэмы

Разговор с Лениным. Перевод Владимира Цыбина и Егора Самченко	195
Оценка. Перевод Анатолия Передресова	221
Мугам. Перевод Сиявуша Мамед-заде	233
Летите, песни мои. Перевод Владимира Цыбина	260
Вторая жизнь. Перевод Вячеслава Зайцева	266
Радость в скорби. Перевод Тамары Жирмунской	271
У каждой весны — ласточка своя. Перевод Эдуарда Балашова	277

Ваһабзаде Бәхтијар Маһмуд оғлу
СЕЧИЛМИШ ӘСЭРЛƏРИ

Редактор М. Векилов. Художник И. Кулиев. Художественный редактор А. Мамедов. Технический редактор М. Мамедов. Корректоры Н. Фидлер, Н. Шамшура.

Сдано в фотонабор 7/VI 1976 г. Подписано к печати 26/I 1978 г. Формат бумаги 84×108¹/₂. Бум. № 1. Физ. п. л. 9,125. Условн. п. л. 15,33. Учетн.-изд. л. 11,4. Заказ № 771. Тираж 7 000. Цена 1 руб. 90 коп.

Государственный комитет Совета Министров Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Азербайджанское государственное издательство. Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 4.

Типография им. 26 бакинских комиссаров. Баку, ул. Али Байрамова, № 3.

1
689942